

С Т И В Е Н Э Р И К С О Н

ДОП ЦЕПЕЙ

МАЛЯЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ • КНИГА 4

18+

Малазанская империя

Стивен Эриксон

Дом Цепей

«Азбука-Аттикус»

2002

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-445

Эриксон С.

Дом Цепей / С. Эриксон — «Азбука-Аттикус»,
2002 — (Малазанская империя)

ISBN 978-5-389-23929-6

Семиградье, некогда оккупированное Малазанской империей и попавшее к ней под пяту, восстало. Само существование империи под угрозой. Императрица Ласин карательными мерами пытается подавить мятеж. Воинство Апокалипсиса – Вихрь Дриджны, – сосредоточенное в священной пустыне Рараку, во главе с Ша'ик Возрожденной, ведет свою двойную игру. В стане семиградских мятежников также нет единства и понимания: маги, пустынные племена, перебежчик Корболо Дом – все хотят переиграть ситуацию в свою пользу. Цепь судеб и обстоятельств, которая сковывает людей, вот-вот оборвется. Чем это закончится для планеты? Чередой новых несчастий? Миром? Покоем? Ответа нет...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-445

ISBN 978-5-389-23929-6

© Эриксон С., 2002
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

Благодарности	6
Действующие лица	9
Пролог	13
Книга первая.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Стивен Эриксон

Малазанская книга павших. Кн. 4: Дом Цепей

Steven Erikson

HOUSE OF CHAINS

Copyright © Steven Erikson, 2002

First published as House of Chains in 2002 by Bantam Press, an imprint of Transworld Publishers.

Transworld Publishers is part of the Penguin Random House group of companies.

All rights reserved

Карты выполнены Юлией Каташинской

© И. Б. Иванов, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

* * *

Я стою с отвисшей челюстью в благоговейном страхе перед «Малазанской книгой павших». Это шедевр писательского воображения – возможно, высшая точка эпической фэнтези. Этот марафон авторских амбиций обладает глубиной, всесторонним охватом и ощущением враждебной бесконечности времени: и все это не похоже ни на что, сделанное в литературе сегодня. «Черный отряд», «Эмбер» Железны, «Умирающая Земля» Вэнса и другая мощная барабанная дробь – всего лишь предзнаменования сокровищ этого скрывающегося в тени дракона.

Глен Кук

Эриксон – выдающийся писатель. Советую всем, кто может меня услышать, побалуйте себя его книгами. И мой совершенно эгоистичный совет Стивену Эриксону: поскорее пишите дальше.

Стивен Дональдсон

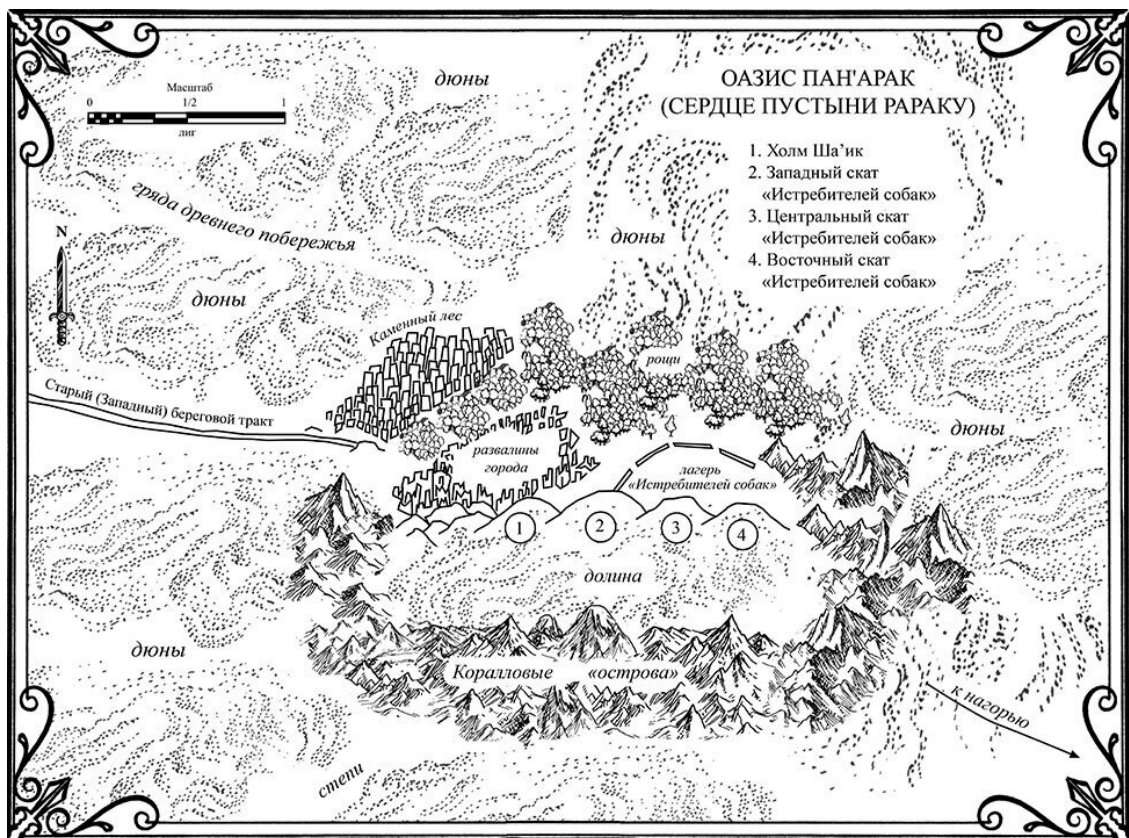
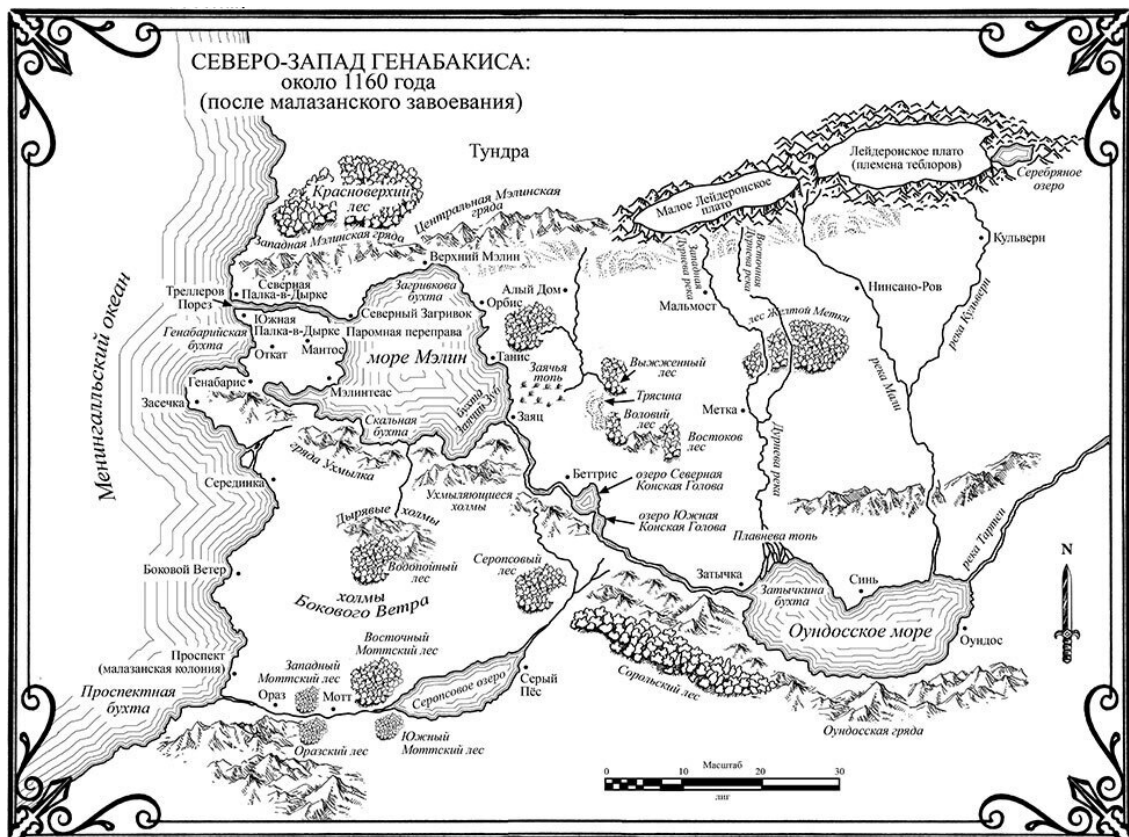
* * *

*Марку Пакстоу-Макрею,
за удар, буквально отправивший меня в нокаут.
Эта книга, дружище, полностью твоя*

Благодарности

Как всегда, выражаю глубокую признательность своим верным и преданным читателям: Крису Порозны, Ричарду Джоунзу, Дэвиду Кеку, Марку Пакстону-Макрею, Клер и Боуэну. Кроме того, хочу от души поблагодарить Саймона Тейлора и всю команду издательства «Transworld». Огромное спасибо ангельски терпеливым работникам «Tony's Bar Italia»: Эрике, Стиву, Джессу, Дэну, Рону, Орвиллу, Римпи, Рее, Кэму, Джеймсу, Конраду, Даррену, Расти, Филу, Тодду, Марни, Крису, Лие, Аде, Кевину, Джейку, Джеми, Грими и обоим Домсам. Отдельная благодарность Даррену Нэшу (за то, что тесто у него всегда поднималось вовремя) и Питеру Кроутеру.

Действующие лица

Уриды (клан народа теблоров)

Карса Орлонг – молодой воин
Байрот Гилд – молодой воин
Делюм Торд – молодой воин
Далисса – невеста Байрота Гилда
Палик – дед Карсы
Синиг – отец Карсы

Малазанская армия в Семиградье

Тавора – адъютантесса императрицы Ласин
Гамет – верховный кулак (в прошлом – командир стражников в доме Паранов)
Ян'тарь – сердечная подруга Таворы
Тин Баральта – кулак (в прошлом – командир «красных клинков»)
Блистиг – кулак (в прошлом – командир Арэнского гарнизона)
Кенеб – капитан
Ковырялка – маленький мальчик, приемный сын капитана Кенеба
Нок – адмирал
Алардис – женщина-офицер, служащая под командованием Нока
Нихил – юный виканский колдун
Бездна – юная виканская колдунья, сестра Нихила
Темул – юный виканский командир из клана Ворона (один из участников «Собачьей цепи»)
Прищур – воин Арэнского гарнизона
Жемчуг – член тайного братства «Коготь»
Шик – командир Жемчуга
Лостара Йил – помощница Жемчуга (в прошлом – офицер «красных клинков»)
Галль – командир хундрийского легиона «Выжженные слезы»
Имраль – воин из отряда Галля

Военные моряки Девятой роты, Восьмой легион

Раналь – лейтенант
Струнка – сержант (в прошлом – *Скрипач*, сапер из сжигателей мостов)
Геслер – сержант
Скучень – сержант
Смоляк – капрал
Ураган – капрал
Хубб – капрал
Бутылка – взводный маг
Улыбочка – рядовая
Корик – рядовой, наполовину сетиец
Спрут – сапер

Истин – рядовой
Пелла – рядовой
Тэвос – рядовой
Песок – рядовой
Балгрид – рядовой
Ибб – рядовой
Можетбыть – рядовой
Лутис – взводный лекарь

Отборные части тяжелой пехоты Девятой роты, Восьмой легион

Мосол – сержант
Одинокая – сержант
Тагг – сержант
Смекалка – рядовая
Юргель – рядовой
Чаши – рядовой
Шлепонос – рядовой

Отборные части средней пехоты Девятой роты, Восьмой легион

Припарка – сержант
Моак – сержант
Запашок – капрал
Жгучий – капрал
Тюльпан – капрал
Горлорез – рядовой
Ветроплюй – рядовой
Гэльт – рядовой
Лобик – рядовой
Гребло – рядовой
Пандус – рядовой
Умелец – рядовой

Прочие малазанские воины

Канат – сержант Второй роты Ашокского полка
Эброн – кадровый маг Пятого взвода Ашокского полка
Хромуша – рядовой Пятого взвода
Звонарь – рядовой Пятого взвода
Осколок – капрал Пятого взвода
Добряк – капитан Второй роты
Конопатый – лейтенант Второй роты
Упертый – малазанский караульный в Эрлитане
Лужища – малазанский караульный в Эрлитане
Кривоzub – сержант-наставник новобранцев, гарнизон Малаза
Ирриз – капитан, переметнувшийся на сторону мятежников
Синна – беженка, примкнувшая к остаткам воинов Ашокского полка

Гентур – военный моряк
Обманичик – военный моряк
Хаула – одна из командиров тайного братства «Перст»

Натианцы (народ, населяющий северную часть Генабакиса)

Сильгар – рабовладелец
Дамиск – стражник
Балантис – торговец
Астабб – охотник за головами
Боругг – охотник за головами

Прочие действующие лица на Генабакисе

Успокоительница – колдунья расы форкрул ассейлов
Торвальд Ном – уроженец Даруджистана
Ганал – узник из теблорского племени сунидов

Армия Дриджны (Воинство Апокалипсиса)

Ша'ик – Избранница богини Вихря (в прошлом – *Фелисин из дома Паранов*)
Фелисин-младшая – ее приемная дочь
Тоблакай – телохранитель Ша'ик (он же *Карса Орлонг*)
Леоман Неистовый – телохранитель Ша'ик
Л'орик – высший маг
Бидитал – высший маг
Фебрил – высший маг
Геборик Призрачные Руки (в прошлом – *Геборик Легкая Рука*) – бывший жрец Фэнера
Корболо Дом – малазанский перебежчик, вставший на сторону Ша'ик
Камист Релой – высший маг в свите Корболо Дома
Хенара – колдунья в свите Корболо Дома
Файелла – колдунья в свите Корболо Дома
Маток – предводитель воинов пустынных племен
Т'морол – телохранитель Матока
Корабб Бхилан Тену'алас – офицер из отряда Леомана
Сциллара – ученица Бидитала и его лазутчица
Дюриль – солдат из «Истребителей собак» (отборные подразделения Корболо Дома)
Этюм – солдат из «Истребителей собак»
Казанал – наемный убийца Корболо Дома (в прошлом шаман племени семаков)

Прочие действующие лица

Калам Мехар – убийца
Труль Сенгар – воин расы тисте эдур
Онрак – т'лан имасс
Резак – убийца (в прошлом – *Крокус*)
Апсалар – убийца
Реллок – отец Апсалар

Котильон – Покровитель Убийц
Путник – уроженец Дал-Хона
Крест – Пес Тени
Бельмо – Гончая Тени
Дарист – тисте анди
Ба'йенрок (Хранитель) – отшельник
Ибра Голан – предводитель клана т'лан имассов
Монок Ошем – заклинатель костей (шаман) из клана Логросовых т'лан имассов
Харан Энал – т'лан имасс
Олар Шайн – т'лан имасс
Лягушан Серый – демон-фамильяр
Апт – апторианская демоница Тени
Азалан – азаланский демон Тени
Панек – дитя Тени (малазанский мальчик, казненный мятежниками и спасенный Апт)
Мебра – шпион в Эрлитане
Искарал Прыц – верховный жрец Тени
Могора – жена Прыца, д'иверс
Синнигиг – яггут
Фирлис – яггутка, сестра Синнигига
Арамала – яггутка, сестра Синнигига
Икарий – ягг-полукровка
Маппо – неизменный спутник Икария, трелль
Джорруд – сенешаль тисте лиосан
Малакар – тисте лиосан
Эниас – тисте лиосан
Оренас – тисте лиосан

Пролог

Канун появления Затопленного мира

943-й день Поиска, 1139-й год Сна Огни

Илистый берег был сплошь усеян вздувшимися серыми трупами. Они напоминали громадные поленницы дров, этакий плавник из принесенных волнами мертвых тел. Гниющая плоть привлекала скопища десятиногих черных крабов. Орды этих крошечных, размером с монетку, существ вряд ли догадывались, что столь неожиданный и щедрый пир им подарил разрыв в одном из магических Путей.

Морские воды послушно окрасились в свинцовый цвет низко нависших небес. Он господствовал повсюду, становясь темнее там, где вода сменялась полосой ила. И только вдали, на приличном расстоянии от берега, к серым оттенкам добавлялась грязная охра стен самых верхних ярусов бывшего города. Вода захлестнула его внезапно. Потом буря утихла, а море осталось, довольное обильной жатвой.

Жители погибшего города были низкорослыми и коренастыми. Длинные, никогда не знавшие ножниц светлые волосы обрамляли их круглые лица. Эти люди привыкли жить в холоде, о чем свидетельствовали их теплые, на толстой подкладке одежды. Когда в магическом Пути внезапно образовался разрыв, здешний климат резко изменился. Воздух сделался жарким и влажным; зловоние, утвердившееся в нем, перебивало все прочие запахи.

Однако море появилось в этих местах сравнительно недавно. Его породила река, хлынувшая из дыры в магическом Пути, – широкая и необычайно длинная. Никто не знал, где находится ее исток, ибо река эта текла из другого мира. Ее пресные воды не отличались прозрачностью; наоборот, они несли с собой громадные пласты ила, в которых путешествовали здоровенные каракатицы и невиданные в этих краях пауки размером с тележное колесо. Вся равнина сделалась одной необозримой поймой новой реки. На мелководьях плодились крупные и мелкие крабы. За ними охотились диковинные плотоядные растения, не имевшие корней и способные перемещаться. Так продолжалось довольно долго: дни, недели, месяцы.

Вместе с рекой в здешний мир ворвался и жаркий воздух, немедленно затеявший смертельную битву с умеренным климатом этих мест. Над рекой, успевшей разлиться до размеров моря, беспрестанно проносились бури. Но еще раньше, чем море вознамерилось смыть город, немало его обитателей погибло от морового поветрия. Оставшиеся в живых утонули. Спасшихся, скорее всего, не было; просто кто-то сумел чуть отсрочить собственную гибель...

Минувшей ночью дыра в магическом Пути столь же неожиданно закрылась. Река вернулась обратно в мир, которому принадлежала. А вот море осталось.

То, что предстало глазам Трулля Сенгара, когда его волокли по скользкому илу, вряд ли можно было назвать побережьем, но иного слова он подобрать не смог. Ил доходил до самой стены, такой длинной, что оба ее конца скрывались за горизонтом. В отличие от людей, стена благополучно пережила наводнение, встав на пути яростных волн.

Трупы слева, стена справа – это все, что видел Труль Сенгар. Он предпочел смотреть на стену. Ее высота в семь или восемь раз превосходила человеческий рост, а ширина составляла около тридцати шагов. Стена выстояла, выдержав натиск моря, которое и сейчас еще дышало магией. Горячий воздух подсушил ил, обнажив кое-где каменные плиты. Какие-то серо-коричневые букашки торопились убраться прочь, освобождая путь для пленителей и их жертвы.

Заметив это, Труль Сенгар мысленно усмехнулся.

Пленители. Как странно! Он стал узником тех, кого еще совсем недавно называл братьями. Сородичей, соплеменников, чьи лица были знакомы ему с детства. Он привык видеть их рядом: веселые, задумчивые или застывшие в скорби, они неизменно служили отражением его

собственных чувств. Ведь что бы ни случилось, Трульв Сенгар всегда был рядом с братьями, деля с ними радость побед и горечь потерь.

Пленители.

Ни улыбок, ни смеха. Угрюмые, холодные лица.

«В кого же мы превратились?» – подумал Трульв Сенгар.

Тюремщики остановились и грубо толкнули пленника вниз, не обращая внимания на его многочисленные, до сих пор еще продолжавшие кровоточить раны. Погибшие жители города зачем-то вбили в стену массивные железные кольца, которые располагались, насколько хватало глаз, по всей ее длине через равные, примерно в пятнадцать шагов, промежутки.

Что ж, скоро у одного такого кольца появится новое предназначение.

Трульв Сенгар был целиком опоясан цепями. Его запястья и лодыжки сковывали кандалы. Талию стягивал железный обруч с шипами, отчего каждое дыхание отзывалось болью. Но пленителям этого показалось мало. К нижней челюсти узника приладили особые тиски, в которые зажали его высунутый язык.

Затем пленители учинили над ним ритуал Изгнания. Острие кинжала прочертило на его лбу круг, а затем провело косую черту, проникнув вглубь едва ли не до самой кости. В раны Труля Сенгара втерли пепел. Длинную косу волос вырвали с корнем, так что затылок был весь в крови. Затем ему густо намазали голову особой мазью. Через несколько часов все оставшиеся волосы выпадут, обнажив лысый череп.

Изгнание было самым суровым наказанием; обычная казнь в сравнении с ним казалась милосердной. Для соплеменников отверженный просто-напросто переставал существовать. Никто не оплакивал его участь. Все деяния изгоя (включая подвиги) предавались забвению вместе с его именем. Родители отныне считали, что у них никогда не было этого ребенка.

Однако Трульв Сенгар не совершил никакого преступления.

«Вот в кого мы превратились», – снова подумал он.

Над ним склонились знакомые лица. Похоже, только теперь до пленителей начал доходить смысл содеянного ими.

– Сейчас мы будем говорить о нем, – нарушил молчание знакомый голос. – Когда мы уйдем отсюда, он навсегда перестанет быть нашим братом.

– Сейчас мы будем говорить о нем, – подхватили остальные, и кто-то из них добавил: – Он предал тебя.

«Ты полон злорадства, но умело скрываешь свои истинные чувства», – подумалось узнику.

– Говоришь, он меня предал? – спокойно переспросил первый голос.

– Да, брат.

– А есть ли тому доказательства?

– Да, его собственный язык.

– Ты один утверждаешь, что слышал предательские слова?

– Я тоже это слышал, – вмешался другой голос.

– И я, – добавил третий.

– В таком случае что наш брат говорил всем вам?

– Он говорил, что ты обрубил наши кровные узы...

– Что теперь ты служишь какому-то тайному хозяину...

– А еще он утверждал, что твои честолюбивые устремления погубят нас всех...

– Весь наш народ...

– Стало быть, он выступал против меня? – уточнил первый голос.

– Да.

– И собственным языком обвинил меня в предательстве нашего народа?

– Да.

– Можно ли считать меня изменником? Поразмислим немного над этим обвинением. Южные земли в огне. Неприятельская армия бежала, а уцелевшие враги ползают перед нами на коленях, готовые стать нашими рабами. Мы буквально из ничего создали империю. И наша сила продолжает расти. Но! Что мы должны сделать, чтобы стать еще сильнее? Подскажите мне, братья.

– Мы должны искать.

– Верно. А что вы должны сделать, когда найдете искомое?

– Мы должны вручить искомое тебе, брат.

– Вы осознали, сколь необходим этот шаг?

– О да, осознали, все как один.

– Вы понимаете, какую жертву я приношу ради вас, для нашего народа, во имя нашего будущего?

– Понимаем, брат, – почти хором ответили голоса.

– И тем не менее во время поисков наш бывший брат высказывался против меня.

– Да, это так.

– Что еще хуже – он пытался защищать наших новых врагов.

– Верно. Он осмелился назвать их нашими истинными родичами и говорил, что мы не должны их убивать.

– Но если бы они и впрямь были нашими истинными родичами...

– То не погибли бы так быстро.

– И какой же из этого следует вывод? – осведомился первый голос.

– Он предал тебя, брат.

– Он предал всех нас, братья, да?

Воцарилось молчание.

«Ага, теперь тебе нужно втравить в свои преступления также и всех остальных. Ты хочешь, чтобы они добровольно взяли на себя эту ношу. Но они колеблются».

– Что же вы молчите, братья? Разве он не предал всех нас?

– Предал... Предал... Предал... – послушно отвечали голоса.

«С каким же трудом и сколь неуверенно вы произносите это слово».

– Так как же, братья? Неужели мы станем покрывать это преступление? – едва сдерживая злость, спросил первый голос. – Чума предательства угрожает погубить нашу семью. Кем мы будем, если допустим подобное? Вернемся ли мы сюда еще раз? Братья, мы должны быть бдительными – даже друг с другом... А теперь мы закончили говорить о нем. Его больше нет.

– Его больше нет, – повторил нестройный хор.

– И никогда не было.

– И никогда не было.

– Тогда нам здесь больше делать нечего.

– Да, нечего.

– Идемте отсюда, братья.

Труль Сенгар слушал удаляющиеся шаги, пока звук их не перестал достигать его ушей. Он остался один, крепко прикованный к железному кольцу. Цепи не позволяли ему шевельнуться, а глаза видели лишь перепачканный илом кусок стены вокруг кольца.

Потом его уши уловили другой звук, напоминавший шелест.

«Это волны качают трупы», – догадался Труль Сенгар.

По нему деловито ползали крохотные крабики. А вода все равно просачивалась сквозь гигантскую толщу стены и катилась дальше.

Его народу давно была известна великая истина. Возможно, единственная, достойная так называться: у Природы есть лишь один враг, с которым она ведет нескончаемую войну. Понять эту истину – значит понять окружающий мир и все остальные миры, какие существуют.

«Да, у Природы только один враг – нарушенное равновесие. Стена сдерживает море. В этих словах заключен двоякий смысл. Братья мои, неужели он скрыт от вас? Стена сдерживает море. *Пока* еще сдерживает. А потом...»

Море погубило город, но это – лишь начало потопа. Как все просто; тем не менее братья этого не понимают и вряд ли поймут. Им не страшно идти ко дну; его соплеменники никогда не боялись участи быть погребенными под волнами. Вскоре и он сам, Трулль Сенгар, тоже утонет. А еще через какое-то время (не слишком продолжительное) – подобная участь ждет и весь их народ.

Его брат нарушил равновесие. И Природа этого не потерпит.

Книга первая. ЛИКИ-НА-СКАЛЕ

*Чем медленнее река, тем краснее ее воды.
Натианская поговорка*

Глава первая

Дети из темного дома выбирают тенистые пути.
Натианская народная мудрость

Прежде чем воинам удалось загнать пса в старую земляную печь на окраине деревни, он успел покалечить женщину, старика и ребенка. Вплоть до этого дня он был послушным сторожевым псом. В меру свирепым, как и полагается каждой собаке, охраняющей земли уридов и честно исполняющей свой нелегкий долг. Сначала думали, что он заразился бешенством от диких зверей. Однако на теле животного не было ни укусов, ни даже царапин, да и пена из пасти не сочилась. Положение, которое этот пес занимал в стае родного селения, тоже никто не оспаривал. Словом, никаких видимых причин не было: превращение верного сторожа в безжалостного убийцу выглядело столь же неожиданным, как если бы посреди лета вдруг пошел снег.

Пса закололи копьями, пригвоздив к глиняным стенам печи. Когда затих его последний яростный вой, воины вытащили оружие из бездыханного тела и не поверили своим глазам: окровавленные, покрытые слюной древки были изжеваны в щепки, а железо копий – все в зазубринах.

Воины знали, что безумие способно таиться глубоко внутри, годами напролет не давая о себе знать. Но стоит ему попасть в кровь, как все меняется в то же мгновение. Шаманы осмотрели всех, на кого напал пес. Старик и женщина уже умерли от страшных ран, а мальчик еще цеплялся за жизнь.

Соблюдая ритуал, отец малыша отнес его к Ликам-на-Скале и положил на поляне, перед Семерыми богами теблоров... Вскоре ребенок, оставшийся наедине с болью и страхом, умер. Вряд ли он даже видел взиравшие на него суровые каменные лица. Он был еще слишком мал и не умел молиться.

Разумеется, это случилось еще давным-давно, за много веков до пробуждения Семерых богов.

Год Уригала Своенравного 1159-й год Сна Огни

Сказания хранили память о славных временах. Они повествовали о пылающих домах низинников, о детях, которых лигу за лигой волокли за лошадьми на веревках. Трофеи тех давних дней украшали приземистые стены дедовской хижины. Там были скальпы со следами боевых шрамов, хрупкие челюсти и ветхие, обгоревшие куски одежды, сшитой из неизвестной ткани. На каждом столбе, подпирающем крышу, висело множество маленьких сморщенных ушей.

Все эти трофеи доказывали, что Серебряное озеро – не выдумка. Оно действительно существует, и до него можно добраться за неделю или за две. Путь, конечно, неблизкий, а местами и опасный. Но опасность таилась не только в густых лесах и на горных перевалах. За землями уридов начинались территории сунидов и ратидов. Хотя оба этих клана, так же как и

они сами, принадлежали к народу теблоров, уриды испытывали к ним давнишнюю неприязнь. Дед рассказывал, что странствие через владения сунидов и ратидов было не менее славным, чем события на берегу Серебряного озера. Уридские воины двигались словно призраки. Вражеские дозорные и охотники даже не подозревали, что они где-то рядом. А как весело было проникнуть ночью в неприятельский лагерь и разворошить там камни очагов! Большого унижения для теблорских воинов, пожалуй, и не придумаешь. Миновав земли соседей, отряд уридов оказался наконец в неведомых краях, где их ждали удивительные богатства.

С самого детства Карса Орлонг был зачарован рассказами деда, буквально жил и дышал ими. Мальчик грезил подвигами соратников старого Палика, частенько видел во сне этих храбрых воинов, которые разительно отличались от Синига – его отца и сына Палика. Сам Синиг не участвовал ни в одном набеге на чужие земли. Он только и умел, что пасти лошадей. Надо ли говорить, что и Карсе, и Палику было за него стыдно?

Конечно, Синиг неоднократно защищал свой табун, сражаясь с захватчиками из других кланов. Он бился яростно и очень искусно. Но в этом не было ничего героического: так надлежало вести себя каждому, в чьих жилах текла кровь уридов. Недаром ведь их Ликом-на-Скале был Уригал Своенравный – самый свирепый и неистовый из Семерых богов. Так что остальные теблорские кланы имели все основания бояться уридов.

И если уж на то пошло, то разве не Синиг превосходно обучил сына боевым танцам? Невзирая на юный возраст, Карса виртуозно владел клинком. Металлические мечи у его соратников были не в ходу: их делали из особого прочного дерева, называемого кровавым. К стрельбе из лука уриды относились с пренебрежением. Помимо деревянных мечей, они также использовали копья, атлатли, зазубренные диски и веревки. Благодаря отцу Карса освоил все виды оружия и уже считался одним из лучших воинов клана.

Впрочем, обучая сына, Синиг всего лишь выполнил свой родительский долг, ибо так издавна было заведено у уридов. И гордиться здесь по большому счету было нечем. Те же боевые танцы – всего лишь приготовление к настоящим сражениям. Славу приносили не они, а участие в состязаниях, набегах и войнах. Вражда между кланами была давней, и корни взаимной мести уходили в седую древность.

Нет, жизнь самого Карсы не будет похожей на будничное, бесцветное существование его отца. Юноша решил, что пойдет путем деда, в самом буквальном смысле этого слова. Он повторит славный поход Палика. Уриды привыкли верить, что они самые могущественные из всех теблорских кланов. Однако дед не раз говорил мальчику, насколько опасно жить былой славой, не приумножая ее в новых сражениях. Как-то Палик признался внуку, что бессонными ночами его кости ноют не столько от старых ран, сколько от стыда за никчемность Синига.

«Зато деду не будет стыдно за своего внука. Я встряхну уридов и напомню им о славном прошлом нашего клана. Я, Карса Орлонг, не стану довольствоваться малым. Я доберусь до Серебряного озера. Делом Торд пойдет со мной, и Байрот Гилд – тоже. Мы как раз вошли в возраст воинов. Мы уже проверили свою силу в набегах на соседние земли. Мы убивали врагов и уводили их лошадей. Келлиды и буриды крепко запомнили, как мы разворошили камни в их очагах... Время настало. Это год твоего имени, Уригал. В нынешнюю ночь – ночь новолуния – мы отправляемся к Серебряному озеру. Скоро живущие там дети падут под ударами наших мечей».

Эти слова Карса произносил мысленно, стоя на коленях перед Ликами-на-Скале. Молодой воин не отваживался поднять голову, но он и так ощущал на себе благосклонный взгляд Уригала. Бог понимал и разделял неукротимое желание Карсы поскорее отправиться в поход. Остальные боги взирали на юного урида с завистью и ненавистью, ибо ни один из молодых воинов их кланов не произносил перед ними столь дерзких клятв. Если кто и оставался равнодушным, то одна только Сибалла, не имевшая своего клана и потому прозванная Безродной.

Мысли Карсы переключились на весь народ теблоров. Ох, прав был Палик, который не раз говорил внуку, что самодовольство – это лстивый и коварный враг, способный погубить их соплеменников. Считая себя сильными и непобедимыми, они успокоились и размякли. Мир, лежащий по ту сторону гор, давно отставил попытки вторгнуться во владения теблоров. Но и сами теблоры во многом утратили прежний боевой пыл. Если бы не межклановые стычки, тела воинов и вовсе обросли бы жирком. Последним, кто совершил поход в чужие земли, был дед Карсы. Он дошел до берегов Серебряного озера, где, подобно сгнившим грибам, торчали дома низинников, а они сами сновали туда-сюда, как мыши. Дед рассказывал о двух крупных крестьянских усадьбах и полудюжине мелких. Должно быть, теперь их стало больше. Былая слава Палика померкнет в сравнении с тем, что учинят на берегу Серебряного озера Карса, Делюм и Байрот.

«Клянусь тебе, возлюбленный Уригал: я пораду тебя такими трофеями, каких сюда еще никто не приносил. Быть может, они освободят тебя из камня, и ты снова поведешь наших воинов в бой. Я, Карса Орлонг, внук Палика Орлонга, обещаю тебе это. А если в твоей душе еще остались сомнения, знай: мы выступаем сегодня, едва зайдет солнце. Трое уридских всадников отправятся к Серебряному озеру. Более четырехсот лет его берега не видели теблоров. Скоро они содрогнутся от топота копыт наших боевых коней».

Карса медленно поднял голову, устремив глаза к свирепому, будто звериная морда, лику Уригала. Ему показалось, что в пустых каменных глазницах бога блеснула радость. Показалось? Нет, он кожей ощущал, что Уригал доволен: богу не терпится получить обещанные трофеи. Карса обязательно расскажет об этом Делюму и Байроту. И Далиссе тоже расскажет, чтобы она благословила его в путь. Карса нуждался в этом, хотя никогда не слышал от девушки ни одного теплого слова. Как же ему хотелось, чтобы на прощание она произнесла: «Я, Далисса, еще не получившая родового имени, благословляю тебя, Карса Орлонг, на твой нелегкий и славный поход. Желаю тебе уничтожить целый легион детей. Пусть их крики напитают твои мечты. Пусть их кровь пробудит в тебе жажду новой крови. Пусть огонь их пылающих жилищ озарит твой жизненный путь. Желаю тебе вернуться обратно, неся в своей душе тысячи смертей, и взять меня в жены».

Она вполне может сказать ему такие слова. Карса чувствовал, что он небезразличен Далиссе. Да, именно он, а не Байрот. Далисса просто забавлялась с Байротом, кокетничала. Так поступают все девушки. Но ее Кинжал Ночи оставался в ножнах. У Байрота нет настоящего честолюбия; он вспыхивает и быстро остывает. Такой человек не способен вести за собой. Байрот может только подчиняться другим, а Далиссе этого явно мало.

Далисса будет принадлежать ему, Карсе. Она дождется его победоносного возвращения с берегов Серебряного озера. Только для него Далисса вынет из ножен свой Кинжал Ночи.

«Желаю тебе уничтожить целый легион детей. Пусть огонь их пылающих жилищ озарит твой жизненный путь».

Карса поднялся с колен. Листва берез, окружавших полянку, замерла. Ни ветерка. Воздух, который казался густым и тяжелым, проникал сюда с низин, двигаясь вслед за солнцем. Достигнув поляны с Ликами-на-Скале, он замирал, чтобы превратиться в дыхание богов.

Карса не сомневался: дух Уригала сейчас находится рядом с ним. Его привлекла клятва молодого воина, его обещание вернуться, увенчанным славой. Да и остальные боги тоже наверняка заинтересовались. Карса узнал их имена раньше, чем научился произносить первые слова: Берок Шептун, Кальб Молчаливый Охотник, Теник Сокрушенный, Халад Оленерогий, Имрота Жестокая и Сибалла Безродная. Сейчас все они снова пробудились и жаждали крови.

«Так внимайте же мне, боги! Я только начинаю свой путь. Совсем недавно я вступил в восьмидесятый год жизни, став полноправным воином. Я слышал древние легенды, которые рассказывали друг другу шепотом. Они повествовали о человеке, который однажды придет и сплотит всех теблоров, прекратит распри между кланами и поведет единую теблорскую

армию на низины, чтобы начать Войну Народов. Этот человек перед вами. Я – тот, кто воплотит легенды в жизнь, и обо мне станут говорить в полный голос».

Невидимые птицы пели о скором наступлении сумерек. Карсе пора было возвращаться. В селении его ждали Делюм и Байрот. И Далисса, в сердце которой таились заветные слова.

«То-то Байрот разозлится», – с усмешкой подумал Карса, покидая святилище.

Карса ушел, а тепло его тела еще долго сохранялось в воздухе поляны. Мягкая болотистая почва не торопилась расправлять следы, оставленные его коленями и башмаками. На поляну легли предвечерние тени, и только каменные Лики-на-Скале по-прежнему освещались оранжево-красными лучами солнца.

Потом из земли восстали семеро. Темно-коричневая морщинистая кожа обтягивала иссохшие мышцы и тяжелые кости. Солнце окрасило их волосы в цвет охры, но там, куда не попадали его лучи, пряди и клочья волос были черными, словно застоявшаяся вода. Кое у кого из восставших не хватало руки или ноги, конечности других были обезображенными. У одного из калек не хватало нижней челюсти, а лицо другого и вовсе было снесено наполовину. Словом, каждый из семерых являл собой довольно жуткое зрелище.

Они вышли из пещеры под скалой. К счастью, гробница, куда всех поместили, не стала для них тюрьмой на долгие века. Никто не верил, что эти семеро когда-нибудь воскреснут. Согласно ритуалу, их останки просто бросили туда. Участь поверженных – вечное забвение. Будь их поражение доблестным, тела оставили бы на открытом месте, чтобы семеро обрели покой, наблюдая, как проходит век за веком. Но увы, эта семерка не заслужила почета, а потому их поместили во тьму гробницы. Правда, сейчас никто из них не испытывал горечи по этому поводу.

Неожиданный подарок судьбы они получили позже. Он стал лучом света в кромешной темноте пещеры, неся с собой обещание новой жизни. От них требовалось всего лишь нарушить прежнюю клятву и принести новую. Это сулило всем семерым возрождение и свободу.

Соплеменники поместили место их заточения и высекли на скале грубые каменные лики, похожие на лица поверженных. Пустые каменные глазницы с насмешкой глядели на окружающий мир. Завершая ритуал заточения, сородичи произнесли имя каждого из них. Магическая сила, вложенная в имена, сохранялась и по сей день, воздействуя на племенных шаманов тех, кто пришел и поселился на каменистых просторах древнего Лейдеронского плато.

Сумерки сгущались, и на поляне становилось все темнее. Восставшие из гробницы стояли, не шевелясь. Шестеро дожидались, когда седьмой нарушит молчание и заговорит, но тот не спешил. Он был опьянен долгожданной свободой, хотя ее границы не простирались дальше поляны. Еще немного – и свобода уничтожит последние цепи, и тогда семеро перестанут глядеть на мир через глазницы каменных ликов. Служба у нового господина обещала странствия по всему свету и возможность убивать без счета.

На самом деле имена семерых звучали не совсем так, как их привык произносить Карса. Уриал, чье имя в переводе означало «Замшелая Кость» и которого теблоры называли Уригалом, наконец заговорил.

– Дерзкий парень, – сказал он. – И весьма самоуверенный.

– Ты чересчур веришь в этих теблоров, – возразила ему Син'балла («Лишайник-вместо-Мха», она же Сибалла Безродная). – Теблоры! Они ничего не знают, даже своего истинного имени.

– Радуйся, что не знают, – прохрипел Бер'ок.

Из-за сломанной шеи и свернутой набок головы ему пришлось повернуться всем телом, чтобы увидеть Лики-на-Скале.

– Как-никак, Син'балла, – продолжал Бер'ок, – у тебя есть собственные дети, и они несут в себе истину. А для всех остальных... что ж, пусть утраченная история таковой и остается. Нам это только на руку. Их неведение – самое грозное наше оружие.

– Мертвый Ясень говорит правду, – поддержал его Уриал. – Знай они о своем наследии, нам никогда бы не удалось настолько извратить их веру.

Син'балла презрительно передернула искалеченными плечами.

– Когда-то, Уриал, ты возлагал надежды на некоего Палика. Ты говорил, что перед моими детьми открывается блистательная дорога. Но он потерпел поражение, этот Палик.

– Здесь наша вина, а не его, – прорычал Харан'ал. – Мы были слишком нетерпеливы и очень надеялись на свою силу. Сами знаете, чего нам стоило разрушение старой клятвы.

– И что мы получили взамен, Летний Олень? – спросил его Тек Ист. – Новый хозяин дал нам жалкие крохи.

– А чего ты от него ожидал? – спокойно, без малейшей издевки, осведомился Уриал. – Он, как и мы, оправляется от ран и потрясений.

– Стало быть, Замшелая Кость, ты веришь, что внук Палика пробьет нам путь к свободе? – послышался вкрадчивый голос Эмроты.

– Верю.

– А если мы и на этот раз обманемся?

– Тогда мы начнем снова. Далисса носит в своем чреве ребенка от Байрота.

– Еще целых сто лет ждать! – болотной змеей прошипела Эмрота. – Вот же проклятые долгожители! Ненавижу теблоров!

– Всего каких-то сто лет. Пустяки.

– Кому пустяки, а кому и нет, Замшелая Кость! И ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

Уриал поглядел на Эмроту. Как же метко их подругу прозвали Клыкастой Скелетицей! Особенно если вспомнить ее пристрастия одиночницы и ненасытный голод, который в те давние времена и стал причиной поражения всех семерых.

– Наступил год моего имени, – продолжал Уриал. – Есть ли среди нас те, кто водил народ теблоров дальше и дольше моего? Может, ты, Клыкастая Скелетица? Ты, Лишайник-вместо-Мха? Или ты, Деревянная Нога?

Все молчали. Наконец Мертвый Ясень издал странный звук, похожий на негромкий смех.

– Подражая Красному Мху, мы молчим. Путь обязательно откроется. Так пообещал нам новый господин. Он обретет свою былую силу. На счету воина, которого избрал Уриал, уже несколько десятков душ. Между прочим, *теблорских* душ. И не забывайте: Палик странствовал к Серебряному озеру в одиночку. А вместе с Карсой туда отправятся два смелых и искусных воина. Если даже он погибнет, Делюм и Байрот продолжат начатое им.

– Байрот слишком умен, – язвительно возразила Эмрота. – Он очень похож на своего дядю – отца Карсы. Что еще хуже, парень себе на уме. Байрот только делает вид, что следует за Карсой, а сам, как говорят у теблоров, держит руку у него на спине.

– Не волнуйся, я тоже держу руку на спине у Байрота.

Уриал поднял голову к небу.

– Уже почти стемнело. Пора возвращаться в нашу гробницу... Клыкастая Скелетица, будь как можно ближе к младенцу во чреве Далиссы.

– Даже сейчас она сосет мою грудь, – заверила его Эмрота.

– Она? Так это девочка?

– Только внешне. А внутри это не девочка и вообще не ребенок.

– Хвалю.

Семь призрачных фигур ушли в землю. Над поляной мигали первые звезды. Они глядели вниз, на то место, где никогда не жили боги. Да и не могли жить.

Родное селение Карсы стояло на каменистом берегу Ладерии. Река эта начиналась где-то в горах и стремительно неслась по долине, поросшей хвойными лесами, торопясь к далекому морю. Даже в самые жаркие дни вода в Ладерии была обжигающе студеной. Уриды строили свои жилища на каменных фундаментах, а стены возводили из кедровых бревен. Горбатые соломенные крыши покрывал густой слой живого мха, создающего дополнительное тепло зимой. Вдоль берега стояли решетки из жердей, на которых сушилась и вялилась рыба. Часть леса жители селения вырубали, устроив пастбища для своих лошадей.

Сквозь пелену речного тумана просвечивало оранжевое пламя костра. Дом Карсы был уже совсем близко. На поляне виднелись неподвижные силуэты отцовских коней. Они не нуждались в загонах, ибо единственной опасностью для лошадей были захватчики из чужих племен. Горные волки и другие звери давно научились обходить этих могучих животных стороной. Случалось, в долину забредали бурые медведи, но таких гостей больше занимала идущая на нерест семга. С лошадьми и собаками, не говоря уже о людях, медведи предпочитали не связываться.

Отца Карса увидел на площадке, обнесенной частоколом. Синиг возился с Бураном – лучшим своим скакуном. Еще издали юноша ощутил жар, исходящий от конского тела.

Синиг продолжал невозмутимо скрести бок Бурана.

«Он как будто забыл, что я отправляюсь в поход!» – с горечью подумал Карса.

– Красный Глаз так и бежит в табуне, словно жеребенок, – с упреком бросил он отцу. – Неужели ты не хочешь помочь своему сыну?

– Я уже говорил тебе: Красный Глаз слишком молод для такого похода, – не поднимая головы, ответил Синиг.

– Но это мой конь, и я все равно поеду на нем.

– Нет, Карса. Красный Глаз недостаточно обездвижен. Он еще не научился самостоятельности, а потому будет заглядываться на лошадей Байрота и Делюма. Поверь мне: сидеть на таком коне – все равно что сидеть на колючем кусте. Вы только возненавидите друг друга.

– Мне что же, идти пешком?

– Нет, сын мой. Я отдам тебе Бурана. Я нарочно немного погонял его и не стал снимать упряжь. Поторопись, пока конь не остыл.

Карса оторопел. Такого он от отца не ожидал. Молодой воин поспешил к дому. Синиг предусмотрительно пристроил его дорожный мешок над дверью, чтобы тот не отсырел от росы. Там же висел заботливо смазанный меч из кровавого дерева. Полюбовавшись на меч – на его широкое лезвие, где отец заново нарисовал боевые узоры уридов, и на большую, оплетенную кожей рукоятку, – Карса прикрепил оружейную перевязь к поясу. Мешок обычно прицепляли к особому кольцу на стремени, и всадник удерживал его своими коленями.

Телблоры ездили без седла, усаживаясь ближе к лошадиной гриве. Опорой им служили высокие стремени. В числе трофеев, захваченных у низинников, были и конские седла. Подумать только, эти дети даже ездили по-дурацки, перенося всю тяжесть на спины своих низкорослых лошадок. Откуда им знать, что у настоящего боевого скакуна задние ноги – тоже оружие? Чтобы конь мог давить и топтать врагов, его спина должна оставаться свободной. Сидя ближе к шее, всадник лучше сумеет защитить своего четвероногого товарища от ударов мечом или копьем.

Карса вернулся к отцу. Предчувствуя дорогу, Буран нетерпеливо перебирал ногами.

– Байрот и Делюм ждут тебя возле брода, – сказал сыну Синиг.

– А Далисса?

Карса не видел выражения лица собеседника. Голос Синига, как всегда, звучал ровно, будто сын спрашивал его о чем-то обыденном.

– После того как ты ушел к Лиам-на-Скале, Далисса благословила Байрота.

– Она благословила... Байрота? – переспросил ошеломленный Карса.

– Да.

– Похоже, я ошибался в ней.

Карса и сам удивился, с каким трудом давалось ему каждое слово.

– Не стоит ожидать от женщины слишком многого, сын мой.

– А ты, отец? Ты дашь мне свое благословение?

Синиг вручил сыну вожжу (уридские всадники не признавали двойных поводьев) и отвернулся.

– Палик уже благословил твой поход. Довольствуйся этим.

– Но Палик – не мой отец!

– Я это знаю, – немного помолчав, сказал Синиг.

– Еще раз спрашиваю: ты благословишь меня?

– Что я должен благословлять, сын? Семеро богов – это лживая сказка. Слава, которую ты намерен завоевать, для меня ничего не значит. Неужели я должен радоваться тому, что ты станешь убивать детей? Или гордиться, когда ты вернешься, обвешанный трофеями? Палик уже в таком возрасте, когда только и остается, что жить воспоминаниями юности. Какие слова дед говорил тебе, давая свое благословение? Он желал тебе превзойти его подвиги? Вряд ли. Поразмысли внимательно над его словами, и ты поймешь, что Палик больше благословлял себя, нежели тебя.

– Дед сказал мне: «Палик, проложивший путь, по которому ты двинешься, благословляет твой поход».

Синиг снова ненадолго умолк, а когда заговорил, Карсе показалось, что он видит во тьме горькую отцовскую улыбку.

– Так я и думал.

– Будь жива мама, она бы меня благословила, – обиженно протянул юноша.

– Это обязанность любой матери. Да, она благословила бы тебя и осталась бы ждать с тяжестью на сердце... Не теряй времени, сын. Отправляйся. Товарищи уже ждут тебя.

Скрежетнув зубами, Карса забрался на широкую конскую шею. Жеребец замотал головой и зафыркал.

– Буран не любит гневливых всадников, – донесся из темноты голос Синига. – Успокойся, сын мой. Злость – никудышная спутница.

– Боевой конь, который боится гнева наездника, – это посмешище! Но ничего, Бурану придется привыкнуть к новому хозяину!

Не простившись с отцом, Карса развернул коня и понесся к речному броду.

Путь его лежал мимо четырех поминальных столбов, поставленных в память о братьях и сестре Карсы, которых принесли в жертву Семерым богам. Столбы эти называли «кровавыми». В отличие от других отцов, Синиг даже не потрудился их украсить. Он ограничился лишь тем, что вырезал на столбах имена трех своих сыновей и одной дочери, отданных Ликам-на-Скале, и слегка помазал письмена собственной кровью. Первый же дождь смыл ее следы. Столбы других семей украшали перья и затейливые веревочные узоры. Символы памяти о детях Синига обвивали ползучие растения, а плоские вершины столбов покрывала густая корка птичьего помета.

Карса считал, что его братья и сестра достойны лучшего. Он решил, что будет выкрикивать их имена, убивая врагов. Его голос станет их голосом. Эта мысль понравилась юному воину. Пора уже ему взять на себя заботу о роде и исправить последствия отцовского небрежения.

Тропа сделалась шире. Теперь она вилась между пнями и кустами можжевельника. У спуска к броду горел костер. Подъехав ближе, Карса увидел двоих всадников. Чуть поодаль стояла... Далисса, закутавшись в меховую одежду. Она не только благословила Байрота Гилда, но еще и пришла проводить его!

Карса пустил коня неторопливым шагом. Главным в их походе будет он. Пусть Байрот и Делюм знают об этом с самого начала. Что мешало им вместе с ним отправиться на священную поляну и преклонить колени перед Ликами-на-Скале? Его спутников, похоже, устраивало положение ведомых. А Далиссу? Может, он держался с ней слишком отрешенно? Но такова участь тех, кто повелевает другими, и Далисса должна бы это понимать.

Карса остановился и замер.

Из всех троих Байрот был самым низкорослым, зато самым широкоплечим. С раннего детства он обладал поистине медвежьей силой. Вот и сейчас Гилд сидел, выставив вперед плечи, и ухмылялся.

– Достойное начало похода, брат! – пробасил он, обращаясь к Карсе. – Ты никак украл отцовского коня?

– Ошибаешься, Байрот. Я ничего не воровал. Синиг сам отдал мне Бурана, присовокупив к этому свое благословение.

– Похоже, сегодня настоящий вечер чудес. А может, когда ты был на поляне, сам Уригал спустился со скалы и поцеловал тебя в лоб?

Далисса хмыкнула.

«Если бы Уригал спустился на землю к смертным, он бы сразу понял, кто из нас с какими намерениями отправляется в поход», – подумал Карса. Он не стал отвечать приятелю, а обратился к Далиссе:

– Ты благословила Байрота?

Девушка неопределенно пожала плечами.

– Печально, что у тебя не хватает смелости ответить напрямую.

Далисса ничего не сказала, но бросила на него взгляд, полный неподдельной ненависти. Гнев девушки заставил Карсу улыбнуться.

– Звездное колесо начало свой бег по небу, – сказал он, обращаясь к Делюму и Байроту. – В путь, соратники.

Однако Байрот не стал произносить ответных слов, как того требовал ритуал.

– Негоже, брат, выставлять наружу свою ущемленную гордость, – с упреком произнес он. – Когда мы вернемся, Далисса станет моей женой. Ударяя по ней, ты ударишь и по мне.

Ни один мускул не дрогнул на лице Карсы.

– Знай, Байрот: я наносу удары там, где считаю нужным, – отрешенно, как истинный воитель, ответил он. – Утрата мужества подобна заразной болезни. Похоже, благословение Далиссы обернулось для тебя проклятием. У тебя появились сомнения? Давай разрешим их сейчас, пока мы еще не выступили в поход.

Байрот медленно подался вперед.

– То, что меня заботит, Карса Орлонг, не помешает мне сражаться.

– Рад это слышать, Байрот Гилд. Звездное колесо уже двинулось по небу. Пора и нам выезжать.

Байрот нахмурился. Похоже, он сказал не все, что намеревался, однако продолжать не стал. Он улыбнулся и сразу стал прежним Байротом. Взглянув на Далиссу и кивнув, будто подтверждая нечто, известное только им обоим, он произнес традиционные слова ритуала:

– Звездное колесо указывает нам путь. Веди же нас, воитель, к славе.

– Веди же нас, воитель, к славе, – подхватил Делюм, до этого не раскрывавший рта.

Карса ехал впереди. Их путь к славе пролегал мимо родного селения. Старейшины племени были против этого похода, а потому никто из соплеменников не вышел проводить троих воинов. Карса не сомневался: сородичи все равно слышат сейчас отчетливый цокот копыт. Когда-нибудь они еще пожалеют, что послушались старейшин и пропустили сей незабываемый миг. Юноша бы дорого дал, если бы сейчас их отъезд видела не только Далисса. Увы, даже Палик не появился.

«И все равно я чувствую, что за нами наблюдают. Возможно, это Семеро богов. Или один только Уригал, едущий на звездном колесе по небу и внимательно глядящий вниз. Слушай меня, Уригал! Я, Карса Орлонг, убью во славу тебя тысячу детей! Тысячу их душ я брошу к твоим стопам!»

Где-то заснул пес, ворочаясь в беспокойном сне.

Карса и не подозревал, чье присутствие он ощутил на самом деле. На северном склоне долины, у самой кромки леса, двадцать три пары глаз молча следили за движущимися всадниками. Призрачные фигуры, застывшие среди широколиственных деревьев, сливались с ночной темнотой. Всадники уже скрылись за изгибом тропы, ведущей на восток, а эти странные провожающие по-прежнему глядели им вслед.

Существа эти родились уридами и были принесены соплеменниками в жертву. Те, кто провожал сейчас Карсу, Байрота и Делюма, приходились им родными братьями и сестрами. Когда каждому из детей шел четвертый месяц, матери пожертвовали их Ликам-на-Скале. Под вечер младенцев приносили на поляну и оставляли перед скалой. К утру следующего дня они исчезали. Уходили к новой матери.

Да, они становились детьми Сибаллы и оставались таковыми до сих пор. Сибалла Безродная – единственная, у кого не было собственного клана. И тогда богиня создала свое, тайное племя, собрав туда ребятишек из остальных шести. От приемной матери они узнали о живущих неподалеку сородичах, с которыми их связывали кровные узы. Однако у детей Сибаллы было особое предназначение.

Богиня называла свое тайное племя Обретенными, и сами они тоже именовали так друг друга. Соплеменникам и в голову не приходило, что принесенные в жертву дети не погибли, а находятся рядом с ними. Впрочем, кое-кто, возможно, об этом и догадывался. Например, Синиг, отец Карсы, относившийся к поминальным столбам с безразличием, если не сказать с пренебрежением. Пока дело не шло дальше догадок и предположений и пока смертные держали это при себе, они не представляли для Семерых богов особой опасности. В иных случаях – как это было, например, с матерью Карсы – приходилось вмешиваться и действовать весьма решительно.

Разумом двадцать три Обретенных понимали, что провожают в поход своих родных братьев, однако сердцем они этого не чувствовали. Впрочем, последнее обстоятельство совершенно их не тревожило.

- Из троих вернется только один, – сказал старший брат Байрота.
- И мы это увидим, – пожал плечами, отозвалась сестра-близнец Делюма.
- Должны увидеть.

У всех Обретенных был общий телесный изъян – отметина Сибаллы. Их лица были обезображены шрамом, тянущимся от левого виска до нижней челюсти. Шрам уродовал не только кожу, но и мышцы, отчего с левой половины их лиц не сходила вечная презрительная гримаса. Он же влиял и на особенности голосов, делая их одинаково бесстрастными. А может, шрам был тут ни при чем: просто дети Сибаллы подражали интонациям своей матери.

Равнодушие, с каким были произнесены слова надежды, превратило их в ложь. Почувствовав это, Обретенные умолкли.

«Из троих вернется только один», – мысленно повторяли они.

Быть может, вернется.

Отец Синига вошел в хижину, где его сын стоял возле очага, помешивая варившуюся там похлебку. Синиг услышал знакомое шарканье старческих ног, сопровождаемое стуком палки.

– Так ты благословил своего сына? – резко, словно бы даже с упреком, поинтересовался Палик.

– Я отдал ему Бурана, – ответил Синиг.

– Зачем? – осведомился дед Карсы, умудрившись вложить в одно слово презрение, недовольство и тревогу.

Синиг так и не повернулся к отцу. Палик с трудом доковылял до ближайшей к очагу скамьи.

– Буран заслужил право последнего сражения. Я был бессилен ему помочь, потому и отдал Карсе.

– Так я и думал. – Палик с кряхтением опустился на скамью. – Ты позаботился о коне, но не о сыне.

– Есть хочешь? – спросил Синиг.

– Не откажусь.

Синиг потянулся за второй миской. Старик не видел горестной улыбки, промелькнувшей на лице сына.

– Карса всегда знал, что сражаться – не в твоих правилах, – проворчал он.

– Карса отправился в поход не ради того, чтобы пристыдить меня. Ему не давала покоя твоя слава, отец.

– К счастью, мальчишка понимает, что такое великая слава. Он вынужден продолжать мое, а не твое дело. И тебе не стыдно, Синиг? Ты – словно приземистый куст, выросший между двумя высокими деревьями. Потому-то Карса всегда и тянулся ко мне. Или ты злишься и негодуешь, что сын не похож на тебя? Я растил тебя настоящим воином, и не моя вина, если ты стал таким, какой есть.

Синиг наполнил обе миски и одну из них подал отцу.

– Шрам вокруг старой раны ничего не чувствует.

– Ты давно провозгласил безразличие своим достоинством. Но на самом деле это не так.

Синиг с улыбкой пододвинул к столу другую скамью и сел сам.

– Может, ты снова начнешь рассказывать мне о своем походе? О чем ты будешь говорить? О беззащитных детях, которых убивал? О женщинах, разрубленных надвое кровавым мечом? О пылающих домах и хлевах, о том, как в огне заживо гибли люди и скот? И тогда в твоих глазах вновь вспыхнут отблески тех давних пожаров. Давай, отец, вороши пепел прошлого.

– Ты поносишь дни былой славы, поскольку до сих пор говоришь голосом той проклятой женщины!

– Ешь, отец. Это лучше, чем оскорблять меня и мой дом.

– Прости... вырвалось.

За едой отец и сын не сказали ни слова. Когда их миски опустели, Синиг перевернул свою вверх дном. Отцовскую миску он тоже перевернул, но не убрал на полку, а швырнул в очаг.

У Палика от изумления округлились глаза. Синиг подошел к его скамье.

– Ни один из нас не доживет до возвращения Карсы, – сказал он старику. – Мост между тобою и мною разрушен. Если ты снова появишься в моем доме, я убью тебя, отец.

Сказав это, Синиг обеими руками схватил Палика и вытолкнул его за дверь. Следом из хижины вылетела отцовская палка.

Всадники ехали по старой тропе, выющейся вдоль горного хребта. На пути то и дело встречались завалы из каменных обломков вперемишку с поваленными елями и кедрами. Завалы тоже были старыми; их окрестности успели порастить широколиственными деревьями и кустарниками, еще более затруднявшими продвижение. В двух днях и трех ночах пути отсюда начинались земли ратидов. Уриды враждовали со всеми теблорскими племенами, однако ратиды были их самыми злейшими неприятелями. Постоянные набеги на селения друг друга, безжалостные убийства всех, кто попадался под руку, – это противостояние длилось столетиями.

Тихо и незаметно проехать по землям ратидов? Ну уж нет. Карса не собирался делать тайны из своего похода. Он отомстит злым соседям за все подлинные и мнимые обиды и бросит к ногам Уригала несколько десятков теблорских душ. Байрот и Делюм наверняка предпочли бы затаиться, но в этом походе решает он.

«Мои спутники не столь тверды сердцем. Они станут призывать меня к благоразумию и твердить, что нас всего трое. Но они ошибаются. С нами еще и ты, Уригал. Сейчас твой год. Мы возвестим это и прольем кровь в твою честь. Мы разворошим осиные гнезда ратидов. Они научатся трепетать при одном лишь имени Карсы Орлонга. А потом та же участь ожидает и сунидов».

Боевые кони осторожно перебирались через оползень. Кое-где до сих пор лежал снег. Такой снежной зимы Карса еще не помнил. Давным-давно землей и народом теблоров правили духи. Они были костями скал, плотью долин, волосами и мехом лесов и рощ. И о смене времен года возвещало их дыхание – ветры. Так, зиме предшествовали яростные вихри, бушующие над горами. Теблоры знали: это – отзвуки нескончаемых войн, которые духи вели между собой. А затем наступала зима. Что зима, что лето отличались неподвижностью. Притомившись воевать, духи заключали перемирие. Но если летом теблоры сочувствовали утомленным сражениями духам, то зимнее хрупкое перемирие вызывало у них неприязнь. Невидимые воины уставали, что воспринималось смертными как непростительная слабость.

А потом Семеро богов через сны и видения шаманов возвестили теблорам, что они сокрушили духов здешних мест и отныне племена будут подчиняться им.

До конца весны оставалось не более двадцати дней. Ветры утратили былую ярость и дули реже. И, хотя Лики-на-Скале проявляли полнейшее равнодушие к смене времен года, Карса втайне считал себя и своих спутников вестниками последней бури. Скоро она обрушится на головы ничего не подозревающих ратидов и сунидов. Юноша уже слышал свист деревянных мечей, рассекающих воздух. Чем не ураган, несущий смерть?

Всадники спустились в неглубокую ложбину, поросшую высокогорными травами. Над головой ярко сияло послеполуденное солнце.

– Воитель, на краю этой ложбины нам не мешало бы устроить привал, – послышался за спиной голос Байрота. – Кони устали.

– Да неужели? Может, это только твой конь устал, Байрот? – с усмешкой ответил Карса. – Ничего удивительного: ему тяжело нести всадника, поскольку ты слишком много пировал. Я уверен: этот поход снова сделает тебя воином. А пока что твоя спина изнежена мягкой подстилкой.

«И покрывалом в виде Далиссы», – мысленно добавил он.

В ответ Байрот лишь рассмеялся.

– Воитель, мой конь тоже нуждается в отдыхе, – поддержал товарища Делюм. – Тенистая рощица – замечательное место для привала. Я расставлю силки, и у нас будет кроличье мясо.

– Две тяжелые цепи на моей шее, – поморщился Карса. – Уж скажите честно, что сами устали и проголодались. Я же слышу, как вопят ваши желудки. Ладно. Устраиваем привал.

Чтобы не обнаружить себя, огонь не разводили. Кроликов, пойманных Делюмом, ели сырыми. В прошлом такая трапеза была бы крайне опасной: люди рисковали заразиться и умереть, поскольку среди кроликов попадались больные животные, и заразу из их мяса мог выжечь только огонь. Но с появлением Ликов-на-Скале болезни чудесным образом исчезли. Правда, безумие осталось, и оно поражало теблоров вне зависимости от того, какую пищу они употребляли. Старейшины знали причину: ношу, возложенную Семерыми богами на их народ, выдерживал не каждый. Для этого требовалось быть сильным телом и крепким в вере. Слабых и сомневающихся бремя богов лишало рассудка.

Молодые воины расселись вокруг ямы, которую Делюм вырыл для костей. За едой почти не разговаривали. Как всегда, незаметно спустились сумерки. Еще немного, и по небу покажется звездное колесо. Карса прикрыл глаза. Однако уши он заткнуть не мог, и потому в них проникало чавканье Байрота, обсасывающего кроличий череп. Этот парень всегда обглаживал кости дочиста. Особо лакомые он, словно пес, оставлял на другой день, ухитряясь найти там остатки костного мозга. Но в походе воин не тащит с собой ничего лишнего. Гилд вздохнул, закинул череп в яму и принялся облизывать пальцы.

– Я тут думал о нашем походе, – нарушил молчание Делюм. – Когда мы поедем через земли ратидов и сунидов, лучше избегать троп, где мы видны. Я говорю про вершины холмов и скалы. Предпочтительнее двигаться по нижним тропам. Однако существует опасность, что нижние тропы ведут к вражеским стоянкам. Мне думается, нам стоит ехать ночами.

– Ты прав, – кивнул Байрот. – Ночью легко напасть на спящую стоянку или даже селение. Мы разворошим камни их очагов, украдем боевое оперение, а возможно – и прихватим с собой несколько душ сонных воинов.

– Не дело ты говоришь, – возразил Карса. – Разве в темноте можно различить дым стоянок? Ночью ветер меняет направление. Даже если мы и учуем дым, то не поймем, где искать стоянку. Ратиды и суниды не глупее нас. Они не станут разводить огонь на открытых местах или вблизи скал, отражающих пламя. И потом, днем наши кони видят лучше и идут увереннее. Так что никаких ночных перемещений. Мы будем передвигаться днем.

Некоторое время Байрот и Делюм молчали, будто обдумывая слова воителя. Потом Байрот сказал:

– Пойми, Карса: на наши головы обрушится война.

– Мы будем подобны ланидской стреле, летящей через лес. Каждый пруттик, ветка или ствол, с которыми она соприкасается, меняет ее полет, делая его непредсказуемым. Мы ураганом пронесемся по землям наших врагов, собирая обильную жатву душ. Война? Да. Разве ты боишься войны, Байрот Гилд?

– Воитель, нас только трое, – напомнил ему Делюм.

– Да, но эти трое – Карса Орлонг, Байрот Гилд и Делюм Торд. Мне доводилось сражаться с двумя дюжинами вражеских воинов, и я уложил их всех. Разве кто-то из вас сомневается в могуществе моего боевого танца? Даже старейшины с почтением отзывались о моей силе и ловкости. Да и тебя, Делюм, никто не назовет трусом, иначе у тебя на поясе не висел бы ремешок с восемнадцатью отрезанными языками. Ты умеешь находить дорогу там, где она не видна, и за двадцать шагов слышишь звук упавшего камешка. А ты, Байрот? Когда твои мышцы еще не покрывал жирок, ты мог голыми руками разорвать бурида надвое. А помнишь, как этими же самыми руками ты опрокидывал боевых коней? Нынешний поход вновь разбудит в вас свирепых воинов. Возможно, кто-то другой поступил бы так, как предложил Делюм. Кому-то другому это даже принесло бы славу, но только не нам! Нам такого мало. Ваш воитель все сказал.

Байрот подмигнул Делюму.

– Взгляни на небо, Делюм Торд. Насладись звездным колесом. Кто знает, сколько еще таких вечеров нам осталось.

Карса медленно встал.

– Ты признал меня своим воителем, Байрот Гилд, и согласился следовать за мной. В решениях воителя не сомневаются. Твое мужество тает, и малодушие угрожает заразить всех нас. Либо ты веришь в победу, либо... поворачивай назад сейчас, пока мы еще на своей земле.

Байрот прислонился к стволу и вытянул вперед здоровенные ноги, обтянутые кожаными штанами.

– Ты – настоящий воитель, Карса Орлонг. Жаль только, что ты не понимаешь шуток. Я верю: ты найдешь славу, которую ищешь. Ты будешь сиять, будто солнце, а мы с Делюмом –

как две небольших луны. Но нам и этого вполне достаточно. Так что не надо в нас сомневаться, воитель. Мы с тобой.

– Но разве вы не сомневаетесь в моей мудрости?

– Кажется, мы еще не говорили о мудрости, – возразил Байрот. – Мы же воины, Карса. И пока мы молоды. Мудрость – удел стариков.

– Каких стариков? – встрепнулся Карса. – Уж не тех ли, что не пожелали благословить наш поход?

Байрот засмеялся.

– Да, тех самых. Правду их отказа мы несем в своих сердцах, ощущая ее горечь. Но когда мы вернемся, произойдет удивительная вещь. Окажется, что в наше отсутствие эта правда изменилась: нас все-таки благословили. Подожди, и сам в этом убедишься.

– Ты хочешь сказать, что старейшины попытаются убедить нас в собственной лжи? – удивился Карса.

– Представь себе, воитель. И будут надеяться, что мы примем эту ложь. А мы действительно ее примем. Нам придется это сделать, Карса Орлонг. Чего ты добиваешься? Ты ведь стремишься не только обрести славу сам. Ты хочешь всколыхнуть и сплотить наших воинов. Иными словами, ты посягаешь на власть старейшин. Подумай об этом хорошенько. Мы вернемся и начнем рассказывать об успешном походе. Думаю, у нас будет достаточно трофеев, подкрепляющих правдивость наших слов. Но если мы не разделим свою славу со старейшинами, они отравят наши рассказы ядом недоверия.

– Но как такое возможно? – Карса уже почти кричал. – Мы что, лгуны? А трофеи?

– Мы не обманщики, воитель. И трофеи не будут подложными. Но наши сородичи привыкли во всем слушать старейшин. А те – тоже люди, и им свойственна зависть. Они поверят нам, однако придется поделиться с ними своей славой. Они не станут возражать, если мы согласимся: да, они все дружно благословили наш поход и вышли нас проводить. Именно так старейшины будут говорить себе и остальным, и эта мысль крепко засядет в их головах. Они уверуют в собственную ложь, и нам тоже придется это сделать, если мы хотим, чтобы старейшины поверили в нашу правду... Тебя это смущает, Карса? Тогда лучше не будем говорить о мудрости.

– Теблорам не пристало обманывать себя и других, – рявкнул Карса.

Байрот молча кивнул.

Делюм засыпал яму землей, набросав сверху камней.

– Пойду взгляну, как там наши кони. А потом надо ложиться спать, – сказал он.

Карса не сводил глаз с Байрота.

«Его ум – что ланидская стрела в лесу. Но много ли будет от этого проку, когда мы пустим в ход мечи и воздух огласится боевыми кличами? Вот что случается с воином, если его мускулы покрываются жирком, а спина привыкает к мягкой подстилке. Ты ловко умеешь сражаться языком, Байрот Гилд, но это не принесет тебе победы. Единственное преимущество – твой язык будет дольше высыхать, если окажется на ремне у ратидского воина».

– Я насчитал восьмерых ратидов, – сообщил Делюм. – Похоже, есть и девятый, но это мальчишка. Они убили серого пещерного медведя и теперь несут добычу к месту стоянки.

– Значит, они горды собой, – заключил Байрот. – Тем лучше для нас.

– Почему? – хмуро спросил Карса.

– Все очень просто, воитель. Эти люди одолели громадного пещерного медведя и теперь считают себя непобедимыми. Они утратили бдительность. Делюм, у них есть лошади?

– Нет. Серые медведи хорошо знают цокот копыт. Этих зверей можно одолеть только в случае внезапного нападения. У ратидов нет ни лошадей, ни тем более собак.

– Нам это только на руку, – промолвил Карса.

Молодые уридские воины спешили и подкрались к самой кромке деревьев. Делюм отправился на разведку к стоянке ратидов. Он бесшумно скользил по траве, огибая толстые пни, пробирался между деревьев так осторожно, что ни единый листочек не шелохнулся.

Солнце висело высоко. Сухой и жаркий воздух был неподвижен.

– Их действительно восемь, – шепнул Карсе Байрот. – И с ними еще мальчишка. Его стоит убить первым.

«Ты все еще сомневаешься в нашей победе», – подумал Карса.

– Мальчишку предоставь мне, – сказал он. – Мое нападение будет стремительным, и в результате я окажусь на другом краю стоянки. Уцелевшие ратиды решат, что я один, и сосредоточатся на мне. Вот тогда вы оба и ударите по ним с тыла.

Вернувшийся Делюм с сомнением прищурился. Похоже, ему не очень нравился замысел воителя.

– Думаешь, нам что-то останется? – все-таки спросил он.

– Останется, если вы еще не разучились сражаться, – усмехнулся Карса.

– Ты намерен подкрасться к ним и ударить внезапно? – уточнил Байрот, предвкушающий битву.

– Нет. Я ворвусь в их лагерь, словно камень, скатившийся со склона.

– А если ратиды окружают тебя, воитель, и не позволят продвинуться к другому краю?

– Не волнуйся, Байрот Гилд. Не окружают.

– Но их все-таки девять.

– Скоро ты увидишь мой боевой танец.

– Воитель, у нас ведь есть кони. Так, может, нам на полном скаку ворваться в лагерь ратидов? – предложил Делюм.

– Меня утомила ваша болтовня. Продвигайтесь вслед за мной, но не торопитесь.

Байрот и Делюм понимающе переглянулись.

Карса вынул из ножен меч, взявшись обеими руками за его оплетенную кожей рукоятку. Лезвие, сделанное из кровавого дерева, было темно-красным, почти черным. Казалось, что боевые узоры уридов нанесены не на его блестящую поверхность, а парят в воздухе над ним. Кромка клинка была почти прозрачной; ни вмятин, ни зазубрин. Кровавое масло, которым натирали лезвие, впитывало память дерева, не желавшего мириться с изъязнениями, и послушно выполняло повеления меча. Карса вытянул руки и скользнул в высокую траву, начав свой боевой танец.

Делюм заблаговременно рассказал ему, какое направление лучше избрать. Сейчас Карса двигался по кабаньей тропе, идущей через лес. Ветви заставляли его слегка пригибать голову, но скорость перемещения оставалась прежней. Казалось, меч сам вел своего хозяина, беззвучно прорубая путь через хитросплетения света и теней. На подступах к лагерю юноша еще прибавил скорость.

Трое из восьми ратидских воинов обнаружили в самой середине лагеря. Они занимались разделкой медвежьей туши, лежавшей на оленьих шкурах. Еще двое сидели поблизости и втирали в свои мечи кровавое масло. Трое оставшихся, которым по-хорошему надлежало бы нести караул, вместо этого непринужденно болтали почти у самого края кабаньей тропы. Мальчишка по-прежнему сидел в дальнем углу, равнодушно уставившись в небо.

Любой теблорский воин способен короткое время бежать наравне с бешено несущейся лошастью. Когда Карса ворвался в лагерь ратидов, его стремительности позавидовал бы даже Буран. Это был взрыв, удар молнии, моментально изменивший все вокруг. Мира, в котором еще мгновение назад находились восемь взрослых ратидов и один ребенок, больше не существовало. Головы двух ближайших к Карсе воинов покатались по земле, разбрызгивая кровь вперемишку с мозгами. Часть этого месива попала на третьего ратида. Тот успел отпрыгнуть, повернуться, и... лезвие уридского меча снесло ему подбородок. Картина, которую видели

округлившиеся глаза ратида, стала клониться влево, а потом свет для него вдруг погас. Карса отпрыгнул в сторону, освобождая пространство для третьей головы, сорвавшейся с мертвых плеч.

Ратиды, которые смазывали свои мечи, вскочили на ноги, приготовившись отразить нападение. Они устремились к Карсе, намереваясь атаковать его с двух сторон.

Юноша со смехом повернулся. Теперь ему противостояли трое воинов, возившихся с тушей. В их руках, перепачканных звериной кровью, блестели мясницкие ножи. Карса загородился мечом и пригнулся. Как он и ожидал, все трое метнули в него ножи. Пропоров одежду, лезвия разрезали кожу и вонзились в мышцы. Останавливаться и вытаскивать ножи было некогда. Карса так и понес их на своем теле, ловко орудуя мечом. Одного ратида он лишь легко ранил, тогда как другому – отсек руку, разворотив плечо. Извиваясь окровавленными сухожилиями, рука качнулась и взмыла в воздух вместе с куском раздробленной лопатки.

Третий ратид с рычанием обвился вокруг ног Карсы. Этот здоровяк вполне мог опрокинуть дерзкого урида. Все еще посмеиваясь, юноша ударил нападавшего рукояткой меча. Треснул расколотый череп. Кольцо рук вздрогнуло и опало.

Справа послышалось шипение меча, нацеленного Карсе в шею. Воитель мгновенно повернулся и парировал удар. Зазвенело кровавое дерево обоих лезвий.

Сзади к Карсе приближался второй ратид, метя ему в левое плечо. Юноша распластался на земле, успев перекинуть меч в другую руку и повернуть туловище вправо. Враг ударил, яростно и изо всех сил, однако Карсы на том месте уже не было. Зато его меч, выставленный вверх, полоснул нападавшему по запястьям, пронзил пупок, вошел в живот и застрял в ребрах.

Ратид зашатался, однако все еще пытался атаковать. Молодой воин нанес ему косой удар снизу и отсек лодыжку левой ноги. Чтобы не потерять равновесие, самому Карсе пришлось перекувырнуться. Правое плечо чиркнуло по каменистой земле, вызвав поток искр из глаз и ответную волну боли в левом бедре, где застрял мясницкий нож.

Поднявшись на ноги, Карса увидел перед собой ратидского парнишку. Подросток, не больше сорока лет, с нескладными руками и ногами. Наверняка упротил отца взять его с собой на охоту. Глаза мальчишки были полны ужаса. Карса подмигнул ему и повернулся, чтобы добить одноногого ратида.

Но Байрот и Делюм опередили его, тоже включившись в игру. Ратиду отсекли вторую лодыжку и обе кисти. Искалеченный воин извивался между уридами, заливая кровью еще не успевшую пожухнуть траву.

Что-то заставило Карсу обернуться к ратидскому мальчишке, но того уже и след простыл. Воитель усмехнулся.

Байрот и Делюм стремились продлить мучения жертвы, отрезая по кусочку от обрубков рук и ног ратида. Карса чувствовал, что оба товарища сердятся на него. Еще бы: ведь он в одиночку расправился с восьмерыми врагами.

Ну и ладно, пусть позлятся. Так в них скорее проснутся настоящие воины. Стиснув зубы, Карса медленно вытащил из бедра первый мясницкий нож. Полилась кровь. Он удовлетворенно хмыкнул: ничего страшного, иначе кровь бы не лилась, а хлестала. Второй нож полоснул по ребрам и застрял не слишком глубоко. Карса вытащил его и отшвырнул подальше. Труднее всего оказалось извлечь третий нож. Юноша не сразу сумел ухватить его скользкую от крови рукоятку. Будь лезвие чуть подлиннее, оно бы задело сердце. С этой раной придется повозиться больше, чем с остальными. Ничего, скоро все они зарубцуются, но еще некоторое время тело будет испытывать боль при ходьбе и езде верхом.

Изувеченный ратид наконец замолк. Наверное, умер от потери крови, а может, Байрот или Делюм его добились. За спиной послышались тяжелые шаги Байрота. Судя по предсмертному крику еще одного ратида, Делюм проверял, не остался ли кто из врагов в живых.

– Воитель! – Голос Байрота был насквозь пропитан гневом.

Карса медленно повернулся к соратнику.

– Я слушаю тебя, Байрот Гилд.

Давненько он не видел его таким мрачным.

– Ты упустил мальчишку, позволив ему сбежать. Мы должны поймать его, и как можно скорее. Это будет непросто, поскольку ему эти места знакомы, а нам – нет.

– Я не собираюсь никого преследовать. Я хотел, чтобы парень сбежал, – ответил Карса. Байрот помрачнел еще больше. – Ты же у нас такой умный. Так чего вдруг так всполошился?

– Он доберется до своего селения.

– Да. И что?

– Там он расскажет взрослым о нападении троих уридских воинов. Все придут в ярость и решат изловить нас.

– Я до сих пор не понимаю, почему это тебя так заботит, – с прежним спокойствием возразил Карса. – Да, ратиды начнут охоту на трех *пеших* уридских воинов. Мальчишка не видел наших лошадей и уверен, что мы явились сюда на своих двоих. Стало быть, все ратиды будут искать троих пеших уридов, и едва ли у кого-то мелькнет мысль, что мы могли оставить лошадей в другом месте.

Пододошедший к ним Делюм молча глядел на Карсу.

– Тебе тоже есть что сказать, Делюм Торд?

– Ты напрасно отпустил этого мальчишку. Он крепко запомнит сегодняшний день, и с годами воспоминания не потускнеют, а станут только ярче. Предсмертные крики сородичей будут звучать в мозгу у этого парня, пробуждая ненависть и желание отомстить. Пойми: юнец вырастет с этим желанием. Оно послужит маслом для кровавого меча его воли. А сам мальчишка станет воителем, способным вести за собой других. Сегодня, Карса Орлонг, ты создал могущественного врага уридов, перед которым бледнеют все прежние враги нашего клана.

– Однажды этот ратидский воитель склонит передо мною колени, – горделиво заявил Карса. – Клянусь вам в этом на крови его соплеменников. Да будет так!

Воздух вдруг сделался холодным, как зимой. Если бы не жужжание мух, поляна погрузилась бы в полную тишину.

На лице Делюма застыл неподдельный страх. Байрот отвернулся.

– Эта клятва погубит тебя, Карса Орлонг, – сказал он. – Никто из ратидов не встанет на колени перед уридом. Никто из живых ратидов, ибо с трупом ты волен сделать что угодно. Ты стремишься к невозможному, и путь сей ведет к безумию.

– Эта клятва – всего лишь одна из множества моих клятв, – ответил ему Карса. – И я их непременно сдержу. Будьте свидетелями, если вам достанет смелости.

Байрот разглядывал серый медвежий мех и череп, с которого ратиды успели содрать кожу.

– Разве у нас есть выбор? – спросил он, оторвавшись от ратидских трофеев.

– До тех пор, пока вы еще дышите, ответ будет «нет». Вот так-то, Байрот Гилд.

– Напомни мне, Карса Орлонг, чтобы я потом рассказал тебе кое о чем.

– О чем же?

– О том, каково это – жить в твоей тени.

– Воитель, ты ранен, – заметил Делюм. – Нужно залечить твои раны.

– На сей раз это всего лишь незначительные царапины от меча. Пора возвращаться к лошадям и ехать дальше.

– Нестись вперед, словно ланидская стрела.

– Вот именно, Делюм Торд.

– Карса Орлонг, мне собрать для тебя трофеи?

– Спасибо за помощь, Байрот Гилд. Шкуру и череп мы тоже возьмем. Можете поделить их между собой.

- Забери их себе, брат. Тебе они подходят больше, – сказал Делюм Байроту.
- Тот радостно кивнул и указал на искалеченного ратида:
- А его язык и уши по праву принадлежат тебе, Делюм Торд.
- Ты прав. Отличные трофеи.

Из всех теблорских племен ратида менее всего обременяли себя разведением лошадей. Однако, миновав около десятка больших и малых полян, Карса со спутниками наткнулись на небольшой табун, состоявший всего из полудюжины коней. Их пас один взрослый ратид, которому помогали двое подростков. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи: все они погибли раньше, чем успели что-либо понять. Уридские воины, не задерживаясь, собрали трофеи и увели с собой лошадей. Под конец дня тропа, по которой они ехали, привела их к развилке. Поначалу всадники двинулись по нижнему ее ответвлению. Проехав несколько десятков шагов, они отпустили поводья ратидских лошадей. Своих скакунов молодые люди связали короткой веревкой и, осторожно подталкивая, заставили пятиться задом наперед до развилки. Там всадники сняли веревку, вскочили на спины коней и двинулись по верхнему ответвлению. Через некоторое время Делюм спешился и вновь отправился все к той же развилке, чтобы замести следы.

Звездное колесо катилось по небу. Уридские воины съехали с каменистой тропы. Разыскав полянку, они расположились на привал. Сегодня у них был славный пир. Каждый съел несколько толстых ломтей сырой медвежатины. Поужинав, Делюм отправился к лошадям, чтобы влажным мхом отереть с их боков дневной пот. Животные изрядно устали, и потому их решили не стреноживать на ночь.

Карса заметил, что его раны уже затягиваются. Теблорских воинов это не удивляло; они привыкли обходиться без припарок и снадобий. Удовлетворенно хмыкнув, юноша достал сосуд с кровавым маслом и принялся втирать его в лезвие своего меча. Вскоре тем же занялись и Байрот с Делюмом.

- Завтра мы покинем эту тропу, – объявил им Карса.
- Хочешь спуститься в долину, где тропы шире? – спросил Байрот.
- Если поторопиться, мы проедем земли ратидов всего за один день, – добавил Делюм.
- В долину спускаться не будем, – возразил Карса. – Мы заберемся еще выше, туда, где пролегают тропы горных коз и баранов. Все завтрашнее утро будем ехать по кручам, а потом снова спустимся в долину. Если воины из селения отправились нас ловить, то кто в нем остался? Что скажешь, Байрот?

Байрот неторопливо закутался в медвежью шкуру.

- Понятное дело, кто. Дети, женщины, старики и увечные.
- А собаки?
- Сомневаюсь. Воины наверняка взяли их с собой. Воитель, ты собираешься напасть на селение?
- Да. А потом мы расправимся и с охотниками.
- Делюм набрал полную грудь воздуха и долго не выдыхал его.
- Карса Орлонг, селение, где жили наши жертвы, – не единственное, – произнес он наконец. – Только в первой долине есть еще не менее трех. Весть о нашем появлении быстро разлетится. Каждый воин поторопится смазать свой меч. Каждого пса снимут с привязи и пустят в лес. Если нас не найдут люди, им помогут собаки.
- На нашем пути – еще три ратидских долины.
- Они совсем небольшие, – усмехнулся Карса. – Ты прав, Делюм: земли ратидов можно проехать за день.
- Воитель, но мы так разозлим их, что они погонятся за нами в сунидские долины.
- Карса перевернул меч, чтобы втереть масло в другую сторону лезвия.

– Я тоже так думаю. Скажи мне, Делюм Торд, когда суниды в последний раз видели уридов?

– Во времена похода твоего деда, – ответил Делюм.

Карса кивнул.

– Нам хорошо известен боевой клич ратидов.

– Ты хочешь втравить ратидов с войну с сунидами?

– Да, Байрот. Пусть посшибают друг другу головы.

Могучий воин недоверчиво покачал головой, как будто его собеседник сказал совсем уж несусветную чушь.

– Мы еще не справились с ратидами, воитель. Твои замыслы простираются слишком далеко вперед.

– И что же с того, Байрот Гилд? Ты своими глазами увидишь их осуществление.

Байрот поднял медвежий череп, нижняя челюсть которого держалась на узенькой полоске хряща. Воин перекусил хрящ и отшвырнул челюсть прочь. Затем достал связку тонких сыромятных ремешков и принялся связывать медвежьи скулы, оставляя с обеих сторон длинные концы.

Карса с любопытством следил за двоюродным братом. Он понял, что Байрот вознамерился превратить череп в шлем, однако тот был чересчур тяжелым. К тому же надеть шлем на голову мешали кости у основания затылка. Их требовалось выломать.

– Пойду-ка я спать, – сказал Делюм и встал.

– Карса, нет ли у тебя еще ремешков? – спросил Байрот.

– Пожалуйста, бери. – Карса подал ему клубок. – Только не сиди слишком долго. Надо хорошенько выспаться, не то завтра свалишься с коня.

Едва рассвело, как снизу, из долины, раздался лай собак. Карсу это не волновало. Ветер дул в другую сторону, и псы могли тявкать сколько угодно. А на горных тропах лай уже не был слышен. Так уридские воины ехали все утро. Когда солнце оказалось у них над головами, Делюм отыскал тропу, ведущую вниз.

Через пару часов пути всадники выехали на просеку. Вскоре потянуло дымом селения. Делюм спешил и отправился на разведку. Через непродолжительное время он вернулся и доложил:

– Ты все верно предсказал, воитель. Я видел в селении одиннадцать стариков и втрое больше взрослых женщин. Воинов там совсем нет. Все подростки тоже отправились на охоту. Остались только дети. Собак и лошадей я не заметил.

Уридские воины достали мечи. Затем каждый из них откупорил свой сосуд с кровавым маслом и помазал им вокруг конских ноздрей. Животные вскинули головы и напряглись всем телом.

– Я поеду справа, – сказал Байрот.

– Я – посередине, – отозвался Карса.

– Стало быть, мне остался левый край, – нахмурившись, подытожил Делюм. – Воитель, они разбегутся от тебя кто куда.

– Сегодня я щедр и великодушен, Делюм Торд. Я отдаю это селение вам с Байротом. Прославьте себя и постарайтесь, чтобы никто не сбежал.

– От нас не сбегут, – пообещал Байрот.

– А если кто-нибудь из женщин вдруг задумает поджечь дом, чтобы воины вернулись в селение, убейте ее, не раздумывая.

– Едва ли женщины настолько глупы, – возразил Байрот. – Они ведь понимают: любое сопротивление принесет гибель им всем. А если они не станут упрямиться, то получат наше семя, но останутся живы.

Все трое отцепили конские поводья, обмотав их вокруг пояса. Затем плотно сжали коленями лошадиные шеи и привстали. Карса подбросил свой меч в воздух. Буран нетерпеливо ударил копытами. Байрот и Делюм тоже подкинули мечи.

– Веди нас, воитель! – произнес традиционные слова Делюм.

Карсе было достаточно слегка ударить пятками Бурана, чтобы тот двинулся вперед и в несколько прыжков пересек поляну. Затем юноша повернул коня влево и качнул перед его глазами мечом. Буран поскакал еще быстрее. Спутники Карсы разъехались в стороны, чтобы появиться из-за боковых домов. Право первым въехать в селение все равно принадлежало воителю.

Их заметили. Раздался пронзительный женский крик. Испуганные дети бросились враспынную. Однако убежали не все. Какой-то мальчишка постарше, увидев чужого всадника, замахнулся на него палкой. Сверкнул кровавый меч: Карса без труда разрубил маленького смельчака надвое.

Краешком глаза Карса заметил старика, потрясающего своим посохом. С ним расправился Буран. Первый же удар задних копыт сбил дерзкого старца с ног, а несколько последующих превратили его голову в кровавое месиво. С окраин селения тоже слышались крики, испуганные и возмущенные. Впрочем, Байрот с Делюмом и не ждали радостной встречи.

Карса проехал все селение. Дальше начиналась поляна, а за нею – лес. Какой-то мальчишка стремглав несся туда, сжимая в руках меч. Оружие не было боевым, с такими мечами обычно упражнялись подрастающие воины.

Урид поскакал вслед за беглецом. Слыша за спиной тяжелый топот копыт и понимая, что спасительная стена леса еще слишком далеко, мальчишка обернулся и взмахнул мечом.

Карсе хватило одного удара, чтобы перерубить и меч, и шею парнишки. Буран поддел обезглавленное тело копытом, откинув его в сторону.

Когда-то двоюродный брат Карсы стал жертвой набега ратидов. Враги отрезали ему язык и уши и повесили беднягу на дереве вверх тормашками, вымазав ему голову испражнениями.

«Мечь не знает срока давности. Я отомстил за тебя, сородич».

Буран замедлил бег, затем остановился и повернулся мордой к деревне.

Байрот и Делюм уже успели расправиться со всеми непокорными. Теперь они гнали женщин к общему очагу, что находился в центре селения.

Карса направился к ним.

– Эй, жену вождя оставьте мне! – крикнул он.

Его соратники кивнули, даже не попытавшись возразить. Оба пребывали в радостном возбуждении. Байрот обвел глазами женщин и указал мечом на одну из них – миловидную ратидку средних лет. Она вышла из толпы вместе с дочерью, которая была как две капли воды похожа на мать.

«Наверное, ровесница Далиссы», – подумал Карса, разглядывая обеих пленниц. Те столь же пристально глядели на него.

– Байрот Гилд и Делюм Торд, выбирайте себе первых. Я постерегу остальных.

Довольно улыбаясь, оба воина спешили. Они быстро выбрали себе женщин и отправились по разным домам, ведя свою добычу за руку. Ратидки даже не пытались сопротивляться. Карсу это удивило.

– А твои воины сразу заметили, кому из наших не терпится, – с усмешкой бросила юноше жена вождя.

– Сомневаюсь, что такая прыть понравится их отцам или мужьям, – ответил Карса.

«Вот уридские женщины не такие», – подумал он.

– Отцы и мужья об этом не узнают, если только вы сами им не расскажете, – все так же насмешливо продолжала его собеседница. – Только едва ли вы сделаете такую глупость.

– Почему глупость?

– Сомневаюсь, что вы захотите попасть в руки наших воинов. Они убьют вас без лишних слов.

Жена вождя подошла ближе.

– Наверное, ты считаешь, что уридные женщины не такие. Вернее, тебе хотелось бы так думать. Однако теперь ты понимаешь, что это вранье. Все мужчины глупы. Но ты уже немножко поумнел. Я вижу, как правда постепенно достигает твоего сердца. Назови свое имя, воитель.

– Ты слишком много болтаешь, – сердито заметил Карса. Между тем вопрос польстил ему. – Я – Карса Орлонг, внук Палика, – сказал он, расправляя плечи.

– Палика?

– Да. Тебе знакомо это имя?

– Сейчас его уже забыли. Но когда я была совсем маленькой, взрослые часто говорили про этого человека.

– Мой дед жив до сих пор и крепко спит по ночам, вопреки вашим проклятиям.

Женщина засмеялась.

– Каким еще проклятиям, воитель? Твоего деда никто не проклинает. Палик явился сюда со склоненной головой и смиренно умолял позволить ему пересечь наши земли.

– Врешь!

Ратидка смерила его долгим взглядом и пожала плечами.

– Думай, что хочешь.

Из хижины послышался женский крик. В нем было гораздо больше наслаждения, нежели боли.

– Скажи, воитель, скольким из нас предстоит принять твое семя и семя твоих соратников? – спросила жена вождя.

– Всем, – ответил Карса. – По одиннадцать на каждого из нас.

– И сколько же дней это займет? Наверное, вы заставите нас готовить вам пищу.

– Дней? Ты рассуждаешь, как старуха. Мы молоды. А если понадобится – у нас есть кровавое масло.

У ратидки изумленно расширились глаза, да и остальные жительницы селения начали перешептываться. Однако жена вождя взглянула на соплеменниц, и те послушно умолкли.

– А прежде вам уже приходилось пользоваться кровавым маслом для... таких надобностей? – поинтересовалась она, вновь поворачиваясь к Карсе. – Думаю, что нет, иначе бы вы знали то, что знаю я, воитель. Да, ваша мужская прыть возгорится и будет пылать несколько дней кряду. Только учти: сила кровавого масла передается и женщинам тоже. Когда-то я была слишком молода и глупа. После кровавого масла страсть так обуяла меня, что я зубами вцепилась мужу в горло, и ему было не совладать со мною. Эти шрамы он носит до сих пор. Скажу тебе больше: мужская страсть через несколько дней угасает, а женская не утихает месяцами напролет, не давая нам покоя.

– Не завидую вашим супругам, – ухмыльнулся Карса. – Если мы не убьем их, то это сделаете вы.

– Вам троим ни за что не продержаться всю ночь, – сказала жена вождя.

– Это мы еще посмотрим. Кстати, можем побиться об заклад: кому из нас троих первому понадобится кровавое масло!

Карса взглянул на ратидских женщин.

– А вы покажите нам, на что способны. И не советую нас разочаровывать.

Из хижины вышел Байрот. Он удовлетворенно кивнул другу.

Вздыхнув, жена вождя вытолкнула вперед свою дочь.

– Нет, – сказал Карса.

– Разве ты не хочешь ребенка от моей дочери? – удивилась ратидка. – Ведь первой, кто возьмется с тобой, достанется самое сильное семя.

– Моего семени хватит на всех. А ты сама никак уже вышла из детородного возраста?

Женщина покачала головой.

– Карса Орлонг, – прошептала она, – ты сам побуждаешь моего мужа проклясть тебя. Ты не знаешь, каков он в ярости. Он сожжет кровь на каменных губах Имроты.

– Меня не волнует твой муж. – Карса спешился и подошел к супруге вождя. – А теперь води меня в свой дом.

Женщина попятилась.

– Умоляю тебя, воитель, – только не туда! Пойдем в любую другую хижину.

– Нет, мы пойдем в дом твоего мужа! – прорычал он. – И довольно уже слов.

Незадолго до наступления сумерек Карса повел на ложе свою одиннадцатую женщину из клана ратидов. Ею была дочь вождя. Ни воителю, ни Байроту с Делюмом не понадобилось подкреплять свою прыть кровавым маслом. Байрот приписывал это особой мужской силе уридов, хотя Карса подозревал, что основная заслуга здесь принадлежит ратидкам. Отчаяние заставило их выказывать чудеса страсти. И все же никто из троих захватчиков не хотел признаваться, что оплодотворение последних женщин далось им с трудом.

Внутри дома было сумрачно. В очаге переливались тлеющие угли. Карса плотно закрыл дверь и опустил задвижку. Дочь вождя внимательно рассматривала юношу. Однако страха в ее глазах не было. Только любопытство.

– Мать говорила, что ты на удивление нежен.

Карса тоже глядел на девушку.

«Совсем как Далисса, и в то же время – она... другая. Далисса подобна темному колодцу, а эта больше напоминает журчащий ручеек».

– Раздевайся, – велел он дочери вождя.

Та послушно сбросила с себя тунику, сшитую из цельного куска шкуры.

– Если бы ты начал с меня, Карса Орлонг, твоё семя укоренилось бы во мне. Сегодня день, когда мое колесо времени повернулось. А теперь – я даже не знаю.

– Ты бы гордилась, если бы носила под сердцем моего ребенка?

Вопрос этот удивил девушку, а самого Карсу немало изумил ее ответ:

– Вы поубивали не только наших стариков, но и детей, способных в будущем дать потомство. Пройдет не один век, прежде чем наше селение возродится. А может, оно вообще никогда не возродится. Если вам удастся уйти, то наши воины от бессилья обратят свой гнев друг на друга или даже на нас, женщин.

– Что значит, «если удастся уйти»? Ложись на место своей матери! Нет на свете такой силы, которая бы сумела остановить Карсу Орлонга. – Он склонился над девушкой. – Ваши воины не вернутся. Жизнь вашего селения закончена, зато внутри многих из вас начнут созревать семена уридов. Отправляйтесь жить в наш клан. Ты, твоя мать и все остальные, – идите в селение, где я родился. Ожидайте моего возвращения. Растите ваших детей... моих детей настоящими уридами.

– Твои речи слишком дерзки, Карса Орлонг.

Юноша начал стаскивать с себя одежду.

– И не только твои речи, – продолжала дочь вождя, глядя на него. – Похоже, мы обойдемся без кровавого масла.

– Кровавое масло мы прибережем до моего возвращения.

Карса придавил ее своим телом. Девушка вздрогнула.

– И ты даже не желаешь узнать мое имя?

– Нет, – резко ответил Карса. – Я буду звать тебя Далиссой.

Он не увидел стыда, вспыхнувшего на милом личике юной ратидки, и не почувствовал тьмы, которая ворвалась ей в душу вместе с его словами.

Семя Карсы Орлонга укоренилось в ней, как прежде укоренилось и в ее матери.

С гор надвигалась запоздалая гроза, поглотив звезды. Однако ветру было достаточно гнуть верхушки деревьев, он даже не пытался коснуться их нижних ветвей. Чем ближе к земле, тем слабее становился гул бури. Небо вдали разрывали молнии. Раскатов грома пока еще не было слышно.

Невзирая на темноту и непогоду, уридские воины продолжали путь, пока не наткнулись на следы лагеря, оставленного ратидами. Ярость лишила ратидов бдительности. Было сразу видно, куда они двигались. Делюм без труда определил, что отряд состоял из двенадцати взрослых и четырех юношей. Треть всех мужчин селения. Все были на конях. Собак ратиды пустили по следу и теперь не знали, где они.

Карса довольно улыбался. Потревоженные осы покинули свое гнездо, но летали вслепую.

Медвежатина успела немного стухнуть, однако другой пищи у Карсы и его соратников не было. После ужина Байрот вновь принялся за медвежий череп. Он оплел ремешками всю морду, крепко стянув их между верхних зубов. Только сейчас Карса догадался: Байрот и не думал делать из черепа шлем. Он мастерил себе метательное оружие. Обычно для таких целей связывали вместе два-три волчьих черепа. Лишь такому здоровяку было по силам раскрутить в воздухе череп серого медведя.

– Наш поход уже становится легендой, и ты, Байрот Гилд, готов вплести в него новую яркую нить.

– Меня не заботят легенды, – без всякого воодушевления отозвался Байрот. – Но очень скоро мы можем столкнуться с ратидскими всадниками.

Карса улыбнулся и промолчал.

Легкий ветерок, примчавшийся сверху, заставил Делюма вскочить на ноги.

– Я чую запах влажной шерсти.

Меж тем дождь еще не начинался.

Карса отстегнул с пояса оружейную перевязь.

– Останешься здесь, – шепнул он Байроту. – А ты, Делюм, тоже сними меч и возьми с собой ножи. Пойдешь первым.

– Воитель, собачья стая бежит от бури вниз, – сказал Делюм. – Они не чуют наш запах, но у них очень острый слух.

– Хочешь сказать, если собаки нас услышат, то поднимут гвалт?

– За шумом ветра ни один пес ничего не услышит, – усмехнулся Байрот.

– Ошибаешься, Байрот. Звуки бывают высокими и низкими, и каждый движется по своим путям... Воитель, ты спрашивал, начнут ли собаки выть и лаять, если услышат нас. Скорее всего, нет. Они же не знают, кто мы – уриды или ратиды.

Подобный ответ развеселил Карсу.

– Это даже лучше, чем я думал. Тогда идемте туда, где стая. Ратидские псы, отбившиеся от хозяев, могут нам пригодиться. Когда мы окажемся там, держитесь поодаль с ножами наготове. Я сам поговорю с собачками.

Буран и остальные кони, стоявшие рядом с воинами, вдруг дружно вскинули головы и навестили уши.

Делюм пригнулся и шагнул в темноту. Карса отправился следом.

Очень скоро склон утратил пологость. Троп, по которым можно вскарабкаться вверх, не было. Стволы поваленных деревьев усложняли и без того нелегкий подъем. Хорошо хоть, что путь Карсы и Делюма пролегал по густому влажному мху, скрадывавшему звук их шагов. Вскоре они увидели небольшую ложбину. На другом ее конце высилась расколота скала,

возле которой серели стволы засохших деревьев. Делюм обвел глазами скалу и направился к ее левому краю. Там, среди узкой расщелины, уходила вверх узкая звериная тропа. Оттуда пахло сырой землей.

– Постой, Делюм! – окликнул его Карса. – Дальше мы не пойдем!

– Но почему, воитель? Мы как раз успеем подняться.

– Нет. Собак я встречу здесь... Видишь уступ справа? Залезай туда и приготовь ножи.

Недоумевающий Делюм сделал так, как ему было велено, заняв место на узком уступе.

Карса приблизился к звериной тропе, поперек которой лежала упавшая сосна, и слегка ударил по стволу. Оказалось, что древесина еще не успела высохнуть. Юноша сделал несколько шагов вверх, затем, упершись ногами в сосновые ветви, выбрал такое положение, откуда ему были одновременно видны и тропа, и ложбина.

Теперь оставалось только ждать. Делюма он не видел; для этого пришлось бы наклониться вперед, а это было довольно рискованно: любой толчок грозил опрокинуть сосну вниз вместе с Карсой.

«Ладно, – подумал он. – Будем надеяться, что Делюм хорошо понял мой замысел и не оплошает».

Подпрыгивая, сверху скатились мелкие камни. Собачья стая начала спуск. Карса затаил дыхание.

Он знал: вожак стаи никогда не побежит впереди. Первым всегда бывает пес-разведчик, а вожак держится от него на безопасном расстоянии.

Первая собака пронеслась мимо Карсы и выскочила в ложбину, где остановилась, принюхалась и настороженно подняла уши. Второй спустившийся пес был крупнее. Камешки так и летели из-под его лап. Голову и плечи собаки покрывали шрамы. Карса сразу понял, что перед ним – предводитель стаи.

Вожак достиг ложбины. Пес-разведчик встревоженно качнул головой. И в это мгновение Карса прыгнул прямо на вожака. Воитель опрокинул пса на спину, после чего левой рукой сдавил ему глотку, а правой прижал к земле отчаянно дрыгающиеся задние лапы. Вожак извивался всем телом, пытаясь вырваться, но юноша держал его крепко.

Вскоре вся стая спустилась в ложбину, окружив Карсу и своего поверженного предводителя. Случившееся явно испугало псов и сбило их с толку. Меж тем рычание вожака сменилось повизгиванием. Собачьи зубы впились Карсе в запястье, и ему пришлось переместить руку ближе к челюсти. Вожак еще дергался, но это были последние всплески сопротивления. Человек и животное оба понимали, кто победил в их поединке. Стая, наблюдавшая за происходящим со стороны, тоже это понимала.

Наконец Карса поднял голову и взглянул на собак. Они дружно попятились назад. Только один пес – молодой крупный кобель – припал к земле и пополз к Карсе.

Первый нож Делюма вонзился непокорному псу в горло, второй застрял возле правого плеча. Удар в горло оказался смертельным. Поверженное животное распласталось на земле и затихло. Собачье кольцо стало еще шире.

Вожак тоже притих. Карса наклонился к псу, притиснувшись щекой к его челюсти.

– Ну что, дружок? Ты слышал предсмертный крик своего соперника? – шепотом спросил юноша. – Я избавил тебя от его притязаний. Теперь ты и твоя стая принадлежите мне.

Он медленно разжал пальцы, сдавливающие собачью глотку, после чего освободил пригвожденные к земле задние лапы.

Вожак поднялся.

Карса выпрямился и встал рядом, с улыбкой глядя на поджавшего хвост пса.

– Воитель, я все видел собственными глазами, – послышался восхищенный голос идущего к ним Делюма.

– Делюм Торд, ты был не только очевидцем случившегося, но и моим помощником. Ты превосходно выбрал время, чтобы метнуть ножи.

– Соперник вожака захотел утвердить свою власть над стаей.

– Но ты сумел разгадать его намерение.

– И теперь у нас есть целая стая четвероногих воинов.

– Да, Делюм Торд.

– Я поспешу к Байроту. Да и коней нужно успокоить.

– Ты прав. Утихомирь наших скакунов. Я дам тебе немного времени.

Дойдя до спуска с ложбины, Делюм обернулся.

– Я больше не боюсь ни ратидов, ни сунидов. Теперь я верю, что сам Уригал сопровождает тебя в этом походе.

– Так знай же, Делюм Торд: мне недостаточно быть первым среди уридов. Наступит день, и все теблоры склонятся предо мною. Этот поход – не более чем разведка. Он нужен, дабы узнать врагов, с которыми нам предстоит сражаться в будущем. И уриды, и все остальные теблорские кланы слишком долго спали. Настала пора пробудиться!

– Я не сомневаюсь в правоте твоих слов, Карса Орлонг.

– Не так давно ты говорил совсем другое, – холодно улыбнувшись, напомнил Карса Делюму.

Тот в ответ лишь молча мотнул головой и исчез из виду.

Карса взглянул на свое окровавленное запястье, потом на вожака стаи и засмеялся.

– Ты вкусил моей крови, пес. И сейчас Уригал спешит к тебе, чтобы завладеть твоим сердцем. Отныне мы с тобой неразрывно связаны. Пойдешь рядом со мной. Теперь у тебя будет новое имя. Я нарекаю тебя Грызло.

В стае было одиннадцать взрослых собак и трое щенков-подростков. Все они послушно двинулись вслед за Карсой и Грызлом. Никто даже не оглянулся на убитого Делюмом пса. Он жаждал власти? Ну так пусть царствует над этой ложбиной, пока его телом не завладеют мухи.

К полудню уридские всадники со своей собачьей стаей спустились в небольшую долину. Это была средняя из трех долин, лежащих на их пути через земли ратидов. Следы, щедро оставленные «доблестными охотниками», показывали, что те окончательно запутались. Более того, они старались не показываться на глаза соплеменникам из других селений. Позор туманил им разум и все сильнее вгонял в отчаяние.

Карса был не прочь дать ратидам новый бой. Его не устраивало спокойное передвижение по их землям. Утешало лишь то, что весть о троих грозных уридах распространится по всем местным селениям и на обратном пути ехать будет веселее.

Делюм подсчитал, что ратидские охотники опережают их приблизительно на треть дневного перехода. Вот бы эти храбрецы удивились, обнаружив уридов у себя за спиной! Однако Карса понимал: злорадствовать пока рано. Ведь помимо всадников было еще два отряда. Те, скорее всего, двигались пешком и старались не оставлять следов. И вот их-то нападения можно было ожидать за любым изгибом тропы.

Собаки, казалось, уже позабыли прежних хозяев и неумоимо бежали вперед. Слушая рассказ Делюма о подчинении вожака стаи, Байрот лишь изумленно качал головой: он верил и не верил. О дальнейших честолюбивых замыслах Карсы Делюм благоразумно умолчал.

Долина заканчивалась. Впереди показались валуны, окаймленные зарослями осинника, ольшаника и березняка. Кое-где виднелись стволы черных елей. Вероятно, когда-то здесь протекала река. Она ушла под землю, а на поверхности, среди влажных мхов, темнели неширокие озерца. Издали они казались лужами, хотя на самом деле такая «лужа» могла легко поглотить всадника вместе с конем. Хуже всего, что эти водяные ловушки прятались меж валунов и бурелома. Чужая опасность, лошади брели медленным шагом.

Еще через какое-то время уридские воины наткнулись на облепленную мхом и грязью гать – настил из бревен. Чувствовалось, что за дорогой этой давно уже никто не следит. Из щелей между бревнами пробивалась густая трава. И все же старая дорога делала продвижение более безопасным. Вдобавок она вела в нужном уридам направлении.

Мостки раскачивались и скрипели. Давненько они не принимали на себя столь тяжкий груз.

– Нам лучше спешиться, – сказал Байрот. – Бревна могут не выдержать и треснуть.

Карса свесился с коня, разглядывая грубо обтесанные стволы деревьев.

– Ничего, не треснут. Дровесина еще не успела сгнить.

– Воитель, тут мостки сильно шатаются. Они уходят прямо в болотную жижу.

– Нет, Байрот Гилд. Они уходят в мох, а он – как подушка.

– Карса прав, – подал голос Делюм. – Мостки скреплены крестовинами. Такая дорога хоть и качается, но ехать по ней можно. Нам лучше всего двигаться по самой середине, держась гуськом.

– Мы въехали на эту дорогу не затем, чтобы ползти по ней, как улитки, – недовольно бросил Карса. – Уверю вас, она выдержит. И чем быстрее мы по ней проедем, тем лучше.

– Как скажешь, Карса Орлонг, – поморщился Байрот.

И все же благоразумие заставило всадников ограничиться легким галопом. Делюм ехал впереди. Собачья стая замыкала процессию. По обе стороны от дороги взгляды всадников натывались на мертвые березы, усеянные гусеницами. Живые деревья – осины, ольхи и вязы – были низкорослыми, а листва их имела странный пыльно-зеленый цвет. Черные ели, росшие вдали, тоже находились на грани гибели.

– Старая река возвращается, – возвестил Делюм. – Она медленно затопляет лес.

– Эта долина соединяется с другими, и все они ведут на север – до самой Буридской расселины, – сказал Карса. – Шестьдесят лет назад там собирались теблорские старейшины. Палик тоже ездил туда. Они узнали, что ледяная река, заполнявшая расселину, неожиданно погибла и начала таять.

– Мы все равно не узнаем, что именно видели там теблорские старейшины, – слышался сзади голос Байрота. – И неизвестно, нашли ли они то, что искали.

– Я и не подозревал, что старейшины там что-то искали, – пробормотал Делюм. – Когда ледяная река погибла, ее предсмертный грохот слышали в сотне долин, в том числе и в нашей. Может, старейшинам просто стало любопытно, и они захотели узнать, что же там произошло?

– Палик видел множество звериных туш, вмерзших в лед. Трудно даже представить, сколько столетий они пробыли в ледяном панцире. А когда лед стал таять, небо и берега почернели от ворон и горных грифов, слетевшихся на пиршество. Еще дед упоминал про древние бивни. Но он так и не увидел там ни одного целого. Скорее всего, в древности в тех краях происходила жестокая битва. Среди ледяных глыб было полно обломков детских костей и каменного оружия.

– Я об этом даже не... – Байрот умолк на полуслове.

К цокоту копыт и стуку собачьих лап примешивались другие звуки: ровные, гулкие, нарастающие. Шагов через сорок бревна дороги резко сворачивали влево и исчезали за деревьями.

Собаки дружно защелкали зубами, предупреждая людей об опасности. Карса обернулся. К ним приближалась дюжина пеших ратидских воинов. От уридов их отделяли каких-нибудь две сотни шагов. Но ведь он отчетливо слышал цокот копыт чужих коней. Карса вновь повернулся вперед. Из-за поворота выехали шестеро ратидских всадников. Воздух огласился боевыми кличами.

– Дайте мне размахнуться! – взревел Байрот.

Он стремительно рванулся вперед, объехав Карсу, а затем и Делюма. Остановившись, Байрот подкинул вверх медвежий череп. Ремешки туго натянулись и закрипели. Могучий уридский воин привстал, крепко уперся коленями в шею своего жеребца и принялся вращать череп. Послышалось монотонное жужжание, которое становилось все громче. Увлекаемый гигантской пращей, конь Байрота двинулся вперед.

Ратидские всадники скакали по двое, двигаясь почти впритык... Когда до них оставалось менее двадцати шагов, Байрот разжал пальцы.

Если волчьи черепа могли ранить вражескую лошадь в передние ноги, а то и сломать их, то оружие Байрота было куда более грозным. Тому коню, что скакал слева, медвежий череп полностью разворотил грудь. Оттуда, а также из пасти и носа, хлынули потоки темной крови. Жеребец рухнул, слегка задев копытом своего соседа. Этого оказалось достаточно. Второй конь потерял равновесие и упал поперек дороги, сломав ногу и сбросив всадника.

Первый ратид сумел выбраться из-под туши своего скакуна, но его уже ждали копыта лошади Байрота. Несколько ударов по голове превратили ее в кровавую лепешку.

Наступление ратидов захлебнулось. Конь третьего всадника зацепился за выбоину в бревне и тоже упал. Испустив уридский боевой клич, Байрот ринулся на врагов. Трудно сказать, успел ли второй ратид пожалеть, что выбрался из болота на дорогу. Последним, что увидели его глаза, был занесенный меч Байрота.

Сзади слышалось сопение Делюма. Потом воздух рассекли брошенные им ножи. Первый ударил в лезвие ратидского меча, второй угодил прямо в горло тому, чьи руки держали этот меч. Четверо всадников были мертвы. Участь двух оставшихся должна была решиться в ближайшие мгновения.

Сразу после первой атаки Байрота Карса развернул своего коня и понесся навстречу пешим ратидам. Собаки устремились следом за ним.

Из двенадцати ратидов четверо были еще совсем молодыми парнями. Кто-то из старших потребовал, чтобы они не путались под ногами и прыгнули с мостков. Восемь против одного? Ратиды не сомневались, что легко одолеют уридского всадника. Они построились клином, обратив его острие в сторону Карсы. Но юноша только рассмеялся, предвкушая потеху. Он сразу понял замысел врагов: заманить его в середину клина и окружить со всех сторон. Будь на месте Карсы Орлонга кто-нибудь другой, эта уловка, возможно, и сработала бы. Но ратиды не знали, с кем имеют дело.

– Смотри же, Уригал! – крикнул Карса, вставая почти во весь рост.

Его меч застыл над головой Бурана. Первой своей жертвой юноша избрал ратида, что находился на левой оконечности клина. Конь сообразил, что задумал хозяин, и двинулся на левый край. Путь им преградил ближайший ратид, замахнувшийся мечом. Но Карса парировал его удар, развернул коня и ударил ратида правой ногой в лицо. Тот зашатался и повалился на бревна.

«Погодите, то ли еще будет!»

Смешавшись, ратиды сами не заметили, как все оказались по левую руку от Карсы. Буран рванулся к ним. Почти каждый удар молодого воина достигал цели. Буран помогал хозяину, как мог. Одного врага конь зашиб сам, скинув с моста.

Поглощенные битвой с Карсой, ратиды совсем забыли про собак, которые и атаковали их с тыла. Двоим воинам все же удалось пробиться сквозь клубок озверевших псов. Мечи обоих были красными от собачьей крови. Карса с криком поскакал на них. И тут случилось то, чего он никак не ожидал: оба ратида прыгнули с мостков вниз.

– Презренные трусы! – закричал им вслед Карса. – Я видел ваш позор! Ваши мальчишки тоже стали его свидетелями! И эти собаки – тоже!

По грудь утопая в болотной жиже, ратиды торопились убраться подальше от гати. Оружия у них в руках уже не было.

Подъехавшие Байрот и Делюм с неменьшим изумлением наблюдали за бегством ратидских воинов.

– Запомните, двуногие твари! – кричал вслед врагам воитель. – Уригал и я, Карса Орлонг, – мы оба видели, сколь малодушно ведут себя в бою ратиды!

Откуда-то появился Грызло. Пес тяжело дышал. Черная с серыми пятнами шерсть была густо заляпана кровью, однако ран на его теле Карса не заметил. Помимо жоака, уцелело еще четыре собаки. Пятая лишилась передней лапы и теперь ковыляла на трех, оставляя за собой кровавые пятна.

– Делюм, перевяжи ей культю, – велел Карса. – Потом надо будет прижечь, чтобы не загноилась.

– Воитель, к чему нам трехлапая собака? – удивился Байрот.

– Даже у трехлапой собаки остались нос и уши, Байрот Гилд. Я умею ценить преданность. Обещаю вам: она состарится, лежа возле моего очага.

Его соратники промолчали.

– А вы сами не ранены? – через некоторое время спросил Карса.

– Так, царапины, – произнес Байрот и отвернулся.

– Я потерял палец, – сказал Делюм, доставая кожаный ремень. – К счастью, всего лишь мизинец.

Карса вновь перевел взгляд на убежавших ратидов. Те уже почти добрались до кромки елового леса. Воитель выкрикнул им вслед еще несколько оскорбительных фраз, а затем положил руку на голову своего скакуна.

– Мой отец был прав. Я еще никогда не ездил на таком коне, как ты, Буран.

Жеребец наострил уши. Нагнувшись, Карса поцеловал его в лоб.

– О нас с тобой еще при жизни будут слагать легенды. Обещаю тебе, мой верный друг.

Мостки устилали окровавленные трупы. Глядя на них, Карса довольно улыбался.

– Пора собирать трофеи, братья мои. Байрот, медвежий череп еще цел?

– Полагаю, что да, воитель.

– Сегодняшней победой мы обязаны тебе, Байрот Гилд.

Могучий воин прищурился и недоверчиво покачал головой.

– Ты постоянно удивляешь меня, Карса Орлонг.

– А меня постоянно удивляет твоя сила, Байрот Гилд.

– Я счастлив следовать за тобой, воитель, – признался Байрот.

«Ты всегда был счастлив следовать за мной, Байрот Гилд. В этом и заключается разница между истинным воителем и простым воином, каким бы храбрым тот ни был».

Глава вторая

Если зорко и внимательно оглядеться по сторонам, можно заметить хоть и не явные, но неоспоримые свидетельства того, что во время одной из древних войн с яггутами (для Кроновых т'лан имассов она была уже семнадцатой или восемнадцатой по счету) случились некие непредвиденные события, обернувшиеся для т'лан имассов сущей катастрофой. Опытный чародей, находившийся в составе нашей экспедиции, уверен: воины Крона уничтожили не всех яггутов; один из них смог скрыться в глубинах Лейдеронского ледника. Невзирая на страшные раны, он сумел сохранить значительное количество магической силы. В местах, недостижимых для ледяной реки (которая, заметим в скобках, за минувшие века стала гораздо уже), мы обнаружили хаотичные нагромождения останков т'лан имассов, и прежде всего – диковинным образом

изуродованные кости. Однако они до сих пор хранят на себе следы Омтоза Феллака – неистового и опасного магического Пути яггутов.

Что же касается наделенного колдовскими свойствами каменного оружия Кроновых воинов, то нам попадались лишь его обломки. И здесь возможны только два объяснения: либо в этих местах уже успели побывать грабители могил, либо уцелевшие т'лан имассы (если такие вообще были) собрали все свои каменные мечи и унесли их с собой.

Кенемасс Трибанос, летописец.

Натианская экспедиция 1012 года

Настало время покинуть дорогу через болото.

– Сдается мне, что последний отряд ратидов повернул назад, – сказал Делюм.

– Не удивлюсь этому, – с презрительной усмешкой отозвался Карса. – Трусость заразнее морового поветрия.

– Тут дело не только в трусости, – пророкотал Байрот. – Ратиды сразу смекнули: это не просто набег. А раз мы идем через их земли, значит обязательно вернемся. Они наверняка соберут воинов из всех окрестных селений и будут ждать нашего возвращения.

– Меня это не заботит, Байрот Гилд.

– Похоже, Карса Орлонг, ты наперед продумал и предусмотрел любой поворот событий. И все равно впереди у нас – еще две ратидские долины. Там тоже есть селения. Мы обогнем их, обойдя стороной, или ты намерен собрать новые трофеи?

– Тогда на берега Серебряного озера мы явимся, сгибаясь под тяжестью трофеев, – хмыкнул Делюм.

Карса коротко рассмеялся в ответ и умолк, обдумывая слова товарищей.

– Нет, Байрот, по этим долинам мы проскользнем неслышно и незаметно, будто змея в ночи. И так будет до самого последнего селения. Я намерен разворошить еще одно ратидское осиное гнездо, чтобы их охотники погнались за нами на земли сунидов.

Делюм отыскал тропу, ведущую вверх по склону.

Вспомнив о трехлапой собаке, Карса обернулся и поискал ту глазами. Грызло бежал рядом, приноровившись к ее ковылянию. Только сейчас воитель догадался, что искалеченная сука была подругой вожака, и порадовался собственной предусмотрительности: как хорошо, что он сохранил собаке жизнь.

Чем выше они поднимались, тем прохладнее становился воздух. Земли сунидов лежали еще выше, примыкая на востоке к горной гряде. Палик рассказывал внуку, что перевал в тех краях всего один, да и тот соседствует со стремительным водопадом, несущимся прямо к Серебряному озеру. Дед предупреждал: спуск будет крайне опасным. Недаром ведь это место нарекли перевалом Костей!

Тропа змеилась вокруг расколотых зимними морозами валунов и поваленных ураганами деревьев. До горной вершины оставалось всего несколько сотен шагов.

Воины спешили. Трехлапую суку Карса пристроил на шее у Бурана. Собака приняла это молча, как должное. Теперь Грызло бежал рядом с конем.

Солнечный свет золотил горный склон. До вершины оставалось не более сотни шагов. Тропа вывела троих уридов к уступу, поросшему невысокими редкими дубами. Постоянные сражения с ветрами изогнули едва ли не каждую их ветку.

Внимательно оглядев уступ, Делюм хмыкнул:

– Смотрите-ка, вон там, справа, возле того камня, – пещера!

– И довольно просторная, – подхватил Байрот. – В ней поместятся все наши кони. Карса Орлонг, если теперь мы будем передвигаться по ночам...

– Я понял, на что ты намекаешь, – перебил его Карса. – Хорошо, останавливаемся на привал.

Делюм направился к пещере, однако Грызло опередил его. У входа пес принялся, потом лег. Воины внимательно следили за ним. Если бы у Грызла вздыбилась шерсть, это означало бы, что в пещере обитает медведь или какой-нибудь другой горный зверь. Но пес, не проявив ни малейшего беспокойства, лениво поднялся и проследовал внутрь.

Расположение пещеры как нельзя лучше подходило для привала. Снизу ее было не видно: мешали ветви дубов и нагромождения камней, которые наполовину завалили вход. Байрот принялся расчищать его, а Карса с Делюмом тем временем отправились внутрь.

Пол пещеры был густо устлан сухими листьями. Предвечернее солнце рисовало на ее дальней стене причудливые желтые узоры, высвечивая резные надписи, которые тянулись плотными рядами. Потолок был высоким, куполообразным. Середину пола занимала небольшая, сложенная из камней пирамида. Такие пирамиды обычно возводили над гробницами.

Грызло между тем исчез. Его следы вели в левый дальний угол пещеры, куда не достигали солнечные лучи.

– Смотри, воитель, – прошептал Делюм. – Кто-то высек здесь громадный «кровавый знак». Какой странный рисунок: ни у ратидов, ни у сунидов я таких не встречал.

– Но письмена явно теблорские, – заметил Карса.

– Верно. Только фразы какие-то... уж больно заковыристые.

Карса начал читать вслух:

– «Я вел семьи тех, кто уцелел, направляя их с гор вниз. Мы перебирались через треснувшие жилы, кровоточившие под солнцем...» Что это еще за «треснувшие жилы»?

– Лед, – подсказал Делюм.

– По-моему, лед под солнцем не кровоточит, а тает... «Нас осталось совсем мало. Наша кровь помутнела, а в будущем ей предстояло стать еще более мутной. Я не видел нужды разрушать оставшееся, ибо т'лан имассы по-прежнему нас преследовали, разъяренные и готовые убивать всех без разбору».

Карса нахмурился и почесал затылок.

– Ты когда-нибудь слышал про этих... т'лан имассов?

– Нет, – ответил Делюм. – Наверное, какое-то враждебное племя. Читай дальше, Карса Орлонг. Твои глаза быстрее моих.

– «...И тогда я разделил мужей и жен, детей и родителей, братьев и сестер. Я создал новые семьи и каждой велел идти и поселиться в своем месте. Я провозгласил закон Уединения. Я сказал, что закон этот дал нам Икарий, которого мы некогда приютили и который был безмерно опечален нашей судьбой. Закону Уединения надлежало стать нашим спасением; он очистит нашу кровь и сделает сильными наших детей. Всякий, кто родится позже и прочтет эти слова, – да примет их как оправдание содеянному мною...»

– Воитель, меня почему-то тревожат эти слова, – признался Делюм.

– Это еще с какой стати? – удивился Карса, оборачиваясь к нему. – Разве для нас они что-то значат? Мне они видятся полнейшим бредом. Посмотри. Почти вся стена покрыта письменами. Чтобы их вырезать, понадобились годы. На это мог отважиться только безумец. Должно быть, соплеменники изгнали его, и он жил в этой пещере, предаваясь своей дикой затее. Здесь его и похоронили.

– Изгнали? – повторил Делюм. – Наверное, ты прав, воитель. И все равно, читай дальше. Мне любопытно, что же он написал в свое оправдание.

– Тогда слушай. «Чтобы выжить, мы должны забыть. Так нам говорил Икарий. Мы должны забыть то, до чего мы дошли и что нас так ослабило. Все это нам следует навсегда похоронить в прошлом. Мы должны разрушить свои...» Этого слова я не знаю. «...не оставив камня на камне, никаких свидетельств о том, кем мы были. Мы должны сжечь наши...» Тут опять незнакомое слово. «...и развеять пепел. Мы должны забыть свою историю, сохранив лишь самые древние предания. Те, где повествуется о простой жизни, которую мы когда-

то вели. Сейчас трудно поверить, что прежде мы обитали в лесах, охотились, ловили рыбу в реках, разводили лошадей. Мы совершали набеги и убивали всех, кто попадался нам под руку. Тогда все законы творились мечом, и прав был тот, кто успевал нанести удар первым. Легенды повествуют о непрекращающихся междоусобицах... Да, мы должны вернуться к тем страшным временам. Нам следует скрыться от остального мира и сплести новые, не столь обширные узы родства. Насилие добавит в них новые нити, однако смешение кровей с соседними племенами должно оставаться насильственным, дабы не сделаться обычным явлением... Итак, чтобы очистить нашу нынешнюю кровь, мы должны забыть, кто мы есть сейчас, и стать теми, кем были когда-то...»

– Прошу тебя, читай дальше, – прошептал Делюм, опускаясь на корточки. – Там, внизу, я вижу много знакомых слов. Прочти их, Карса Орлонг.

– Ближе к полу совсем темно, но я попробую... Тут, похоже, перечислены какие-то имена. Ага... «Я назвал новые племена именами, какими отец назвал нас, своих сыновей...» Ого! Вон их сколько! «Барид, Санид, Фалид, Урад, Гелад, Манид, Ратид и Ланид. В честь них и будут отныне называться новые племена...» Делюм, уже совсем темно, мне трудно читать. Да и желания особого нет, – добавил Карса, усилием воли подавляя внезапную дрожь. – Что нам эти надписи, покрытые пылью времен? Бредовые измышления некоего безумца – и только.

– Но ведь фалиды и ланиды...

– Довольно! – оборвал его Карса и выпрямился. – Между прочим, безумие заразительно, Делюм Торд.

– А этот Икарий, живший...

– Я тебе сказал: довольно! – уже прикрикнул на соратника воитель. – Не к лицу воину забивать себе голову полнейшей бессмыслицей.

– Ладно, Карса Орлонг, тебе виднее.

Из темного угла выбежал Грызло. Судя по всему, в стене была щель, куда он и забрался, повинаясь охотничьему инстинкту.

– Смотри, воитель. Я только сейчас заметил, что камни пирамиды сложены прямо на полу. Наверное, Грызло лазал туда, где лежат останки этого... летописца.

– Мне наплевать, где они лежат, – отмахнулся Карса. – Может, у него хотя бы в последний миг хватило разума заползти в эту щель и не поганыть своими костями пещеру... Пора выбираться отсюда. Лошади заночуют здесь, а мы будем спать снаружи.

Повернувшись, оба воина пошли к выходу. Грызло почему-то задержался. Без отсветов солнца в пещере стало сумрачно. Пес глядел на тени, пока Карса не окликнул его.

Через две ночи пути Карсе и его спутникам открылась первая из сунидских долин. Замысел потянуть за собой ратидов и столкнуть их с сунидами не удался: два последних ратидских селения оказались абсолютно пустыми, покинутыми давным-давно. Тропы на подступах к ним заросли густой травой, а дожди успели вымыть угли из очагов, оставив лишь зияющие ямы с красноватыми краями.

Карса вглядывался в темноту. В сунидской долине тоже не светило ни огонька.

– Похоже, они сбежали, – заключил Байрот.

– Но не от нас, – сказал Делюм. – Не удивлюсь, если и в сунидских селениях мы встретим такое же запустение.

– И куда же они, по-твоему, подались?

Байрот лишь пожал плечами.

– Отсюда к северу тянется дюжина сунидских долин, если не больше, – сказал Карса. – Еще сколько-то уходят на юг. Может, сунидов согнала с мест война. Может, что-то еще. Нам нет до этого дела. Или вам грустно, что у нас не будет сунидских трофеев? Пустяки! Главные трофеи нас ждут на берегу Серебряного озера!

– Но на тамошнее селение мы нападём при свете дня, – с уверенностью произнес Байрот. – Пожалуй, больше не имеет смысла передвигаться по ночам. Сунидские долины, скорее всего, пусты, а здешние тропы нам незнакомы. В темноте придется двигаться медленно, так что мы только время зря потеряем.

– Ты правильно говоришь, Байрот Гилд. Низинников мы атакуем днем. А теперь – айда в долину, и поищем место для привала.

Пока воины спускались вниз и искали подходящее место, звездное колесо успело проделать четверть своего пути. Делюм с помощью собак поймал нескольких горных зайцев. Он принялся свежевать тушки, а Байрот развел огонь.

Карса почистил лошадей, стреножил их и вернулся к костру. Все трое молча ждали, когда изжарится мясо, с наслаждением вдыхая полузабытый аромат. Карса только сейчас почувствовал, насколько утомлен походом. Каждый мускул его тела требовал отдыха. Даже говорить не хотелось.

Наконец зайчатина была готова. Поначалу трапеза проходила в молчании. И вдруг Байрот произнес:

– Делюм рассказал мне о письменах, высеченных на стене пещеры.

Карса наградил Делюма испепеляющим взглядом.

– Ему следовало попридержать язык и не болтать о бредовых измышлениях какого-то безумца.

– Я хорошенько обдумал то, что услышал от Делюма. Похоже, ты ошибаешься, Карса Орлонг: никакой это не бред. Я верю, что в этих письменах скрыта истина.

– Ну и очень глупо с твоей стороны, Байрот Гилд!

– Воитель, не отметаив все с ходу. Подумай сам. Те имена очень напоминают названия теблорских племен. «Урад» слишком похоже на «уридов», чтобы это оказалось случайным совпадением, тем паче что три иных названия сохранились в том же виде. Одно из племен исчезло, но наши предания говорят, что когда-то теблорских племен было больше. Вдобавок там встретились слова, смысл которых ты не сумел разгадать: «громадные селения» и «желтая лодка».

– Не было там такого!

– Делюм сам попытался их прочесть, как умел. Карса Орлонг, человек, высекавший эти письмена, знал больше, чем мы знаем сейчас. Да и язык теблоров был тогда богаче словами.

Карса сердито плюнул в огонь.

– Байрот Гилд, даже если все и так, как вы с Делюмом вбили себе в голову, какая нам от этого польза? Я вас спрашиваю: какая? Что вас ошеломило? То, что теблоры – народ, утративший былое величие? Это и так всем известно. Мы с детства слышали древние сказания о временах, когда теблорские герои исчислялись сотнями. Да, они совершали удивительные деяния, в сравнении с которыми подвиг моего деда – ребячья забава.

– Меня насторожило совсем не это, Карса Орлонг, – задумчиво проговорил Делюм. Несмотря на сытный ужин, лицо воина было на редкость мрачным. – В общем-то, все древние легенды повествуют о временах, мало отличающихся от наших. Ты прав: тогда героев было больше, да и подвиги они совершали более величественные. Но суть в другом: сказания – это еще и свод правил. Это наставления о том, какими надлежит быть теблорам.

– Вот что, Делюм Торд, я не вчера вылез из колыбели, – язвительно бросил ему Карса. – И представь себе, про то, что в сказаниях заключен свод правил, я тоже знаю.

– А письмена на стене объясняют, *почему* у нас такие правила, – не обращая внимания на колкость, невозмутимо произнес Байрот.

– До чего же вы оба меня утомили, – вздохнул Карса.

– Наши далекие предки вели обширные войны и терпели поражение за поражением, – продолжал Делюм, будто и не слыша его замечания. – Наконец их осталась всего горстка. Мы

знаем, скольких наших братьев и сестер родители принесли в жертву Ликам-на-Скале. Эти младенцы родились семипальцами, безглазыми или с какими-то другими уродствами. То же самое происходит среди собак и лошадей. И ты, воитель, не хуже нашего знаешь, что причина в кровосмешении. Мы варимся в собственном соку: все наши дети – потомки близких родственников. Такова тяжкая правда. И тот, кто высекал письма на стене, знал, что угрожает нашему народу. Он стремился постепенно очистить нашу мутную кровь. А теблоры объявили его изменником. Эта пещера хранит свидетельства о древнем преступлении.

– Мы – павший народ, – сказал Байрот и вдруг рассмеялся.

– Что тебя так рассмешило, Байрот Гилд? – встрепнулся Делюм.

– Если я попытаюсь объяснить тебе это, Делюм Торд, все веселье пропадет.

От смеха Байрота по спине Карсы поползли мурашки.

– Вижу, вы оба не поняли настоящий смысл всего этого.

– Не ты ли, Карса Орлонг, недавно называл все это полным бредом? Ну что ж, просвети нас.

– У тех, кто пал, остается в жизни единственный смысл: подняться снова, – сказал Карса. – В давние времена теблоры познали горечь поражения и едва не были уничтожены полностью. Пусть так было когда-то. Нынче народ теблоров многочислен. И мы не ведаем поражений. Кто из низинников отважится вторгнуться в наши пределы? И теперь наступает время вернуть себе древнюю славу. Теблоры должны вновь подняться как единый народ.

– А кто поведет нас? – язвительно спросил Байрот. – Кто объединит племена?

– Умерь пыл! – загремел на него Делюм. Глаза воина сверкали от возбуждения. – В твоих словах, Байрот Гилд, я слышу зависть. Прежде ты никогда так не вел себя. После того, что мы трое успели совершить, после подвигов нашего воителя, неужели ты по-прежнему отважишься утверждать, что герои древности недостижимо высоки? Нет, Байрот! Карса Орлонг теперь стал равным тем героям. Да и мы с тобой тоже.

Байрот лениво привалился спиной к дереву, вытянув ноги поближе к огню.

– Как скажешь, Делюм Торд.

В свете костра было видно, что Байрот продолжает улыбаться.

– Карса Орлонг, ты спросил: «Кто из низинников отважится вторгнуться в наши пределы?» Мы оказались в пустой долине. Это теблорские земли, но теблоров здесь нет. Кто же выгнал их из селений? Быть может, народ теблоров вновь познал поражение?

Вопрос этот заставил всех троих надолго умолкнуть. Потом Делюм встал и подкинул в костер дров.

– Может статься, что среди сунидов просто нет героев, – тихо произнес он.

– Конечно, среди сунидов нет героев! – с готовностью подхватил Байрот. – Среди всех теблоров только три героя. Как по-твоему, этого достаточно?

– Три лучше, чем два, – резко ответил ему Карса. – Но, если что, хватит и двух.

– Карса Орлонг, я молю Семерых богов, чтобы твой разум всегда оставался свободным от сомнений.

Воитель вдруг почувствовал, что пальцы его впились в рукоятку меча.

– Я понял твой намек, Байрот. Хочешь сказать, что я унаследовал кое-какие отцовские качества, и прежде всего – слабость Синига? Ты в этом меня упрекаешь?

Байрот посмотрел на него и медленно покачал головой.

– Твой отец не из слабых, Карса Орлонг. Если уж говорить о сомнениях, они касаются Палика и его героического похода к Серебряному озеру.

Карса вскочил на ноги, готовый замахнуться мечом.

Байрот не шевельнулся.

– Ты не видишь того, что вижу я, – негромко произнес он. – В тебе, воитель, скрыты черты характера, присущие моему отцу. Каюсь: я покривил душой, ибо вовсе не хочу, чтобы ты

избавился от сомнений. На самом деле я молюсь, чтобы ты познал сомнения, ибо они закалят тебя мудростью. Герои наших сказаний... они были ужасны. Они были просто чудовищами. И знаешь почему? Потому что не испытывали неуверенности.

– Встань напротив меня, Байрот Гилд. Я не могу убить тебя до тех пор, пока ты безоружен.

– Я не приму вызов, Карса Орлонг. Моя спина изнежена соломенной подстилкой, и вдобавок я не считаю тебя своим врагом.

Делюм потушил костер, засыпав его горстями земли.

– Уже поздно, – сказал он. – Быть может, Байрот прав, и нам только кажется, что мы здесь одни. Осторожность не помешает. Воитель, каждый из нас способен много чего наговорить сгоряча, но это всего лишь слова. Впереди у нас достаточно врагов. И лучше мы прольем их кровь, чем свою собственную.

Карса молча смотрел на Байрота, и взгляд его был полон жгучей ненависти.

– Всего лишь слова? Ты нанес мне оскорбление, Байрот Гилд, и должен извиниться... пока не поздно.

– Хорошо. Я, Байрот Гилд, прошу прощения за то, что сказал... Может, теперь ты опустишь меч, Карса Орлонг?

– Ты получил предупреждение, – угрюмо ответил ему Карса. – В другой раз тебе это так легко не сойдет.

– Да, я предупрежден.

Травы и молодые деревья полностью захватили деревню сунидов, в которой не было ни людей, ни животных. Тропа, проходящая через селение, густо поросла ежевикой. Жители не бежали отсюда, бросив все. Они подверглись нападению и были истреблены. Круглые каменные фундаменты домов хранили копоть давних пожаров.

Делюм спешил и отправился к развалинам. Через несколько шагов ему на глаза попались первые кости.

– Скорее всего, набег, – предположил Байрот. – Напавшие были из числа тех, кто не щадят никого.

Делюм вертел в руках расщепленную стрелу.

– Здесь побывали низинники. Суниды редко держат собак, вот и оказались застигнутыми врасплох.

– Отныне наш поход становится войной, – торжественно объявил Карса. – Мы явимся на берега Серебряного озера не как уриды, а как теблоры. Мы принесем низинникам возмездие.

Он спешил и достал из седельной сумки четыре плотных кожаных мешка, которые предназначались для ног Бурана, дабы конь не поранился, проходя через заросли колючей ежевики. Байрот и Делюм последовали примеру товарища.

– Веди нас, воитель, – сказал Делюм, вновь взобравшись на лошадь.

Карса привязал к холке Бурана трехлапую подругу Грызла, потом забрался сам. После чего вопросительно взглянул на Байрота. Могучий воин отвел глаза, но повторил вслед за Делюмом:

– Веди нас, воитель.

– Поедем без задержек и как можно быстрее, – сказал Карса, устраивая искалеченную собаку у себя на коленях. – Миновав долину, свернем на север, потом на восток. Завтра, ближе к ночи, мы доберемся до перевала Костей. Оттуда начинается спуск прямо к Серебряному озеру.

– А если по пути нам встретятся низинники?

– Тогда, Байрот Гилд, мы начнем добавлять к имеющимся уже трофеям новые. Главное, чтобы никто не ушел живым. Наше нападение должно застать этих детей врасплох, а то они струсят и разбегутся.

Объехав уничтоженное селение, всадники снова выбрались на тропу, которая привела их в лес. Лесной полог был не слишком густым, позволяя лошадям скакать медленным галопом. Вскоре тропа начала подниматься вверх по склону. Уже ближе к вечеру молодые люди достигли вершины. От коней шел пар, они устали, но всадники упорно гнали их дальше.

Они оказались на самом краю нагорья. К северу и востоку тянулись зубчатые пики, которые все еще заливал солнечный свет, мягкий и золотистый. Вершины многих гор покрывал снег. Оттуда белые снежные полосы спускались вниз и пропадали во тьме. А в нескольких сотнях шагов от воинов простиралась поросшая лесом долина.

– Похоже, мы тут одни, – сказал Делюм, медленно обводя ее взглядом.

– Одни или нет – спускаться не будем, – заявил Карса. – Склоны крутые, каменистые, и нет даже намека на тропу.

– Воитель, лошади устали, – осторожно возразил ему Делюм. – И потом, здесь мы очень заметны.

– Хорошо, дальше пойдем пешком, – ответил Карса, спрыгивая на землю.

Трехлапую собаку он тоже снял, поручив ее заботам Грызла. Карса пошел первым, ведя за собой Бурана. Шагов через тридцать звериная тропа опустилась пониже. Скоро стемнеет, и тогда уже никто не увидит их силуэтов.

Звездное колесо успело пройти пятую часть своего пути по небу. Карса решил закончить сегодняшний переход. Невдалеке от тропы воины обнаружили удобное место для стоянки, почти со всех сторон заслоненное каменными стенами. Делюм занялся ужином, а Байрот – лошадьми.

Карса же, взяв с собой Грызла и его увечную подругу, отправился на разведку. Все следы, какие он видел, оставили горные козы и бараны. Дальше тропа выводила на склон и почти терялась среди каменных обломков. Судя по рассказам деда, довольно скоро эта или другая тропа должна вывести их к реке. К тому самому месту, где она ныряет в расщелину, становясь неистовым водопадом.

Думая о предстоящем спуске, Карса не сразу заметил перемену в поведении собак. Они жались к его ногам, как испуганные щенята. Желая успокоить Грызла, юноша погладил пса по спине и вдруг почувствовал, что тот весь дрожит. Воитель выхватил меч и стал принохиваться. Вроде бы ничего подозрительного: ни запахов, ни звуков. Карса знал: можно спрятаться очень искусно, беззвучно замереть на месте. Но невозможно перестать дышать. Если бы в темноте кто-то скрывался, он обязательно услышал бы его дыхание.

Воитель сделал еще несколько шагов. На земле лежала тяжеленная каменная плита. Она была совсем плоской и с трех сторон почти упиралась в окрестные скалы. Над ее поверхностью, лишенной каких-либо узоров и надписей, разливалось слабое сероватое свечение. Карса подошел ближе, потом опустился на корточки рядом с неподвижной рукой, торчащей из-под плиты. Рука была высохшей, жилистой, но не изувеченной. Юношу поразил необычный серовато-голубой цвет кожи. Ногти на всех пальцах были изломаны, а сами пальцы покрывала белая пыль.

Все пространство в пределах досягаемости этой руки было испещрено глубокими пересекающимися бороздами.

«Это какой же силой надо обладать, чтобы пальцами процарапать камень!» – подумал Карса.

Рука была гораздо крупнее, чем у низинников, но меньше, чем у теблоров. Довольно странная, с непривычно длинными пальцами и лишними суставами.

Узник каменной глыбы почуял Карсу. Возможно, услышал его дыхание. Рука вздрогнула и неистово заскребла по камню. Потом она снова замерла: на растопыренных пальцах виднелись следы нападения диких зверей. Наверное, горные волки или медведи. Удивительно, как эти изодранные когтями, изгрызенные клыками пальцы еще не сломались.

Услышав за спиной шаги, Карса поспешно вскочил на ноги. К нему шли Делюм и Байрот, оба с мечами наготове.

– Что привело вас сюда? – изумленно спросил он у соратников.

– Твои собаки вернулись и так скулили, что мы сразу почуяли неладное, – ответил Байрот.

– Кто там, воитель? – шепотом спросил Делюм.

– Демон. Его обрекли на вечное заточение. Но он жив.

– Неужели... форкассал? – все так же тихо, словно боясь повысить голос, предположил Делюм.

– Скорее всего, он и есть. Выходит, наши древние сказания правдивы.

Байрот молча подошел поближе. Как и Карса, он присел на корточки и долго разглядывал торчащую из-под плиты руку, окруженную призрачным сиянием.

– Да, это форкассал, – подтвердил Байрот, вернувшись к товарищам. – Горный демон. Их породу еще называли «миротворцами».

– Форкассалы появились, когда наши боги были совсем молодыми, а духи постоянно воевали между собой, – пояснил Делюм. – Карса Орлонг, припоминаешь сказание о них? Оно совсем короткое. Мальчишкой я докучал старейшинам, спрашивая, есть ли продолжение. Они отвечали, что остальные части давно утрачены, причем случилось это еще до пробуждения Семерых богов.

– Да, мы знаем лишь обрывки, – согласился Карса. – Во время войн духов было два или три нашествия, но они почти не затронули теблоров. Чужие боги и демоны затеяли тогда чудовищные битвы. Горы содрогались от их сражений. А потом остался кто-то один, и...

– Вспомнил! – перебил его Делюм. – Там же упоминается Икарий! Может, т'лан имассы, о которых было написано на стене пещеры, тоже участвовали в тех войнах, одержали победу и навсегда исчезли? Может, как раз войны с духами и ослабили наш народ?

– Мы должны освободить этого демона, – вдруг сказал Байрот, не сводивший глаз с плиты.

Карса и Делюм ошеломленно уставились на соратника.

– Да ты в своем уме?

– Выслушайте меня, – потребовал Байрот. – Сказание повествует, что форкассалы явились положить конец войнам между духами. Об этом говорится в первом отрывке. Во втором и впрямь фигурирует Икарий. Он тоже стремился помирить враждующих, но прибыл слишком поздно. А победители знали, что им не справиться с Икарием, поэтому даже и пытаться не стали. И наконец, сегодня мы столкнулись еще с одним фрагментом: я имею в виду загадочные письмена на стене. Там ведь тоже упоминается имя Икария.

– Похоже, теблоры обязаны ему жизнью, – подхватил Делюм. – Он дал нам законы, без которых мы бы давно исчезли с лица земли.

– Наверное, если бы т'лан имассы смогли, они бы таким же образом пленили и самого Икария, – заключил Байрот и умолк.

Карса вернулся к плите. Он заметил, что серое свечение было неравномерным. Кое-где оно почти сходило на нет. Несомненно, демона держала взаперти не только тяжесть каменной плиты, но и древняя магия. Какой же силы она была, если сохранилась до сих пор? Старейшины теблоров владели чародейством, однако пользовались им редко. С пробуждением Ликовна-Скале колдовство в основном появлялось лишь во сне. Наяву шаманы все реже впадали в магическое беспамятство. Древние сказания повествовали об удивительной силе оружия,

закаленного магическим проклятием. Однако Карса не слишком доверял подобным легендам: чего не выдумаешь, чтобы заинтересовать слушателей.

– Я ничего не понимаю в этой магии, – нахмурившись, признался он соратникам.

Некоторое время все трое молча глядели на диковинную руку.

– Как вы думаете, демон нас слышит? – спросил Делюм.

– Может, и слышит, но вряд ли понимает, – усмехнулся Байрот. – У каждого народа свой язык. Наверное, и у демонов тоже.

– Но ведь он явился мирить враждующих, – упорствовал Делюм.

– Демон нас не слышит, – убежденно сказал Карса. – Самое большее, он ощущает чье-то присутствие.

Байрот опять присел на корточки и осторожно, с опаской опустил ладонь на плиту.

– Камень ни горячий, ни холодный. Его магия на нас не действует.

– Возможно, за века она ослабла, и теперь демона удерживает лишь тяжесть камня, – предположил Делюм.

– Тогда нам вдвоем под силу поднять эту плиту.

– Скажи, Байрот Гилд, с какой стати нам освобождать демона? – спросил Карса. – Почему мы вообще должны это делать?

Могучий воин наморщил лоб, силясь отыскать ответ.

– Наверное, потому, что он был миротворцем, – неуверенно произнес он.

– И что? – удивился Карса. – Уж мы-то в мире точно не нуждаемся.

– Неправда: нам нужно, чтобы между теблорскими кланами воцарился мир, иначе объединить их будет невозможно.

Карса запрокинул голову, как будто спрашивая совета у звезд.

– Этот демон вполне мог и обезуметь, – пробормотал Делюм. – Кто знает, сколько веков он провел в своей тюрьме.

– Нас здесь трое, – напомнил ему Байрот.

– Но захватили его в те времена, когда мы были разбиты врагами. Возможно, демона пленили т'лан имассы, поскольку не могли справиться с ним и убить. А мы ему – что прутики. Зачем понапрасну рисковать?

– По-моему, освободив демона, мы вправе ждать от него благодарности.

– Пойми, Байрот: у безумцев друзей не бывает.

Оба воина взглянули на Карсу, понимая, что последнее слово будет за ним.

– Нам не узнать, что у демона на уме, – сказал Карса. – Но мы собственными глазами видели: пленник до сих пор пытается себя защищать. Всего одной рукой он отбивался от зверей. Значит, не смирился с судьбой и верит в свое освобождение. Воины уважают упорство.

– Он проявил терпение, присущее бессмертным. Я согласен с тобой, Карса Орлонг, – поддержал его Байрот.

– А у тебя, Делюм Торд, все еще остаются сомнения? – спросил Карса.

– Да, воитель, однако я помогу тебе. По глазам вижу: ты уже принял решение. Ну что ж, да будет так!

Уриды молча встали у одного края плиты. Потом опустились на корточки и дружно взялись за кромку.

– На четвертом выдохе поднимаем, – распорядился Карса.

Вместе с каменной плитой в воздух взметнулось плотное облако белой пыли. Опрокинутая плита ударилась о скалу и раскололась.

Демон лежал на боку. По сути, его просто придавили каменной глыбой, лишив малейшей возможности шевелиться. Огромная тяжесть вывихнула ему кости и сплющила мышцы, однако пленение не сломило демона. За тысячи лет он сумел наполовину выкопать яму для своего длинного, узкого тела. Сначала он расширил пространство вокруг другой руки, после чего стал

делать борозды для бедра и плеча. Узник рыл землю не только рукой, но и ступнями босых ног. Тело демона покрывал серый саван пыли и паутины. Когда плиту откинули, изнутри потянуло застоявшимся, затхлым воздухом, словно бы из пещеры, где полно насекомых.

Молодые люди как замороженные смотрели на демона.

Вскоре пыль рассеялась... Необычно длинные руки и ноги, бледная голубоватая кожа. Синевато-черные волосы, похожие на тонкие корни, полностью скрывали лицо пленника. Однако, приглядевшись к изгибам обнаженного тела, воины с удивлением обнаружили, что перед ними... демонесса.

По ее телу пробежала судорога. Байрот подошел поближе.

– Ты свободна, демонесса, – тихо и доброжелательно произнес он. – Мы – теблоры из племени уридов. Если хочешь, мы тебе поможем. Скажи, в чем ты нуждаешься.

Судороги прекратились, сменившись легкой дрожью. Наконец демонесса медленно подняла голову. Рука, которая целую вечность расширяла пространство темницы, провела по волосам. Оттуда посыпалась пыль. Затем рука прошла в противоположном направлении. Воины видели, как демонесса напряглась всем телом и, пошатываясь, с усилием встала на четвереньки. Затем произошло нечто странное: недавняя узница начала избавляться от волос на голове. Она стряхивала их, словно пыль, пока ее голова не стала совсем лысой; теперь череп покрывала гладкая белая кожа.

Байрот хотел было протянуть даме руку и поддержать ее, но Карса остановил его:

– Нет, Байрот Гилд. Неизвестно, как она поведет себя после тысяч лет плена. Возможно, демонесса еще не скоро избавится от ненависти к любым двуногим существам, а то и вовсе сохранит ее навсегда.

– Карса Орлонг, я слышу в твоих словах мудрость. Не думай, будто я говорю это, чтобы посмеяться над тобой. Ты и впрямь удивляешь и восхищаешь меня.

Карса равнодушно пожал плечами. Сейчас его больше занимала демонесса, нежели восхищение Байрота.

– Теперь нам остается только ждать. Мы ведь не знаем, схожи ли потребности демонов с человеческими. Испытывает ли эта демонесса жажду или голод? Ее внутренности давно забыли, для чего они предназначены, а легкие впервые за долгое время снова дышат свободно. Хорошо, что сейчас ночь. Солнечный свет был бы для ее глаз сродни кинжалу.

Карса замолчал, ибо демонесса повернула голову, и воины впервые увидели ее лицо... Ее кожа оказалась безупречно белой и гладкой. Лоб был шире человеческого, а огромные черные глаза взирали на спасителей равнодушно, абсолютно ничего не выражая. Высокие, плоские скулы; большой рот с потрескавшимися губами, словно бы покрытый хрустальной коркой.

– В ее теле совсем не осталось воды, – прошептал Делюм. – Ни капли. Надо напоить бедняжку. – И с этими словами он поспешил в лагерь за водой.

Демонесса с усилием села на корточки, затем попыталась встать.

Даже смотреть на это со стороны было тяжело, но оба воина подавляли в себе всякие попытки помочь демонессе.

Похоже, она наконец-то заметила их присутствие. Верхняя губа ее чуть изогнулась. Одно это слабое движение преобразило лицо демонессы. Карса вдруг почувствовал, что его словно бы ударили молотом в грудь.

«Да она же насмехается над своим собственным жалким видом. Это первое чувство, испытанное ею после освобождения. Демонесса ошеломлена случившимся, но не утратила способности иронизировать. Слушай же меня, Уригал Своенравный! Я заставлю пленивших ее горько пожалеть о содеянном, а если они уже мертвы, то жестоко отомщу их потомкам. Отныне т'лан имассы являются моими врагами. Я, Карса Орлонг, клянусь воевать с ними везде и повсюду».

Вернулся Делюм, неся бурдюк с водой. Увидев, что та, кого они освободили, поднялась на ноги, юноша остановился.

Демонесса была необычайно тощей. Казалось, все тело ее состоит из плоскостей и углов. Груды высокие, широко расставленные и разделенные внушительной костью, выпиравшей посередине. Количеством ребер она явно превосходила теблоров, зато ростом была не выше ребенка.

Увидев бурдюк с водой, демонесса равнодушно скользнула по нему глазами и повернулась к месту своего заточения. Похоже, она забыла о присутствии воинов.

– Ты из племени форкассалов? – решил спросить Байрот.

Демонесса ответила ему слабой улыбкой.

– А мы – теблоры, – продолжал молодой человек.

Улыбка стала чуть шире. Карсе показалось, что на лице демонессы мелькнуло изумление.

– Она тебя понимает, – сказал воитель.

Делюм протянул было демонессе бурдюк. Однако, взглянув на него, она покачала головой, и Делюм послушно остановился.

Карса заметил, как оживились глаза демонессы. Да и губы были уже не такими иссохшими.

– Она постепенно приходит в себя.

– Похоже, ей требовалась только свобода, – промолвил Байрот.

– Демонесса напоминает лишайник, каменеющий на солнце и оживающий в ночной тьме, – продолжал Карса. – Такое ощущение, что она утоляет жажду воздухом.

Демонесса вдруг напряглась всем телом и внимательно посмотрела на Карсу.

– Если мои слова показались тебе оскорбительными... – Он не договорил.

Демонесса подскочила к нему и ударила пять раз подряд. Юноша рухнул на землю. Камни впились ему в спину и обожгли, словно красные муравьи. У него перехватило дыхание, все тело пронзила острая боль. Карса вдруг ощутил полнейшую беспомощность.

Он слышал боевой клич Делюма, который внезапно оборвался, сменившись глухим стуком.

– Остановись, демонесса! – закричал Байрот. – А ну-ка, отпусти его!

Сквозь слезы, застилавшие глаза, Карса увидел лицо склонившейся над ним демонессы. Ее глаза казались двумя темными озерами. Темно-красные, почти лиловые губы прошептали на языке теблоров:

– Ну что, они так и не оставили вас в покое? Когда-то они были моими врагами. Видно, я недостаточно разметала их кости. – Ее глаза стали чуть мягче. – Ваш народ заслуживает большего, – сказала демонесса, медленно отстраняясь от Карсы. – Мне нужно выждать. Подождать и посмотреть, на что ты годеи, прежде чем решить, дарую ли я тебе, воин, свой вечный мир.

– Отпусти его, форкассалская демонесса! – снова крикнул Байрот.

Она с необычайной гибкостью и проворством выпрямилась и обернулась к юноше.

– Как же далеко зашло ваше падение, если вы забыли истинное название моего народа, не говоря уже о своем собственном. Знай, юный воин: я принадлежу к форкрул ассейлам, которых вы по невежеству своему именуете форкассалами. Еще смешнее мне было слышать, как вы посчитали меня демонессой. Какая чушь! Меня зовут Успокоительница. Иногда меня называют Приносящая Мир. Учти: во мне очень сильно желание умиротворить вас всех, поэтому перестань держаться за меч.

– Но мы же освободили тебя! И чем ты отплатила нам за это? Тем, что напала на Карсу и Делюма?

Женщина засмеялась.

– Икарию и проклятым т'лан имассам очень не понравится ваше вмешательство. Правда, у Икария отшибло память, а т'лан имассы нынче далеко. Но больше им меня пленить не

удастся. Однако мне ведомо чувство благодарности, и потому, воин, я кое-что тебе расскажу. Тот, кого ты называешь Карсой, – избранник высших сил. Этого достаточно. Если я произнесу еще хоть несколько слов о главном предназначении его жизни, ты будешь искать случая убить своего товарища. Только учти: тебе это ничего не даст. Высшие силы найдут другого избранника. Поэтому лучше внимательно наблюдай за Карсой и защищай его. Настанет время, когда он вознамерится изменить все вокруг. И вот тогда-то я появлюсь снова и принесу мир. После этого Карса уже не будет нуждаться в твоей защите, и ты отойдешь в сторону, как сейчас.

Карса втянул в себя воздух, удивившись тому, каким странным всхлипывающим звуком это сопровождалось. И тут же к горлу его подступила тошнота. Юноша едва успел повернуть голову. Его вырвало. Исторгая из себя комья слизи, Карса слышал удаляющиеся шаги Успокоительницы.

– Воитель, Делюм серьезно ранен, – раздался над ним встревоженный голос Байрота. – Из трещины в его голове истекает желтоватая жидкость. Ох, Карса Орлонг, напрасно мы... ее освободили. Не зря, выходит, Делюм сомневался. А теперь... – Байрот не договорил, но было ясно, что он во всем винит себя.

Карса приподнялся и сразу закашлялся. По телу побежали обжигающие волны боли. Потом он с трудом встал.

– Ты не мог знать наперед, что случится, Байрот Гилд, – произнес Карса, вытирая слезящиеся глаза.

– Воитель, Делюм проявил мужество. Он бросился на твою защиту, а я... я даже не поднял меча.

– Это и спасло нас обоих, – сердито бросил ему Карса.

Покачиваясь, он подошел к распростершемуся на траве Делюму. Удар Успокоительницы отшвырнул его на несколько шагов назад. Лоб Делюма перечеркивали четыре глубокие борозды. Вначале Карса решил, что их товарищ ударился о камень. Однако трещины в голове были... процарапаны. Ну да, процарапаны *ее* ногтями. Желтоватая жидкость продолжала вытекать наружу. Глаза Делюма оставались широко раскрытыми, но взгляд был абсолютно пустым, не отражающим ни единой мысли.

– Взгляни на эту жидкость, что сочится из его ран, воитель, – сказал подошедший к ним Байрот. – Она совсем чистая. Это особая жидкость, ее называют *мыслекровью*. Делюм вряд ли полностью оправится.

– Знаю, – прошептал Карса. – Потерявший мыслекровь уже никогда не будет прежним.

– Это я виноват.

– Нет. Делюм допустил ошибку. Мы же с тобой остались живы. Демонесса пощадила меня. Делюм должен был бы последовать твоему примеру и не хвататься за меч.

– Карса Орлонг, она что-то шептала, склонившись над тобой. Что она тебе сказала?

– Я почти ничего не понял. Похоже, мир, который она несет, – это смерть.

– В наших сказаниях говорилось совсем иное. Наверное, со временем сказители извратили истинный смысл.

– В легендах подобное случается сплошь и рядом, Байрот Гилд... Нужно поскорее перевязать голову Делюма. Мыслекровь начнет скапливаться на повязке, и раны затянутся. Будем надеяться, что он потерял ее не слишком много и еще сумеет выкарабкаться.

В лагере воины нашли дрожащих, сбившихся в кучу собак. На каменистой земле виднелись следы босых ног Успокоительницы. Она отправилась на юг.

Над горным хребтом дул пронизывающий ветер. Карса Орлонг сидел, привалившись спиной к скале. Он глядел на Делюма Торда. Раненый воин стоял на четвереньках, окруженный собаками. Делюм гладил морды псов, чесал их за ушами и издавал какие-то нечленораздель-

ные воркующие звуки. Половина его лица превратилась в застывшую маску, тогда как с другой половины не сходила довольная улыбка.

Суровые псы-охотники не привыкли к подобным нежностям. Они с трудом выдерживали эти поглаживания, глухо рычали и предостерегающе шелкали зубами. Но Делюм как будто не замечал их недовольства. Грызло, лежащий у ног Карсы, лениво наблюдал за происходящим и не вмешивался.

Шли уже вторые сутки с того момента, когда Утешительница нанесла Делюму роковой удар. К концу первого дня Карса и Байрот поняли, что прежним их товарищу уже не бывать. Оба ждали, что будет дальше, скрывая свое отчаяние. Сегодня утром в глазах раненого появилось осмысленное выражение. Однако своих соратников Делюм как будто не замечал. Он видел только собак.

Байрот Гилд отправился на охоту. Карса догадывался, что была и другая причина, заставлявшая его искать уединения. Терзающее чувство вины. Это ведь именно Байрот настаивал на освобождении демонессы. Не поддайся Карса с Делюмом на его уговоры, сейчас все трое спустились бы по перевалу Костей. Но, как говорится, сделанного не воротишь. Так какой смысл терзать себя понапрасну? К тому же Делюм и сам был виноват. Мог бы сообразить, с кем решил сражаться: ясно ведь, что перед ним не суниды или низинники. Ноющие ребра убедительно доказывали Карсе, сколь искусна в воинском ремесле эта демонесса (несмотря на объяснения женщины, он предпочитал мысленно по-прежнему называть ее именно так). Только мудрость Уригала остановила его самого, не позволив выхватить меч. Да демонесса запросто расправилась бы со всеми троими, как с малыми детьми. Вот и еще один горький плод затянувшегося благодушия уридов. Они потеряли умение мгновенно оценивать противника.

«Делюм Торд проявил глупость и теперь расплачивается за свою ошибку». Мысль эта понравилась Карсе, и он повторил ее несколько раз. Лики-на-Скале не питали жалости к глупым воинам, так почему он, Карса Орлонг, должен сочувствовать Делюму? Байрот Гилд потакает собственной слабости, жалея себя и одновременно предаваясь самобичеванию, превращая смесь этих чувств в сладкое вино. Только рано или поздно он все равно будет вынужден протрезветь.

Карса начинал терять терпение. Что бы ни случилось, поход должен продолжаться. От деда он слышал: иногда воинов, оказавшихся в положении Карсы, исцеляла битва. Ярость сражения пробуждала душу, и человек оживал.

Невдалеке слышались шаги. Грызло приподнял голову и тут же вновь опустил ее на лапы.

Байрот нес на себе тушу горной козы. Он ненадолго задержался возле Делюма, затем шумно сбросил добычу, достал мясницкий нож и взялся за разделку.

– Мы опять потеряли целый день, – сказал Карса.

– В здешних местах мало дичи, – отозвался Байрот, вспарывая брюхо козы.

Собаки уселись полукругом и выжидающе замерли. Делюм тоже сел среди них. Байрот извлек окровавленные внутренности и бросил их животным. Никто не шевельнулся.

Карса подтолкнул Грызло. Пес встал и лениво двинулся к подношениям Байрота. Трехлапая сука хромала следом. Грызло обнюхал все потроха, выбрав себе козью печень. Его подруга позарилась на сердце. Взяв угощение, оба разошлись в разные концы поляны. Только тогда остальные собаки с рычанием и урчанием кинулись к потрохам. У одной из них Делюм вырвал из пасти легкое, угрожающе оскалив зубы. Как ни странно, собака не делала попыток отбить добычу.

Вдруг Грызло, прервав пир, подбежал к Делюму. Тот совсем по-щенячьи заскулил и выпустил изо рта окровавленный кусок мяса. Наклонив голову, Делюм замер, а Грызло слизал с легкого всю кровь, после чего вернулся туда, где оставил недоеденную печень.

– В стае Грызло – прибавление, – усмехнулся Карса.

Ответа не последовало. Повернувшись к товарищу, Карса увидел, что тот с ужасом смотрит на Делюма.

– Ты напрасно переживаешь, Байрот Гилд. Видишь его улыбку? Делюм Торд обрел счастье. Он уже не вернется в прежнее состояние. Да и зачем? Ему и так хорошо.

Байрот уткнулся глазами в свои пальцы, перепачканные козьей кровью. Мясницкий нож блестел в лучах заходящего солнца.

– Разве ты не испытываешь горя, воитель? – спросил Байрот.

– Нет. Делюм жив.

– Лучше бы он был мертв.

– Так убей его.

Взгляд Байрота был исполнен нескрываемой ненависти.

– Карса Орлонг, что она все-таки тебе сказала?

Вопрос застиг Карсу врасплох, но он быстро совладал с собой.

– Обвинила в невежестве. Но ее слова не задели меня, поскольку мне глубоко безразлично все, о чем она говорила.

– Хочешь обратить все случившееся в шутку? Вот что, воитель: отныне ты больше не ведешь меня, а я не следую за тобой. Я не стану тебя защищать в этой проклятой войне. Еще не начав ее, мы уже слишком многое потеряли.

– В тебе говорит слабость, Байрот Гилд. Я давно это знаю, не один год. Ты чем-то похож на нынешнего Делюма, и эта правда не дает тебе покоя. Неужели ты и впрямь думал, что мы вернемся из похода без единого шрама? Или ты считал нас невосприимчивыми к вражеским ударам?

– Я?! Да это ты так считал.

– Какой же ты глупец, Байрот Гилд! – громко захохотал Карса. – Победа – не милость Семерых богов. Ее надо завоевать силой меча и под моим предводительством. Но ты видел в моих решениях лишь показную смелость. Ты рассуждал, как мальчишка, не побывавший ни в одном настоящем сражении. Ты разочаровался во мне и сейчас питаешься падалью разочарования. Смотри не отравись. Нет, Байрот Гилд, ты не превосходишь меня ни в чем.

У Байрота тряслись руки.

– И запомни, – продолжал хлестать его словами Карса. – Если хочешь уцелеть... и в этом походе, и вообще... тебе придется заново усвоить, что такое быть ведомым и уметь подчиняться. Твоя жизнь – в моих руках. Либо ты, Байрот Гилд, следуешь за мной к победе, либо твой труп останется валяться на обочине. В любом случае я расскажу о тебе всю правду. Так что ты выберешь?

Карса видел, как побледнело лицо его спутника. Он догадывался, что сейчас творится в душе у Байрота. Но соратник, открыто заявляющий о своем неподчинении, хуже врага.

– В этой стае вожак я, и больше никто, – глядя Байроту в глаза, объявил Карса. – Хочешь оспорить мое право?

Не выпуская из рук мясницкого ножа, Байрот опустил на корточки. Теперь его глаза были вровень с глазами сидящего Карсы.

– И все-таки, воитель, в одном я тебя превосхожу. Знай: мы с Далиссой давно любим друг друга и давно близки. Ты даже не подозревал об этом, а мы от души смеялись над твоими неуклюжими ухаживаниями. Днем ты выпячивал грудь, всячески красовался перед Далиссой и, как мог, пытался принизить меня в ее глазах. Но мы только молча потешались, слушая твои хвастливые речи, поскольку знали, что грядущую ночь проведем в объятиях друг друга. Я не удивлюсь, если назад вернешься лишь ты один. Я даже уверен: ты постарайся, чтобы именно так и случилось. Возможно, мне недолго осталось ходить по земле, но меня это не пугает. Когда ты вернешься в наше селение, воитель, ты женишься на Далиссе. Однако до конца своих дней

будешь помнить, что ты – не первый. Первым был я, а ты лишь идешь по моим следам. И здесь ты бессилен что-либо изменить.

– Думаешь, я мечтаю жениться на Далиссе? – оскалил зубы Карса. – Ошибаешься, Байрот Гилд. Когда я вернусь, то выставлю Далиссу перед всем селением и объявлю, что она посмела возлечь с тем, кто не являлся ее законным мужем. А потом... потом я сделаю ее своей рабыней.

Услышав это, Байрот бросился на обидчика. В сумерках блеснул нож. Карса понял, что до меча ему не дотянуться. Скала за спиной не позволяла перекувырнуться и вскочить на ноги. Он успел лишь слегка отпрянуть в сторону. Байрот навалился на него, придавил к скале и занес нож, метя в горло.

Подбежавшие собаки вцепились в Байрота со всех сторон. Карса не видел ничего, кроме ощерившегося, рычащего клубка. Взревевший от боли Байрот отпрянул, выпустил Карсу, и тот повалился на спину.

На каждой руке Байрота повисло по собаке. Прокусив одежду, Грызло впился ему в бок. Остальные псы с рычанием крутились возле ног юноши, норовя тяпнуть его за икры. Пытаясь стряхнуть с себя обезумевших животных, Байрот рухнул на землю.

– Прочь! – заорал собакам Карса.

Они дернулись и с рычанием отошли в сторону. Поднявшись на ноги, Карса увидел среди псов также и Делюма. Половина его лица превратилась в дикую гримасу, глаза бешено сверкали, а руки беспрестанно царапали воздух. Потом взгляд Карсы скользнул дальше, и... воитель остолбенел. Он шикнул на собак, и те послушно замолчали.

Байрот медленно поднимался. Карса махнул ему рукой, а затем указал туда, куда смотрел сам.

К ним, освещая себе путь факелами, шли какие-то люди. Карса прикинул расстояние: неизвестные были шагах в ста от них и двигались неторопливо. Учитывая, что стычка происходила в каменном мешке, вряд ли незнакомцы слышали шум и рычание собак.

Не обращая более внимания на Байрота, Карса схватил меч и двинулся к тропе. Если это суниды, то вскоре они дорого заплатят за собственную беспечность. Хотя сунидам, пожалуй, не пришлось бы в голову освещать дорогу факелами. У теблоров даже дети знают, что свет делает темноту еще темнее. Похоже, это низинники.

Незнакомцы приближались. Карса, ныряя из тени в тень, тоже двигался им навстречу. Он насчитал с полдюжины факелов. Так и есть, низинники. Теперь юноша отчетливо слышал, как они переговариваются на своем грубом языке.

Байрот присоединился к воителю. Укусы на руках и боку всю кровоточили, но могучий воин не обращал внимания на капавшую кровь. Карса нахмурился и кивком головы велел ему отойти назад. Байрот поморщился, однако подчинился.

Низинники достигли бывшего места пленения демонессы. Свет факелов плясал на каменных стенах. Голоса зазвучали громче. Слов Карса не понимал, но ощутил, что эти люди встревожены.

Юноша неслышно скользнул вперед, остановившись на самой границе светового пятна. Он насчитал девятих низинников. Двое из них были в странных металлических одеждах, с металлическими шлемами на головах. В руках они держали диковинного вида луки (из рассказов деда Карса помнил, что это оружие называется арбалетами). На поясе у них висели тяжелые мечи. Воины наблюдали за тропой. По другую сторону ямы стояло четверо мужчин в длинных коричневых одеяниях. Волосы каждого из них были заплетены в косу, закрепленную на груди. Все четверо были безоружными.

Трое оставшихся, по-видимому, являлись разведчиками. Они не носили железных одежд, а их вооружение состояло из коротких луков и охотничьих ножей. Лбы разведчиков покрывала татуировка их кланов. Один из троих явно был главным. Он говорил резко, отры-

висто: наверное, что-то приказывал своим воинам. Они сидели перед ямой на корточках и внимательно разглядывали щель, в которой демонесса провела тысячи лет.

Будь низинники поумнее, они бы ограничились одним факелом. Слишком большое количество света делало их совершенно невосприимчивыми к окружающей тьме. Хотя вряд ли они ждали нападения извне, а беспокоились из-за того, что яма опустела.

Карса поудобнее взялся за рукоятку меча и уже в следующее мгновение атаковал ближайшего к нему воина.

Голова низинника со звоном упала на землю. Обезглавленное тело исторгло струю крови. Карса, не останавливаясь, бросился ко второму воину, однако тот успел юркнуть в сторону. Бормоча теблорские проклятия, Карса метнулся к разведчикам. Они кинулись в дальний конец каменного мешка, даже не попытавшись ему противостоять.

Юноша засмеялся: единственный выход из каменной ловушки все равно пролегал мимо него.

Что-то крикнув, один из разведчиков бросился вперед... прямо на меч Карсы. Хрустнули кости. Низинник захрипел и согнулся пополам, пытаясь вырвать меч из груди. Когда воитель помог ему, вытащив свое оружие, разведчик был уже мертв.

Отчаяние придало храбрости двум его оставшимся товарищам. Они кинулись на Карсу с обеих сторон. Широкое лезвие охотничьего ножа пропороло одежду теблора сбоку и полоснуло его по ребрам. Продолжая смеяться, он без труда справился с одним разведчиком, отразив его удар и стукнув неприятеля рукояткой меча по голове. Теперь настал черед второго. Косой удар снизу поднял его в воздух, размазав о скалу.

Низинники в коричневых одеждах, похоже, совсем не боялись Карсу. Негромкими головами они затянули какую-то монотонную песню, от звуков которой воздух заискрился и поплыл в сторону теблорского воина, норовя окутать его с головой.

Их были тысячи – маленьких, необычайно острых коготков, вонзившихся ему во все тело. Они царапали лицо Карсы, кололи ему глаза.

Пригнувшись, юноша двинулся к низинникам. Завеса искрящегося воздуха внезапно разорвалась, и теперь ее клочья, будто щупальца, исчезали в темноте.

Куда только подевалось спокойствие этой самоуверенной четверки? Их лица перекосил ужас. Низинники отказывались верить своим глазам. Меч Карсы продемонстрировал, что их поганая магия не всесильна. Всем четверым.

Казалось, лезвие его меча насквозь пропиталось кровью низинников. Упавшие факелы отчаянно чадили. Увидев тень, Карса обернулся.

– Воитель, одному из низинников удалось сбежать, – сказал Байрот. – Но за ним погнались наши собаки.

Карса равнодушно взглянул на соратника.

– Карса Орлонг, – произнес тот. – Ты уже начал убивать врагов. Все трофеи твои.

Не отвечая ему, Карса нагнулся и поднял труп низинника в странной коричневой одежде. Держа мертвеца перед собой, воитель разглядывал его, точно куклу. Хлипкие ручки и ножки, маленькая голова с дурацкой косой. У теблоров такие морщины на лице появлялись после многих прожитых столетий. В сравнении с ними низинник был новорожденным младенцем.

– Они и верещат, как младенцы, – заметил Байрот, угадав его мысли. – Здесь наши сказания говорят правду. Не зря теблоры зовут низинников детьми.

– Дети бывают разные, – возразил Карса, разглядывая морщинистое лицо, тронутое первыми признаками смерти.

– Ты же сам видел, с какой легкостью они гибли.

– Да. – Карса отшвырнул труп низинника. – Однако не забывай, Байрот Гилд: они – наши враги... Так ты будешь следовать за своим воителем?

– До тех пор, пока длится эта война, – ответил Байрот. – Послушай, Карса Орлонг, давай мы пока больше не будем вспоминать о... нашей деревне. Забудем то, что сегодня произошло между нами. Вот вернемся домой, тогда и поговорим.

– Хорошо, я согласен.

Когда на рассвете стая вернулась в лагерь, воины недосчитались двух псов. Да к тому же собаки не вбежали, а почти вползли на стоянку. Грызло старался не смотреть Карсе в глаза. Воитель понял: низинника они упустили. Делюм Торд, который всю ночь провел в обнимку с трехлапой подругой вожака, почему-то жалобно заскулил.

Байрот перегрузил всю поклажу на лошадь Делюма. В числе навыков, утраченных их соратником, было и умение ездить верхом. Как ни печально, но последний и самый важный отрезок пути Делюму придется бежать вместе с собаками.

– А ведь вполне может статься, что уцелевший низинник был из селения на берегу Серебряного озера, – сказал Байрот. – Если так, он успеет предупредить сородичей о нашем появлении.

– Мы его обязательно найдем, – угрюмо отозвался Карса, стягивая ремнем последние трофеи. – Оторваться от собак он мог лишь одним-единственным способом – забравшись в горы. А пешком по горам много не пройдешь. Мы непременно увидим его следы. Коли беглец двигался всю ночь, то наверняка утомился. Если же низинник решил переждать темноту, тогда он где-то недалеко.

Карса повертел на пальце ожерелье из отрезанных языков и ушей, удовлетворенно разглядывая новые трофеи, после чего украсил им свою шею. Поредевшую стаю он решил пустить впереди. Вместе с псами двинулся и Делюм. Он нес на руках трехлапую суку, нежно баюкая ее.

Ближе к полудню они наткнулись на трупы двух собак, которых низинник застрелил из арбалета. Он даже не потрудился вытащить и спрятать стрелы. Более того, рядом валялись части его железного одеяния: беглец явно избавлялся от лишней тяжести.

– А этот малыш умен, – заметил Байрот Гилд. – Он услышит нас раньше, чем мы его увидим, и приготовит нам засаду. – Мрачный взгляд воина уперся в Делюма. – Так мы всех собак потеряем, – добавил он.

Карса покачал головой.

– Ты же сам назвал его умным. Низинник понимает: засада его погубит. Почувяв нас, он наверняка спрячется. Здесь, среди гор, это его единственный шанс спастись. Шкуру свою он убережет, но мы опередим его. Наше появление на берегу Серебряного озера будет внезапным.

– Значит, мы не станем давить эту вошь?

– Нет. Наша ближайшая цель – перевал Костей.

– Воитель, но тогда этот низинник будет следить за нами. Возможно, даже попытается убить.

– Лишить нас жизни? Этот ребенок? Такими стрелами еще можно убить собаку, но для теблоров они – что прутики. Да они застрянут в нашей одежде, как колючки.

– И все же, Карса Орлонг, у этого низинника зоркие глаза. Он в темноте сумел выследить собак. Наверняка он знает, что и у теблоров тоже есть уязвимые места, и будет целиться именно туда.

Карса равнодушно пожал плечами:

– Нам нужно обогнать его, только и всего.

Чем выше они забирались, тем шире становилась тропа. Кони двигались быстрым шагом. Ни Карса, ни Байрот не считали, сколько лиг осталось позади. На исходе дня воины услышали отдаленный гул водопада, над которым висела пелена тумана.

Водопад оказался ближе, чем они думали. В какое-то мгновение тропа просто обрывалась вниз. Карса резко осадил Бурана. Склон был почти отвесным. Воитель вспомнил рассказы

деда. По словам Палика, глубина расщелины составляла никак не меньше тысячи шагов. Вторую тысячу река текла по узкому каменному руслу. Глядя на водопад, Карса усомнился в словах деда. Ему вдруг подумалось, что река какая-то странная – она словно бы... не отсюда, не из этих мест. Многочисленные струи водопадов не были частью реки. Они били прямо из скал, будто те таили в себе огромные запасы воды и торопились избавиться от них.

– Карса Орлонг, уж не древний ли бог так расколол гору? – спросил Байрот, перекрикивая шум потока. – Я не верю, что река сама пробила себе путь. Гору словно бы рассекли огромным топором, и ее рана... кровоточит.

Не ответив ему, Карса повернул голову в другую сторону. Его сейчас больше заботил спуск. Вернее, отсутствие хоть малейшего намека на таковой. Повсюду только скользкие камни и завеса тумана.

Байрот угадал его мысли.

– Воитель, как мы будем спускаться вниз? – не без тревоги в голосе осведомился он. – Какой же это перевал Костей? Где они, кости? Тут сплошной мокрый гравий. Едва наши кони ступят на него – и мы кувыркком понесемся вниз.

Все так же молча Карса прошел к кромке обрыва. Присев на корточки, он бросил вниз камешек, который всколыхнул завесу тумана. Карса внимательно прислушался. Его посланец не сгинул в неизвестности. Долетавшие до ушей звуки говорили, что камешек... перепрыгивает со ступеньки на ступеньку.

Лестница! Там была лестница с широкими ступенями, сложенными... из костей.

– Все, как мне и говорил Палик, – негромко произнес Карса. – Идем, пора спускаться, – уже громче сказал он, поворачиваясь к Байроту.

Тот слегка прикрыл глаза.

– Да, так оно и есть, – будто в забыты, промолвил могучий воин. – Истина – она окажется у нас под ногами.

Карса нахмурился.

– Пока что у нас под ногами окажется лестница с костяными ступенями. Только это, Байрот Гилд, и более ничего.

– Тебе виднее, воитель, – пожал плечами Байрот.

И они начали спуск.

Кости были некрупными, похожими на кости низинников, только потолще и потяжелее. Время превратило их в камень. Взгляд Карсы то и дело наткался на рога и бивни животных. С ними соседствовали костяные шлемы, искусно вырезанные из звериных черепов. Похоже, в этих местах полегла целая армия, иначе откуда бы взялось столько костей на постройку лестницы? Мокрые от тумана и брызг водопада ступени между тем оказались вполне прочными и надежными. Строители мудро сделали их с небольшим внутренним наклоном, что уменьшало риск поскользнуться и упасть. Если бы не опасливый шаг лошадей, Карса и Байрот двигались бы куда быстрее.

Похоже, вызванный Карсой обвал расчистил путь до самого уступа, откуда река обрушивалась в долину внизу и брала дополнительный разбег, чтобы устремиться к Серебряному озеру. Слева – ревущая стихия водопада, справа – отвесная скала, усеянная острыми каменными зубьями. И узкий ступенчатый коридор длиной в тысячу шагов.

Долина, куда спустились теблорские воины, была немногим шире. Из-за тумана здесь царил сумрак. Путники до сих пор продолжали ступать по костям. Более того, Карсе показалось, что кости уходят на дно реки. Грозная соседка немного отодвинулась, однако нрава своего не смягчила.

Коням требовался отдых. Байрот повел их к реке, чтобы напоить. Делом, весь мокрый и дрожащий, свернулся клубком рядом с собаками. Карса только сейчас заметил слабый при-

зрачный свет, исходящий от костей. «Дыхание» костей было на удивление холодным. Ледяным и мертвым, как весь этот блеклый мир. Даже рокот воды казался каким-то безжизненным.

Вернулся Байрот.

– Воитель, я никак не возьму в толк: кому понадобилось мостить речное дно костями? На другой стороне тоже есть небольшая полоса берега. Так она целиком заполнена костями. Они образуют стену ростом почти с меня. Десятки... нет, сотни тысяч убитых, и мы даже не знаем, кто они.

– Байрот Гилд, не будем понапрасну забивать себе головы вопросами. Здесь мы все равно не найдем ответов. Лошади отдохнули. Надо двигаться дальше. Слышишь стук камней сверху? Либо их задел спускающийся низинник, либо это оползень. Похоже, тут это частое явление. Я видел следы прежнего оползня. Скорее всего, убитым мною низинникам пришлось расчищать заваленные ступени.

Байрот повернул встревоженное лицо к лестнице, откуда с глухим стуком катились камешки. Их становилось все больше.

Воины подвели лошадей к краю долины. Здесь спуск был еще круче. Животные тревожно косились на ступени, уходившие в сумрак и неизвестность.

– Карса Орлонг, вторая лестница опаснее первой. Там мы окажемся еще более уязвимыми.

– Тебя это не должно удивлять, Байрот Гилд. Почти на всем пути сюда мы были уязвимы. Ну и что с того? Главное, мы обогнали низинника. А камни – это всего лишь оползень, который вряд ли достигнет второй лестницы.

Сказав это, Карса осторожно дернул за вожжу, подзадоривая Бурана, который нерешительно топтался на кромке.

Преодолев несколько десятков ступеней, Карса и Байрот слышали далекий гул, доносившийся сверху. То не был звук падающей воды. Потом вниз полетели камни, но уже с другого места. Они сыпались впереди. Следом на воинов обрушился мутный дождь.

Спуск продолжался, пока усталость не сковала им ноги. Вокруг как будто бы стало светлее. Впрочем, вряд ли: скорее уж, это их глаза привыкли к сумраку. Трудно сказать, светило ли сейчас солнце или звездное колесо катилось по небу. Единственными мерилками времени здесь были голод и усталость. Карса запретил себе думать о привале, пока они не закончат спуск. Чтобы отвлечься, он начал было считать ступени, но потом бросил это занятие: от их мелькания и так рябило в глазах. Похоже, эта лестница была вдвое, если не втрое длиннее прежней. А река неумоимо продолжала свой стремительный бег, и туман все так же заслонял от глаз небеса и долину, ведущую к Серебряному озеру. Видимое пространство сузилось до нескольких ближайших ступеней и темной громады каменной стены.

Лестница оборвалась как-то внезапно. Поначалу Карса решил, что они попали на очередной уступ. Костей видно не было: то ли совсем исчезли, то ли спрятались под влажной глинистой почвой и зеленой травой. На земле кое-где белели проплешины мха с застрявшими в нем ветками. Все остальное скрывал туман.

Лошади мотали головами и шумно фыркали. Собаки и Делюм превратились в жалкие мокрые комки. Пошатываясь от усталости, Байрот подошел к Карсе.

– Воитель, неужели мы закончили спуск? Или я теряю рассудок?

Карса и сам чувствовал себя не лучше: от напряжения у него дрожали ноги и тряслись руки.

– К счастью, Байрот Гилд, рассудок остается при тебе. Поздравляю: мы спустились, благополучно миновав перевал Костей.

– Так-то оно так, – сказал Байрот, закашлявшись от холодного тумана, – но вскоре нам придется еще раз пройти по каменным ступеням. И подъем может оказаться несравненно труднее спуска.

– Я тоже думал об этом, Байрот Гилд, – кивнул Карса. – Палик мог ошибаться. Наверняка есть и другие перевалы. Они просто должны тут быть, иначе как бы низинники проникали в земли уридов? На обратном пути мы двинемся в западном направлении и обязательно найдем эти скрытые перевалы.

– Воитель, неужто ты намерен весь обратный путь ехать через земли низинников? Карса Орлонг, нас всего двое! Набег на прибрежное селение – это одно, но воевать вдвоем против целого племени... сущее безумие! А вдруг за нами погонятся, станут нас выслеживать. Так нельзя, воитель!

– Погонятся? Да. Будут преследовать? Конечно! – расхохотался Карса. – Ну и что тут нового? А пока, Байрот Гилд, нам нужно уйти подальше от реки и найти сухое место... Похоже, в той стороне есть деревья. Видишь их верхушки? Разведем костер и вспомним, что значит тепло и сытость.

Они двинулись прочь от реки. Пологий склон неторопливо вел их к деревьям. Камней становилось все меньше. Ноги утопали во мху, шуршали по лишайникам, между которыми темнели пятна рыхлой, почти черной земли. Теблорских воинов встречал лес, полный старых, широкоствольных секвой и кедров. Над головой синели островки неба, и оттуда пробивались солнечные лучи. С каждым шагом туман редел, пока не стал почти прозрачным. Зимние бури повалили несколько дряхлых деревьев, и теперь их стволы гнили на влажной земле. Пройдя еще полсотни шагов, молодые люди очутились на залитой солнцем полянке, которую перегородивал недавно рухнувший кедр. В золотистом воздухе весело плясали бабочки. Черви-сверлильщики с мягким шуршанием вгрызались в чешуйчатую кору. Падая, кедр вырвал большой кусок дерна, обнажив красноватый камень, который был сухим и теплым от солнца.

Карса принялся развязывать мешки с припасами. Байрот обламывал кедровые ветви, готовясь разжечь костер. Делюм растянулся на мшистом пятачке и заснул, согреваемый солнечными лучами. Карса хотел было стянуть с него мокрую, заскорузлую одежду, но потом лишь вздохнул и продолжил возиться с мешками. Собаки окружили Делюма и тоже улеглись спать.

Вскоре на камне весело пылал костер. Карса и Байрот голышом сидели рядом, постепенно изгоняя холод из своих тел. Одежду они развесили на корнях поваленного кедра, поближе к огню.

– Палик рассказывал мне, что в конце долины река становится шире, – промолвил Карса. – Дальше начинаются низинная пойма и устье. Мы находимся на южном берегу. Возле самого устья тянется каменная гряда, не слишком высокая, но загораживающая обзор. А за этой грядой, на юго-западе, стоит селение низинников. Мы уже почти добрались, Байрот Гилд. Байрот расправил плечи.

– Воитель, ты говорил, что мы нападём на детей при свете дня. За время нашего похода я успел возненавидеть тьму. А сумрак перевала Костей едва не разорвал мне сердце.

– Да, Байрот Гилд, мы нападём при свете солнца, – ответил Карса.

Последние слова соратника он оставил без ответа, и вовсе не потому, что посчитал их проявлением трусости. Признание Байрота задело что-то и в нем самом, вызвав внутреннюю дрожь и странный кислый привкус во рту.

– Утро – лучшее время для нападения, – продолжал Карса. – Дети будут работать на полях и не успеют добежать до своих домов. Зато они успеют испытать ужас и отчаяние, когда увидят нас.

– Твои слова, воитель, радуют мне душу.

Лес, в который вступили теблорские воины, тянулся во все стороны, почти целиком занимая собой пространство долины. И нигде – ни единого срубленного дерева, не говоря уже о полянах с торчащими пнями. Поначалу Карсу это удивило: неужели низинники столь немощны, что им не по силам валить кедры и секвойи? Потом юноша догадался, в чем тут дело.

Как он мог забыть? Ведь до берегов Серебряного озера еще несколько дней пути! Помнится, Палик рассказывал о своем странствии через этот лес и говорил, что на дичь там рассчитывать не приходится. Так оно и оказалось.

Троп здесь не было вообще. Карса и Байрот ехали между деревьев, загораживавших солнце. Казалось, сумрак будет преследовать их до самого озера. Припасы быстро таяли. Кони тощали на глазах, вынужденные щипать мох и горькие стебли дикого плюща. Собаки кормились древесной гнилью, ягодами и жуками.

На четвертый день пути долина начала сужаться, вынуждая воинов приблизиться к реке. Путешествие через лес хотя и было утомительным, однако позволило им замести следы и избежать ненужных столкновений на тропе, что тянулась по речному берегу. Теперь уже совсем близко. Возможно, уже завтра они достигнут Серебряного озера, и тогда...

Под вечер теблоры добрались до устья реки. Звездное колесо пробуждалось, готовое отправиться в свой извечный путь по небу. На тропе, вьющейся среди береговых валунов, отчетливо виднелись следы. Следы эти были достаточно свежими и вели в сторону перевала Костей. От реки тянуло прохладой. Там, где она впадала в озеро, вода намыла остров, покрыв его берег древесными обломками, клочьями высохшей травы и прочего сора, прибитого течением. Самого озера из-за тумана видно не было.

Воины спешили и стали разбивать свой нехитрый лагерь. Костер решили не разводить.

– А ведь это следы тех низинников, которых ты убил, – сказал Байрот. – Интересно, что заставило их отправиться к месту пленения демонессы?

– Может, низинники хотели ее освободить, – предположил Карса.

– Не думаю, – возразил Байрот. – Их магия... она явно связана с каким-то богом. По моему, они шли в то место, дабы поклониться демонессе или выманить ее душу из тела. Скорее всего, у низинников там место силы. Возможно, там живет их бог. Ходят же наши шаманы к Ликам-на-Скале.

Карса окинул собеседника долгим взглядом и нахмурился.

– Байрот Гилд, твои слова оскорбительны для наших богов. Демонесса – всего лишь узница. Кто знает, может, ее не напрасно придавили камнем. А Лики-на-Скале – они ведь настоящие боги. И нечего сравнивать их с какой-то демонессой!

Кустистые брови Байрота медленно изогнулись.

– Карса Орлонг, я вовсе не сравнивал наших богов с демонессой. Низинники глупы, чего не скажешь о теблорах. Мы не зря зовем их детьми. Они легко поддаются самообману. Так почему бы им не принять демонессу за богиню и не начать ей поклоняться? Лучше скажи, что ты почувствовал, когда шаманы низинников атаковали тебя своей магией?

Карса задумался.

– Что-то... живое. Оно шипело, царапалось и плевалось. Я прорвал завесу, и оно отступило. Нет, это точно исходило не от демонессы.

– Ну, разумеется, не от нее, поскольку демонесса еще раньше скрылась неизвестно куда. А вдруг шаманы низинников поклонялись самому камню? В нем тоже ощущалась магическая сила.

– Но силу камня живой никак не назовешь... Не знаю, зачем ты затеял этот разговор, Байрот Гилд. Я устал от твоей болтовни.

– Мне почему-то кажется, что кости, из которых сооружены ступени на перевале, принадлежат тем, кто пленил демонессу, – не успокаивался Байрот. – Вот это и не дает мне покоя, Карса Орлонг. Кости небольшие, совсем как у низинников, только чуть потолще. А вдруг низинники – потомки того древнего народа?

– Ну и что с того? – Воитель резко встал. – Хватит уже молоть языком. Пустые слова лишь уносят силу. Нам нужно отдохнуть. Как только рассветет, мы начнем готовиться к нападению. Завтра мы устроим бойню этим детишкам.

Карса пошел стреножить лошадей. Неподалеку от них сидел Делюм, окруженный собаками. Он держал на руках трехлапую подругу Грызло, непрестанно глядя ее по голове. Карса еще раз взглянул на своего бывшего соратника: Делюм его не замечал. Ладонь увечного, будто весло по волнам, скользила по собачьей шерсти.

Воитель проснулся еще затемно. Единственным звуком, нарушавшим ночную тишину, был плеск речной воды. Ветер переменялся и теперь дул со стороны селения низинников, неся с собой запахи дыма и навоза. Оттуда же доносился и отдаленный собачий лай. Карса молился Уригалу, чтобы с восходом солнца ветер не подул в обратном направлении. У низинников хватало псов. Слухом и чутьем они не уступали теблорским, но по силе тягаться с Грызло и его стаей, конечно же, не могли. Разумеется, вожак стаи свое дело знает, и все-таки лучше, если нападение будет абсолютно внезапным. Если Уригал сейчас слышит Карсу, бог непременно поможет ему.

Байроту тоже не спалось. Он встал и направился туда, где стая расположилась на ночлег. Карса насторожился: с чего это его товарищ вдруг вздумал тревожить собак? Он присмотрелся: Байрот стоял на коленях перед Делюмом и что-то с ним делал. Издали могло показаться, что Байрот бьет увечного по лицу.

Потом Карса догадался: Байрот раскрашивал лицо Делюма боевыми узорами, нанося белые, черные и серые полосы. Традиционные цвета уридов. Такие узоры обычно рисовали себе стареющие воины, предпочитавшие смерть в бою годам дряхлой жизни. Делюм хоть и потерял рассудок, но стариком не был. Неужели Байрот позволил себе насмеяться над их недавним соратником? Карса встал.

Трудно сказать, слышал ли Байрот шаги воителя. Если и слышал, то головы он не повернул. Ни о какой насмешке не могло быть и речи: из глаз Байрота катились слезы. Делюм лежал тихо и глядел на бывшего товарища широко открытыми немигающими глазами.

– Он не понимает, что ты глумишься над ним, – прорычал Карса. – Зато я понимаю, Байрот Гилд, и не собираюсь с эти мириться: ты оскорбил каждого уридского воина, нанесшего себе на лицо такие же полосы.

– Не спеши меня упрекать, Карса Орлонг. Когда стареющие воины раскрашивают себя, идя в последний бой, это не прибавляет им славы. Только слепые могут думать иначе. Раскрашенные лица остаются прежними: старыми, морщинистыми, с застывшим в глазах отчаянием. Эти воины подходят к концу жизни и вдруг понимают, что прожили ее бессмысленно. Им становится страшно, и страх отправляет их на поиски скорой смерти.

Байрот нанес черные полосы и принялся за белые, проводя их тремя пальцами по лбу Делюма.

– Загляни нашему соратнику в глаза, воитель. Только присмотришься повнимательнее.

– Я ничего в них не вижу, – смущенно пробормотал Карса.

– Вот и Делюм тоже ничего не видит, воитель. Он не ослеп, но его глаза глядят в... пустоту. И вся разница между тобой и им заключается в том, что Делюм не боится ее, не отворачивается. Он глядит туда с полным пониманием. Смотрит и ужасается.

– Ты опять несешь околесицу, Байрот Гилд.

– Нет, воитель. Мы с тобой теблоры. Воины. Нам нечем утешить Делюма, и потому он цепляется за трехлапую собаку. Видел бы ты, сколько боли в ее глазах. Делюм утешает бедняжку, как может, и большего ему не нужно... Зачем я раскрашиваю ему лицо? Завтра он погибнет. Наверное, для Делюма Торда это станет достойным утешением. Я молю Уригала, чтобы так оно и было.

Карса взглянул на небо.

– Звездное колесо почти закончило свой бег. Пора готовиться к битве.

– Сейчас начнем, Карса Орлонг. Остался последний мазок.

Карса втирал кровавое масло в лезвие своего меча. Терпкий, ни с чем не сравнимый запах разбудил лошадей. Беспокойно забегали проснувшиеся собаки. Подготовив Делюма к последнему сражению, Байрот взялся за свое оружие. Делюм тоже поднялся и крепко прижал к себе трехлапую собаку. Та всячески извивалась, пытаясь вырваться, однако юноша сжал ее еще сильнее. Грызло угрожающе зарычал. Делюм нехотя разжал руки, выпуская измученное животное.

Закончив с оружием, Карса начал снаряжать коня. На грудь, на шею и к ногам Бурана он привязал кожаные доспехи. Байрот управился раньше и уже сидел верхом. Третьего скакуна, принадлежавшего Делюму, тоже снарядили, но он стоял без поводьев. Никто из коней не выказывал радостного возбуждения. Всех троих била дрожь.

– Воитель, до сих пор все описания пути, исходившие от твоего деда, были поразительно точными. Поведай, каким ему запомнилось селение низинников.

– Палик рассказывал о бревенчатом доме величиной с две уридских хижины. У низинников есть странный обычай: они частенько поверх одной хижины строят другую и делают общую крышу. Тот дом был как раз таким. Окна у них защищаются особыми дверцами, в которых оставлены дырки, чтобы пускать стрелы. Еще там были две двери, которые можно быстро закрыть изнутри... Рядом с большим домом стояли три хижины поменьше. Одна примыкала к нему почти вплотную. Должно быть, там держали скот. В другой у низинников была устроена кузница. Третья – с глиняными стенами – служила им жильем, пока они возводили большой дом... Еще дед говорил про мостки на берегу. Там из воды торчали толстые шесты, чтобы привязывать лодки. И загон у низинников тоже был. Правда, лошади у них мелкие, не чета нашим.

– Воитель, а сколько поколений низинников успело смениться после набега Палика? – хмуря брови, спросил Байрот.

– Ясно, что не одно и не два, – ответил Карса, садясь на коня. – Ты готов, Байрот Гилд?

– Веди меня, воитель.

Карса выехал на прибрежную тропу. Речное устье находилось по левую руку от него. Справа поднимались высокие гранитные скалы, на вершинах которых росли деревья. Противоположные их склоны выводили к берегу озера.

Ветер не переменился. Воздух пах дымом и навозом. Собаки низинников молчали.

Карса поднес блестящее лезвие меча к ноздрям коня. Буран тряхнул гривой и поскакал галопом. Теперь слева был каменистый берег озера, а справа его кромка упиралась в скалы.

Байрот ехал на пару шагов позади Карсы. Следом бежали собаки и Делюм. Конь Делюма старался держаться рядом со своим бывшим хозяином.

Теперь уже совсем скоро. Едва они обогнут скалы, тропа сразу выведет их к селению, где сейчас спят ничего не подозревающие дети.

За скалами начинались возделанные поля. Сквозь плотную стену высоких колосьев едва проступали почерневшие развалины дома. А дальше – по берегу озера и вглубь, до самого подножия горы – раскинулось то, чему в языке теблоров не было названия. Поначалу Карса мысленно назвал это большим селением, потом очень большим и, наконец, огромным.

В огромном селении низинников стояли высокие каменные дома, состоявшие из нескольких хижин, выстроенных друг на друге. Прибрежные мостки имели каменное основание; дерево покрывало их лишь сверху. Почти каждый дом окружала каменная стена в рост низинника высотой. Другая стена – повыше и крепче – защищала огромное селение со стороны широкой дороги. Дорога эта упиралась в ворота, по обе стороны которых стояли квадратные башни с плоскими крышами. Над селением висел дым от многочисленных очагов.

На башнях виднелись низинники.

«Дозорные», – сразу понял Карса.

И как раз в это время в селении громко зазвонил колокол. Низинники, работавшие на полях, побросали свои орудия и бросились бежать к воротам.

Сзади раздался крик Байрота. То не был боевой клич: в голосе могучего воина звучала тревога. Карса даже не обернулся. Он почти нагнал бегущих крестьян, намереваясь убить нескольких прямо на скаку. Он мог бы лишить жизни их всех, но не хотел задерживаться. Остальных прикончат собаки. Сейчас его главной целью были трусливые детишки, спешно закрывавшие ворота. О, как же они торопились укрыться за своими хлипкими стенами!

А вот и первая голова, легко срубленная деревянным мечом, ударилась о землю. Буран на скаку подмял и раздавил вторую жертву – отчаянно вопящую женщину.

Ворота огромного селения с громким лязгом закрылись.

Припав к шее Бурана, Карса направил коня по левую сторону ворот. Неподалеку в землю ткнулась арбалетная стрела. Другая просвистела над самой головой юноши.

Стену низинники возводили, дабы защититься от подобных себе. Ни одна из их лошадей не сумела бы ее перепрыгнуть. Однако Буран был вдвое выше местных лошадок и несоизмеримо сильнее. Оттолкнувшись задними ногами, конь Карсы с легкостью перемахнул через стену, к которой с другой стороны прилепилась лачуга. Передние копыта жеребца проломили крышу. Хрустнула черепица; словно пруттики, треснули деревянные балки. Из-под обломков лачуги выскочили обезумевшие куры. Нескольких Буран тут же раздавил, выбираясь на глинистую дорогу с глубокими колеями.

На пути Бурана оказалось еще одно строение, огороженное каменной стеной. Из двери показался низинник. Круглое испуганное лицо и такие же круглые от ужаса глаза. Ловким ударом меча Карса раскроил мужчине череп, и он стал оседать на землю.

Прежде чем углубиться в селение, воитель решил расправиться с низинниками возле ворот. На поле собаки устроили славную бойню. Карса слышал предсмертные вопли низинников и довольно усмехался. Эти глупые дети торопились к воротам. Стражники, еще не понимая, откуда явилась угроза, покрепче закрыли их, а сами приготовились к обороне.

Ближайший к Карсе стражник не успел опомниться, а его голова вместе с железным шлемом уже подпрыгивала, ударяясь о булыжники. Прикончить его соседа теблор не успел, ограничившись лишь отрубленной правой рукой. Еще один низинник был смят копытами Бурана. Умный конь привстал на дыбы и ударил передними ногами очередного врага. Выронив меч, тот взлетел в воздух. Шлем не уберег его голову от удара о железные ворота.

Кто-то уколол Карсу в бедро. У низинников этот ножичек наверняка именовался длинным мечом и считался серьезным оружием. Однако сейчас он лишь ткнулся в толстую кожаную одежду воителя и отскочил, не причинив тому ни малейшего вреда. На этого ребенка Карса даже не стал тратить сил: рукояткой меча проломил ему скулу, предоставив Бурану пройти копытами по черепу. Остальные низинники в страхе разбежались. Карса со смехом устремился вперед, попутно лишив головы еще одного шлемоносца.

Арбалетная стрела вонзилась ему в спину чуть ниже затылка, отозвавшись короткой волной обжигающей боли. Однако Карса вырвал стрелу и, продолжая посмеиваться, спешился и направился к воротам. Стражники успели задвинуть все три тяжелых засова. Наклонив плечо, Карса с разбегу ударил по воротам.

Он легко снес петли ворот, которые крепились к стене толстыми железными скобами. Тяжелая створка с грохотом повалилась наружу. Правая башня жалобно застонала и вдруг накренилась. Изнутри послышались испуганные голоса обреченных низинников. Карса отскочил в сторону. Еще через мгновение башня рухнула, взметнув густое белое облако пыли.

Сквозь клубящуюся пыль в пролом въехал Байрот. Его меч был весь залит кровью. Вслед за Байротом появились псы, Делюм и его конь. Когда Карса взглянул на окровавленный рот бывшего соратника, его аж передернуло: он понял, что Делюм по-собачьи перегрызал низинникам глотки.

Байрот поравнялся с Карсой. Воитель молча забрался на коня. Говорить было некогда – на них двигались копьеносцы. В свете утреннего солнца поблескивали железные наконечники длинных копий.

Из верхнего окна кто-то пустил арбалетную стрелу. К счастью, она лишь слегка задела круп коня, на котором сидел Байрот.

Всадники с копьями приближались.

– Воитель, они могут помешать нашему отступлению, – угрюмо произнес Байрот.

– Отступлению? – со смехом переспросил Карса. Кивком подбородка он указал на воинов. – Их не более трех десятков. Дети всегда остаются детьми, даже если в руках у них длинные копья. Вперед, Байрот Гилд! Сейчас мы их разгоним.

Выругавшись сквозь стиснутые зубы, Байрот потянулся за медвежьим черепом.

– Поезжай им навстречу, Карса Орлонг. Пока ты их отвлекаешь, я приготовлюсь.

Карса не возражал. Наоборот: все в нем ликовало, предвкушая веселую потеху, о которой он мечтал годами. Воитель дернул вожжу. Собаки бежали с обеих сторон. Делюм выбрал себе место справа.

Всадники остановились и опустили копья, готовясь отразить нападение. Из окон верхних хижин выглядывали перепуганные низинники.

– Уригал! – выкрикнул Карса. – Будь очевидцем!

За спиной Карсы слышалось монотонное гудение. Медвежий череп вращался все быстрее. Когда до копьеносцев оставалось не более десятка шагов, Байрот издал предупреждающий вопль. Воитель отъехал влево и пригнулся. И тогда Байрот отпустил ремень.

Три из пяти рядов копьеносцев были опрокинуты и смяты. Воздух наполнился пронзительными криками. Уцелевшими низинниками занялись собаки и конь Делюма. Карсе и Байроту оставалось лишь докончить начатое медвежьим черепом, со смехом давя этих упрямых детишек, еще осмеливающихся замахиваться на них копьями.

– Воитель!

Карса вырвал меч из тела последнего копьеносца и обернулся на крик Байрота. Вдали показались новые бойцы низинников. Их было не менее полусотни, а может и еще больше. Вместе с ними на теблоров двигались арбалетчики.

Инстинкт воина заставил Карсу глянуть в сторону ворот. Сквозь пыльную завесу в селение въезжали вооруженные всадники низинников. Железа на каждом из них было еще больше, чем на тех двух стражниках, что они видели возле пещеры. За всадниками шли пешие воины, вооруженные кто коротким луком, кто обоюдоострым мечом, а кто и странного вида топором на длинном древке.

– Веди меня, воитель! – крикнул Байрот.

– Вперед, Байрот Гилд! – откликнулся Карса и развернул коня. – Теперь двинемся вон по тому боковому проезду. Он ведет к берегу. У низинников не хватило ума опоясать стеной все свое селение. Мы обогнем вражеских воинов и ударим им в тыл. Детей, что мы убивали до сих пор, мы убивали в твою славу. Как ты считаешь, мы убили уже достаточно?

– Да, Карса Орлонг.

– Тогда поезжай за мной. Теперь мы будем убивать их в мою славу.

Проезд был почти такой же ширины, как и прежний, где теблоры разметали копьеносцев. Он тянулся до самого берега. По обе стороны высились странные жилища низинников и еще какие-то хижины, назначения которых Карса не знал. В окнах, дверях и узких боковых проездах мелькали испуганные лица. Никто даже не пытался остановить вражеских всадников. Далеко не все, что было построено на берегу, было понятно Карсе. Похоже, низинники очень заботились о своих лодках и о том, чтобы тратить поменьше сил, нагружая и разгружая их. Но тогда почему они не убрали кучи разного сора, поднимавшиеся рядом?

Однако в кучах, как оказалось, был не только сор. Там белели кости, а над пирамидами костей торчали высокие шесты с надетыми на них черепами. Черепами... теблоров.

Из прибрежных лачуг к теблорским всадникам, размахивая оружием, бежали десятки детей. На их нелепой, мешковатой одежде Карса заметил теблорские талисманы и даже скальпы. У этих ребяташек были сердитые лица и злые глаза. Они неслись, готовые дать бой. Лучники на бегу прилаживали стрелы и пускали их, почти не целясь.

В крике Байрота ярость смешалась с ужасом. Он направил своего коня в самую середину атакующих. Оттуда полетели стрелы.

Конь Байрота истошно заржал, споткнулся и вдруг упал. Всадник успел перекувырнуться и отскочить в сторону. Его меч пролетел по широкой дуге и ударился в стену лачуги, снеся верхушки тощих деревьев.

Низинники дали еще один залп.

Карса резко повернул Бурана вбок. Рядом с шипением пронеслась стрела. Усмехнувшись, Карса врезался в первых нападавших. Кровавый меч ударил по окованной бронзой рукоятке вражеского топора, выбив его у низинника. Левой рукой Карса перехватил другой топор, нацеленный жеребцу в голову. Выбросив оружие, воитель той же рукой сжал врагу шею и приподнял его в воздух. Хрустнули шейные позвонки. Голова низинника упала набок, а тело задержалось в судорогах, исторгая кровь и мочу. Поморщившись, Карса отшвырнул труп в сторону.

Стремительно продвигавшийся вперед Буран вдруг замер на полном скаку, будто наткнулся на невидимую преграду. Конь протяжно заржал, потом накренился вбок, разбрызгивая кровь, которая хлестала у него из пасти и ноздрей. В груди жеребца застряло тяжелое копьё с железным наконечником.

Сделав еще несколько неуверенных шагов, Буран повалился на спину. У Карсы от ярости потемнело в глазах. Он спрыгнул на землю, на лету выбив чей-то меч, и приземлился на клубок тел, ломая низинникам руки, ноги и ребра.

Едва вскочив на ноги, юноша увидел перед собой окаймленное черной бородой лицо низинника и, почти не замахиаваясь, снес тому нижнюю челюсть вместе с бородой. Карсу попытались атаковать сзади – острое меча кольнуло ему поясницу. Обернувшись, он выбил из рук врага и этот меч, разрубив нападавшему грудную клетку. Меч застрял, и воителю пришлось хорошенько дернуть рукоятку, откинув в сторону изуродованное тело противника.

Только сейчас Карса заметил, что его окружила большая толпа тяжело вооруженных низинников. У многих к оружию были прицеплены боевые теблорские амулеты. Каждый жаждал поскорее пролить кровь урида. Чувствовалось, что эти люди взбешены нападением на родное селение, однако злость мешала им действовать сообща. Они оттесняли друг друга, ибо каждому хотелось первым отомстить чужеземцу. Карса начал прорубаться сквозь них и первым же ударом меча уложил сразу двоих.

Где-то поблизости сражался Байрот. Звон его меча перемежался с криками умирающих и рычанием собак.

До сих пор низинники надвигались на Карсу молча. Неожиданно они все одновременно затараторили на своем дурацком языке. Карса не понял ни слова. Затем нападавшие бросились в разные стороны. Однако их бегство не означало передышки. Теперь Карсе противостоял полукруг низинников с луками и арбалетами. Все они целились в него и, как только пространство очистилось, дали залп.

Шею Карсы обожгло болью. Две стрелы угодили ему в грудь, еще одна попала в правое бедро. Не обращая на это внимания, воитель бросился навстречу новым врагам.

У них были только луки, арбалеты и стрелы. Низинники никогда еще не видели деревянного меча, бешено вращающегося над их головами. Атака захлебнулась. Враги бросились бежать. Кровь была повсюду, и, прежде чем пролить свою, низинники успевали перепачкаться в крови убитых соплеменников. Карса прорубался вперед, кося детишек направо и налево. Те,

кто недавно в ужасе убежал, постепенно возвращались, норовя напасть на воителя со спины. Карса со смехом обернулся, видя их чумадые, перепуганные лица.

Нападавшие дрогнули. Они бросали оружие и бежали кто куда, скользя в кровавых лужах. Карса убивал их не глядя, пока рядом совсем никого не осталось. Тогда он выпрямил спину и огляделся.

На месте, где недавно сражался Байрот, валялось семеро убитых низинников. самого Байрота Карса нигде не увидел. Где-то в проезде, по которому они сюда попали, скулила одна из собак стаи. Карса побежал туда.

Из распластанных собачьих тел торчали стрелы. Грызло среди убитых псов не было. Рядом с трупами собак валялись низинники, которым они даже на последнем издыхании успели перегрызть горло. Поодаль Карса увидел Делюма Торда. Рядом лежал его убитый конь. В двадцати шагах толпились низинники.

Делюм был весь изранен. Его буквально изрешетили стрелами, а в правом боку застряло копье. Он истекал кровью, однако упрямо полз вперед. Туда, где низинники забивали трехлапую собаку. В воздухе мелькали палки, мотыги и лопаты.

Скуля по-собачьи, Делюм направлялся к ним. Застрявшее копье царапало землю. Древяно стало совсем красным. А он все полз, даже не заметив, как откуда-то сбоку выскочил низинник и занес над ним тяжелую лопату.

Делюм едва ли слышал предостерегающий крик своего воителя. Глаза увечного были прикованы к бездыханному телу трехлапой собаки. Лопата низинника ударила его в затылок. Делюм повалился ничком и замер.

Карса настиг убийцу. Тот был совсем старик, шептавший что-то беззубым ртом... Карса разрубил его пополам и силой выдернул меч.

Только сейчас низинники заметили бегущего к ним теблора, и их сразу как ветром сдуло. На земле осталось лишь измолоченное до неузнаваемости тело трехлапой собаки. Неподалеку лежал Грызло. Пес истекал кровью, задние лапы не слушались его. Перебирая передними, он упрямо пытался хоть на шаг приблизиться к останкам своей подруги. Услышав шаги Карсы, вожак стаи поднял на него умоляющие глаза.

Карса и сам был готов рычать и выть. Он сумел догнать двух низинников, навсегда оборвав их бег. Третий, сжимая в руках ржавую мотыгу, мчался к узкому проходу между хижинами. Карса остановился, потом повернул назад.

Он присел на корточки, разглядывая раны Грызла. У пса было раздроблено бедро.

Со стороны селения на Карсу надвигались воины с копьями. Их сопровождали трое всадников, выкрикивающих приказы. Другие всадники появились со стороны озера. Они заметили воителя и были готовы скакать к нему.

Карса подхватил раненого пса и бросился догонять сбежавшего низинника.

Проход, заваленный гнилыми овощами и другими отбросами, выводил к загонам. Вскоре Карса увидел низинника с мотыгой, бежавшего в каких-нибудь двадцати шагах от него. Загоны обрывались у сточной канавы. Низинник перескочил через нее и помчался дальше – туда, где в зарослях молодого ольшаника виднелись хозяйственные постройки.

Карса не отставал. Он знал, что каждый удар его ног о землю приносит раненому псу новую волну боли. На мгновение юноше подумалось: «А не полоснуть ли Грызла по горлу, разом оборвав все его страдания?» Однако он тут же прогнал эту мысль.

Низинник влетел в сарай. Вскоре туда же вбежал и Карса, пригибаясь и с трудом протискиваясь в узкий боковой проем. Внутри было сумрачно. В пустых стойлах лежали охапки сырой соломы. Посреди сарая покоилась на колобашках опрокинутая вверх дном рыбацья лодка. Карса удивился: оказывается, низинники умели строить прочные и довольно вместительные лодки.

В левой стене были сделаны широкие раздвижные двери с веревочными ручками. Одна из дверей была приоткрыта, и качающаяся веревка подсказала Карсе, что низинник ушел именно через нее.

Сначала юноша поместил Грызло в самое дальнее стойло, соорудив ему из нескольких охапок соломы мягкую подстилку.

– Я скоро приду к тебе, дружище, – шептал Карса, склонившись над псом. – А если вдруг не сумею – обязательно выживи и вернись домой. К нам домой, в земли уридов.

Воитель срезал со своей одежды кожаный ремешок, прикрепив к нему несколько бронзовых амулетов с уридскими письменами. Он встряхнул ремешок. Амулеты беззвучно качнулись. Обвязав этот наспех сделанный ошейник вокруг мускулистой шеи пса, Карса опустил руку на раненое бедро жоака стаи и закрыл глаза.

– Я дарю этому псу душу теблора и сердце урида. Услышь меня, Уригал. Исцели этого храброго воина. А потом помоги ему добраться домой. Но сейчас, доблестный Уригал, спрячь его от низинников.

Карса убрал руку, открыл глаза. Грызло спокойно глядел на него.

– Не сдавайся, дружище. Мы с тобой еще встретимся. Клянусь тебе в этом на крови всех детей, которых я убил сегодня.

Теперь путь Карсы лежал к раздвижной двери. Сжав рукоятку меча, он направился туда. Достигнув двери, воитель осторожно выглянул наружу.

Напротив стоял другой сарай. Подобно жилищам низинников, он тоже состоял как бы из двух сараев, поставленных друг на друга. Верхний служил каким-то хранилищем. Видимо, ленивые дети не любили гнуть спины и придумали особое приспособление – площадку, сколоченную из тонких бревен. Они нагружали ее и поднимали на железных цепях прямо к открытому проему в верхней части сарая. Пока Карса разглядывал подъемник низинников, изнутри донесся лязг задвигаемого засова. Молодой воин лишь усмехнулся и посмотрел на железные цепи. Такие вполне его выдержат. Оставалось повесить меч через плечо и забраться.

Только сейчас Карса заметил, сколько же вражеских стрел торчит из его тела. Кровь, залившая одеяние воителя, тоже по большей части была его собственной. Закусив губу, юноша начал вытаскивать стрелы. Раны кровоточили, особенно на боку и в груди. Самой опасной была рана в спине. Зазубренный наконечник вошел глубоко в мышцы. Карса попытался вырвать стрелу, но его обдало волной такой боли, что бедняга едва не потерял сознание. Тогда он обломал древко почти по самый наконечник, но даже это далось ему тяжело: от усилий все тело покрылось холодным потом.

Издали доносились крики. Низинники продолжали его искать. Перебирая руками цепи, Карса полез вверх. Каждое движение левой руки приносило ему новую боль. Но он не мог, просто не имел права думать лишь о собственном спасении, позабыв о низиннике. Ведь тот покалечил Грызло, ударив пса мотыгой. Сзади, как всякий трус. Ну ничего, сейчас он за это поплатится.

Карса выбрался на грязный настил, снял меч и шагнул в сумрак. Вскоре он услышал прерывистое дыхание низинника, а затем и его жалкий, хнычущий голос. Наверное, тот молился своим богам.

В середине навеса была пропилена большая квадратная дыра. Юноша стал двигаться к ней, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Подойдя к краю дыры, Карса осторожно заглянул вниз.

Трусливый низинник скрючился возле запертой двери. Однако крепкие засовы не прибавляли ему уверенности. Ноздри Карсы уловили запах свежего дерьма. Он мысленно усмехнулся, поняв, что его враг от страха обделался.

Воитель опустил меч, тщательно нацелив оружие прямо в голову низинника. А потом прыгнул.

Острие меча пропороло низиннику макушку, скользнуло в мозг и застряло в костях. Хлипкий пол не выдержал тяжести теблорского воина, и Карса вместе со своей жертвой рухнули в глубокий погреб. Там было пусто и отчаянно воняло соленой рыбой.

Похоже, падение оглушило Карсу. Возможно, на какое-то время он даже потерял сознание. Очнувшись, воитель протянул руку, шаря в поисках меча. Но пальцы ощущали лишь холодный липкий камень. Чуть приподняв голову, он заметил... торчащий из груди окровавленный обломок деревянного шеста, который пригвождал его к полу. Рука продолжала искать меч, но наткнулась лишь на щепки и чешую. Жирная, соленая чешуя облепила юноше все пальцы.

Наверху послышались тяжелые шаги. Кое-как Карсе удалось приподнять голову. Над проломом сгрудились низинники. Все были в железных шлемах. Они угрюмо глядели на теблора. Затем к ним добавилось еще одно лицо с затейливой татуировкой на лбу. Карса немало удивился, заметив, что взгляд этого незнакомца был сочувственным, почти дружеским. Низинники затеяли жаркий спор. Слов Карса не понимал, но по сердитым интонациям догадался, что враги намерены поскорее его убить. Потом татуированный взмахнул рукой, и остальные замолчали.

– Может, ты и не сразу умрешь в этой яме, воин, однако тебе в любом случае из нее не выбраться, – произнес он на сунидском наречии.

Карса рванулся было, но обломок шеста держал его крепко. Воитель поморщился и оскалил зубы.

– Как твое имя, теблор? – спросил татуированный.

– Я – Карса Орлонг, внук Палика.

– Палика? Того урида, что несколько веков назад вломился в наши края?

– Да. Он убил тогда десятки детей.

Низинник, как ни странно, не рассердился.

– Вы привыкли именовать нас детьми, – кивнул он. – Только дело было не совсем так: поначалу Палик никого не убивал. Он еле-еле приполз на берег Серебряного озера, умирая от голода. Вдобавок его мучила лихорадка. Крестьяне подобрали его, выходили, откормили. Вот тогда-то твой дед и «отблагодарил» их, убив почти всех и сбежав. К счастью, одна девочка спаслась и по южному берегу озера добралась до ближайшего селения, где рассказала, кто такие теблоры и чего от них ждать. С годами мы узнали больше. Сунидские рабы многое нам поведали. Ты, как вижу, из уридов. Мы еще не добрались до твоего племени, но это лишь вопрос времени. Наши охотники за головами появятся и на твоих землях тоже. Думаю, не ошибусь, если скажу: через сотню лет на Лейдеронском плато не останется ни одного вольного теблора. Всем твоим соплеменникам выжгут на лбу клеймо и закуют их в цепи. Вместе с сунидскими рабами вы будете ловить для нас рыбу. А теперь скажи, Карса, ты узнаешь меня?

– Да. Ты сумел сбежать от нас. Но явиться сюда раньше и предупредить своих поганых детишек ты не успел. Твоя речь пересыпана чужеземными словами, а твой тонкий голосок оскорбляет мои уши. Я не верю ни одному твоему слову.

– Ну и зря, приятель, – улыбнулся татуированный. – Советую тебе хорошенько подумать. Твоя дальнейшая судьба зависит от меня. Допустим, раны твои не смертельны. Думаю, что так и есть; ведь теблоры на удивление сильные и крепкие. Жаль, мои спутники как-то подзабыли об этом. На губах у тебя нет кровавой пены. Это хороший знак: значит, легкие не покалечены. Я могу только изумляться, поскольку у теблоров не одна, а две пары легких.

Наверху появился еще один низинник, обладавший на редкость зычным голосом. Слушая его, татуированный лишь пожимал плечами, а когда тот закончил говорить, обратился к пленнику:

– Внимай же моим словам, Карса Орлонг из племени уридов. Сейчас в подвал спустятся солдаты. Они свяжут тебя по рукам и ногам, чтобы вытащить наружу. Оказывается, падая, ты

придавил собой известного в городе ростовщика, и это немного охладило гнев воинов. Все знали, что погибший был дрянным человеком. Но это еще не значит, что они готовы простить тебе все остальное. Если хочешь сохранить жизнь, не пытайся сопротивляться, иначе будет только хуже.

Карса и не пытался, но совсем по другой причине – он с трудом шевелил руками. Четверо воинов спустились по веревкам в подвал. Они грубо связали ему запястья, лодыжки и предплечья, а затем проворно вылезли наверх и взялись за концы веревок. Стиснув зубы, Карса следил за тем, как его тело постепенно расстается с обломком шеста. Шест вошел в него со стороны правой лопатки и прорвал кожу возле правой ключицы. Карса не позволял себе стонать, однако боль делалась совсем уж нестерпимой. Потом в глазах потемнело, и он потерял сознание.

Кто-то шлепнул Карсу по лицу. Один раз, второй. Юноша открыл глаза. Он лежал на полу сарая, окруженный склонившимися над ним низинниками. Все они тараторили разом. От их писклявых голосов у Карсы зазвенело в ушах. Воитель понимал только одно: его проклинают за содеянное. Проклинают именами всех здешних богов, демонов и духов предков. Эта мысль польстила ему, и он ухмыльнулся.

Низинники отпрянули. Рядом остался лишь татуированный, который и привел пленника в чувство.

– Худ меня побери, неужели все уриды такие? – пробормотал он. – Или ты тот, о ком говорили наши жрецы? Они рассказывали о некоем теблоре, преследовавшем их в снах подобно Рыцарю Худа. Впрочем, теперь это уже не имеет значения. Взгляни на себя. Наполовину труп. Весь город...

– Зачем ты поганишь сунидское наречие чужеземными словами? – сердито бросил ему Карса. – Я их все равно не понимаю. Я несколько раз слышал, как ты произнес «город». Я не знаю такого слова. У сунидов его нет.

– Это меня не удивляет, – невозмутимо ответил татуированный. – Потому что у теблоров нет городов. Ты еще многого не знаешь, Карса Орлонг. Ничего, научишься... если уцелеешь. А городом называется это большое селение, куда ты утром вторгся вместе со своими друзьями. Теблоры что, умеют превращаться в собак? Или одного из ваших заколдовали, что он бегал вместе с псами и рычал?

– Я убью тебя за такие шутки! – прохрипел Карса.

– Очнись, Карса Орлонг! Сейчас ты уже никого не убьешь. А здешним жителям не терпится заживо содрать кожу с тебя и с твоего соратника. На вашем счету – десятки невинно погубленных людей. В редкой семье сейчас не оплакивают погибших. Думал, в твоей власти держать весь мир за глотку? Произойдет чудо, если ты доживешь до вечера.

Падая, Карса еще глубже вогнал себе в тело зазубренный наконечник стрелы. Рана кровоточила, и сейчас из-под него выползала лужица крови.

В сарай вошел новый низинник. Ростом выше остальных, властный, с суровым, обветренным лицом. На нем было дорогое одеяние темно-синего цвета, расшитое затейливыми золотыми узорами. Татуированный что-то долго ему говорил. Важный низинник молча внимал ему, не меняясь в лице. Выслушав все до конца, он лишь кивнул, махнул рукой и удалился.

Татуированный снова нагнулся над Карсой.

– Сюда приходил очень могущественный человек. Мы зовем его хозяин Сильгар. В основном я работаю на него. Он считает, что ты оправишься от ран, Карса Орлонг, и потому приготовил тебе... испытание.

Татуированный что-то сказал солдатам (так на языке низинников звались воины). Между ними вспыхнул недолгий спор, после чего солдаты взялись за веревки и понесли Карсу к выходу.

Теперь его раны кровоточили уже не так сильно. Боль отступала. Разум воителя постепенно охватывало тупое безразличие. Карса глядел в небо. Солдаты несли его по самой сере-

дине проезда (у низинников в их городах эти проезды назывались улицами). Отовсюду слышались тонкие негодующие голоса местных жителей. Потом Карсу опустили на землю и посадили, прислонив к колесу повозки. Напротив него сидел Байрот Гилд.

Соратник Карсы был привязан к такому же колесу, но только более широкому. Само колесо крепилось к столбу. Воитель сразу заметил, что Байрот весь изранен. Копье низинника вошло ему в рот, раздробив нижнюю челюсть. Окровавленный наконечник торчал пониже левого уха. Все туловище было усеяно стрелами. Однако сознание не оставило Байрота.

Их глаза встретились.

Горожане рвались к пленным теблорам. Солдаты отгоняли их, размахивая мечами и копьями. Над толпой звенели проклятия перемешку с плачем и столами.

Татуированный встал между Карсой и Байротом, сделав вид, что серьезно задумался. Затем он повернулся к Карсе.

– Жаль, что твой дружок утратил способность говорить. А нам так хотелось побольше узнать об уридах: сколько у вас селений, где они расположены и сколько воинов в каждом. И фалиды нас тоже интересуют. Кажется, по жестокости ваши племена одинаковы. Увы, он молчит.

Карса оскалился:

– Я, Карса Орлонг, зову вас отправить тысячу ваших воинов на войну с уридами. Никто из них не вернется, а мы лишь умножим свои трофеи. Пошлете две тысячи – и из них тоже ни один не придет обратно.

– Так ты ответишь на наши вопросы, Карса Орлонг? – улыбнулся татуированный.

– Отвечу, потому что мои слова вам все равно не помогут.

– Замечательно.

Татуированный кивнул солдатам. Один из них подошел к Байроту, лениво вынимая из ножен меч.

Глаза Байрота улыбались. Сколько презрения к низинникам было в этой улыбке. Потом из его изувеченной глотки вырвался хриплый клекот. Карса кивнул. Он понял последние слова соратника: «Веди меня, воитель!»

Низинник полоснул Байрота по горлу. Хлынула кровь. Голова могучего воина качнулась и, оторвавшись от шеи, с тяжелым стуком упала на землю.

Толпа низинников встретила казнь ликующими воплями.

Татуированный подошел к Карсе.

– Рад, что ты оказался сговорчивым. Этим ты сохранил себе жизнь. После того как ты расскажешь нам все, что знаешь, хозяин Сильгар возьмет тебя к себе и сделает своим рабом. Но не думаю, что тебе придется вместе с сунидами рыбачить на озере. Сильгар найдет для тебя другое занятие.

К ним подошел низинник, одежда которого отличалась от одежды местных солдат.

– А вот и малазанский капитан, – сказал татуированный, произнеся непонятные Карсе слова. – Неудачное время избрал ты, Карса Орлонг, для своего набега. Оно совпало с прибытием малазанского полка, который направляется в Беттрис... Ну что, начнем допрос, если капитан не возражает?

Карсу приволокли в большой и крепкий сарай на берегу озера. Затащив теблора внутрь, солдаты открыли дверь в полу. Вниз спускалась лестница с грязными скользкими ступеньками. Во всю длину подвала были прорыты две канавы, в которых держали рабов. В одной из них Карса увидел полдюжины низинников. Они были прикованы к толстому бревну, укрепленному в полу канавы. Пустовавшие кольца с кандалами ожидали возвращения сунидских рыбаков. Вторая канава предназначалась для больных и умирающих. Скрючившиеся там низинники

погрязли в собственных испражнениях. Кто-то стонал, кто-то бился в судорогах, но большинство лежали тихо и неподвижно.

В эту канаву попал и Карса. По меркам низинников, она была довольно глубокой. На стенках поблескивала влажная глина. Дно было узким. Почти все его пространство занимало бревно, наполовину утопленное в жижу испражнений, щедро окрашенных кровью. Карсу поместили в самый конец канавы, подальше от остальных узников, сковав ему цепями запястья и лодыжки. Карса заметил, что у низинников, в отличие от него, была всего одна пара кандалов.

Едва захлопнулась потолочная дверь, как теблорского воина густо облепили мухи. Карса лежал на боку, лицом к глиняной стене. Рана вокруг наконечника стрелы грозила затянуться, чего Карса допустить никак не мог. Он закрыл глаза и так сосредоточился на своем теле, что ощутил каждую жилку вокруг застрявшего наконечника. Затем он очень осторожно сжал все мышцы, здоровые и не очень. Юноша проделал это несколько раз подряд, морщась от острой боли, которая в конце концов заставила его прекратить усилия. Карса лежал неподвижно и глубоко дышал. Воитель чувствовал: наконечник острием вонзился ему в кость и успел процарапать там борозду. Хуже всего, что он был усеян изогнутыми шипами. Если оставить этот кусок железа в теле, то левая рука навсегда утратит подвижность.

Передохнув, Карса вновь сосредоточился. Мысленно он видел каждую мышцу, каждую целую и порванную жилу. Спина сделалась липкой от пота. Карса весь обратился внутрь себя. Он дышал все медленнее и ровнее.

Пора! Молодой воин сжал мышцы и напрягся. Сквозь сомкнутые зубы прорвался хриплый крик. Тело обожгло нестерпимой болью. Из лопатки плеснула кровь. Мышцы сжались еще сильнее. Карса услышал, как вылетевший наконечник чиркнул по глине и соскользнул в жижу.

Потом Карса долгое время пролежал пластом, не в силах пошевелиться. Поток крови, хлеставшей из разорванной лопатки, постепенно успокаивался, а потом и вовсе прекратился.

«Веди меня, воитель!»

Непонятно почему, но в устах Байрота слова древнего ритуала прозвучали как проклятие. Да и сама его гибель была нелепой. Зачем было молчать? Что бы низинники ни узнали про земли уридов, им туда все равно не добраться. Напрасно они думают, будто уриды похожи на сунидов. Байрот упустил возможность отомстить низинникам, чего Карса понять никак не мог.

Карса вспомнил предсмертный взгляд Байрота, усмешку, остававшуюся на лице его соратника даже в мгновение гибели. Он наотрез отказался говорить с низинниками. Бессмысленное упрямство... или не такое уж и бессмысленное?

«Байрот все-таки меня оставил. – Мысль эта обожгла Карсу сильнее телесной боли. – Уригал, неужто братья предали меня? Сначала Делюм Торд, теперь Байрот Гилд. Неужели и впредь мне суждено познать одиночество? Что ожидает меня в родном селении, когда я вернусь? А вдруг соплеменники не пойдут за мной, когда я объявлю низинникам войну?»

Скорее всего, решил Карса, поначалу так и будет. Начнутся долгие обсуждения, жаркие споры возле очагов. Старейшины назовут его затею безумной и воспротивятся ей... пока по селениям не разнесется весть о приближающейся армии низинников.

«Вот тогда-то все поймут, что иного выбора нет. Разве мы пойдем на поклон к фалидам? Когда наш народ бежал от врага? У нас останется только один выход – сражаться, и меня изберут предводителем уридов».

Раздумья о грядущей войне успокоили Карсу.

Юноша перевернулся на другой бок. Слава ждала его впереди. А пока – сумрак, вонь и мухи.

Превозмогая отвращение, Карса запустил руку в жижу и нашел упавший наконечник. Из железа торчал расплюснутый обломок древка. Зажав его в руке, воитель склонился над бревном. Теперь надо было понять, каким образом крепятся цепи.

Одна пара цепей тянулась от ручных кандалов, а другая – от ножных. Каждая присоединялась к длинному железному пруту, вогнанному в бревно. Противоположные концы прутьев были предусмотрительно расплющены. Карса потрогал звенья. Прочные, с расчетом на недюжинную силу теблоров. Низинники не учли лишь одного: древесина в такой жиге начинает гнить.

Зажав в руке наконечник, Карса принялся долбить и царапать размягченную кромку бревна. Мысли снова вернулись к утреннему набегу и сражениям с низинниками. Байрот предал его, предал все племя уридов. Когда требуется, воин идет на хитрость. А сопротивление Байрота было не геройством, а самой настоящей глупостью. Он сделал хуже не только себе самому. Оказывается, у низинников есть охотники за головами, которые убивают теблоров и собирают трофеи. Воины всех теблорских племен должны узнать об этом. Карсе надо во что бы то ни стало вернуться в родные земли, дабы сообщить всем о новых врагах. Да, в этом заключается его долг.

«Ничего, скоро низинники поймут, чем уриды отличаются от сунидов».

Молодой воин неумоимо скреб подгнившую древесину. Оголив один прут, он сразу же взялся за другой. Крепление ножной цепи показалось ему более податливым. Отсюда он и начнет.

Карса перестал ориентироваться во времени. Он не знал, ночь или день сейчас за стенами сарая. Иногда сверху доносился стук солдатских сапог. Воитель продолжал сражаться с древесиной, прислушиваясь к кашлю и стонам прикованных неподалеку низинников. Какие же преступления совершили эти жалкие дети, если соплеменники столь жестоко с ними обошлись? У теблоров самым суровым наказанием было изгнание из племени. Изгоняли тех, кто по злему умыслу или по неосторожности нанес ущерб селению и сородичам. Изгнанием каралось и умышленное убийство. Рано или поздно отверженный погибал. Старейшины объясняли это тем, что его дух не получал пищи и умирал голодной смертью. пытки и длительное заточение в темницу не были присущи теблорам.

Может, и эти низинники заболели потому, что их дух изголодался? Обрывки старинных сказаний повествовали о том, что когда-то и у теблоров тоже были рабы. Во всяком случае, слово это сохранилось в наречиях всех племен, и Карса хорошо понимал его смысл. Раб лишался власти над своей жизнью; хозяин мог делать с ним что угодно. Так стоит ли удивляться, если дух раба начинает хиреть от голода?

Карса не позволит своему духу голодать. И Уригал непременно поможет ему, ведь бог охраняет молодого воителя.

Он спрятал наконечник стрелы за пояс и, упиравшись спиной в стену канавы, поставил ноги по обе стороны от прута. Глотнув воздуха, принялся медленно разводить ноги. Цепи натянулись. Прут чуть-чуть шевельнулся и снова застрял. Юноша замер, опасаясь, как бы наверху не услышали подозрительный скрип. Но наверху было пусто, а соседи вряд ли догадывались, чем он занят.

Кандалы впились ему в лодыжки. Из-под железа сочилась кровь. Передохнув, Карса продолжал... Он предпринял с десятков таких попыток, прежде чем ему удалось вытащить прут на ширину трех пальцев. Однако расплющенный конец застрял в более плотных волокнах древесины и отказывался двигаться дальше. Карса изодрал все штаны. Кандалы стали красными. Будущий предводитель теблорских племен в изнеможении привалился к стене.

Над головой застучали сапоги. Заскрипела поднимаемая дверь. Освещая себе путь фонарем, вниз спускался стражник. Тот самый, с татуировкой на лбу.

– Эй, урид! – крикнул он. – Ты еще дышишь?

– А ты подойди ближе, – негромко предложил ему Карса. – Подойди, тогда и увидишь.

Низинник засмеялся:

– Значит, хозяин Сильгар сказал правду. Ты необычайно живуч, и нам не сразу удастся сломить твой дух. – Стражник остановился на середине лестницы. – Через пару дней сюда вернутся твои сунидские сородичи.

– Избравшие жизнь рабов мне не сородичи.

– А мне говорили, что ваши, когда остаются совсем одни и не видят выхода, кончают с собой. Раз ты еще жив, значит все же надеешься на встречу с ними.

– Ты считаешь меня рабом только потому, что я закован в цепи? Но даже такого меня ты боишься. Ха! Что взять с ребенка?

– С ребенка? Ну да, теблоры привыкли считать нас детьми. Только не странно ли, что сейчас твоя жизнь находится в руках детей? Подожди, Карса Орлонг. Цепи – это только начало. Мы все равно тебя сломаем. Попадись ты нашим охотникам за головами, уж они по пути сюда успели бы выбить из тебя всю теблорскую гордость, ты бы и думать забыл о неповиновении. Но пока что суниды будут смотреть на тебя как на бога. Еще бы! Скольких наших ты сегодня убил ни за что.

– Как тебя зовут? – спросил Карса.

– А зачем тебе это знать?

– Меня испугали твои слова, – усмехнулся пленник.

– Сомневаюсь. – Стражник произнес это с заметным напряжением в голосе.

Усмешка Карсы превратилась в довольную улыбку.

– Так ты назовешь мне свое имя?

– Дамиск. Меня зовут Дамиск. Во времена малазанского завоевания я был дозорным в армии Серого Пса.

– Завоевания, говоришь? Раз теперь у вас все сгибаются перед этими... малазанцами, стало быть, они победили, а вы потерпели поражение. Так кто из нас двоих сломлен духом, а, Дамиск Серый Пес?

– Ты, должно быть, не понял. Серый Пес – это название города. Я жил там и вступил в армию, чтобы бороться с малазанцами.

– Я все понял правильно. Вас тогда разбили, и это главное. Не берусь судить, как ты сражался против малазанцев. Но точно знаю: когда я напал на ваш отряд, ты сбежал. Бросил тех, кого поклялся защищать. Сбежал, как трус, как тот, чей дух сокрушен. Сейчас, когда я закован в цепи, ты пришел, ибо прекрасно знаешь, что мне до тебя не дотянуться. Ты явился в этот вонючий подвал, поскольку тебе не совладать с собой. Ты пытаешься насмехаться над нами, однако твой дух не находит покоя. Он гложет тебя изнутри. Внешне ты, может, и удачлив, но дух у тебя – как у беспомощного ребенка. Именно поэтому ты сейчас здесь. И придешь сюда еще.

– Я посоветую хозяину отдать тебя нашим охотникам за головами, – срывающимся голосом произнес Дамиск. – Пусть они делают с тобой все, что пожелают. А я посмотрю.

– Я не сомневаюсь, Дамиск Серый Пес. Трусы всегда любят смотреть, как другие расправляются с теми, кого им самим одолеть не удалось.

Фонарь в руках Дамиска вдруг заходил ходуном. Стражник молча поднялся наверх.

Карса захохотал.

Дверь с тяжелым стуком закрылась, и в подвале вновь стало темно.

Передышка закончилась. Ноги юноши вновь уперлись в бревно.

– Эй, великан, – донеслось с другого края канавы.

Наречие было сунидским, но голос явно принадлежал низиннику.

– Мне нечего тебе сказать, низинник, – угрюмо ответил ему Карса.

– Я и не предлагаю тебе болтать со мной. Просто я чувствую, что ты что-то делаешь с этим проклятым деревом. И как? Тебе удастся?

– Ты ошибся, я ничего не делаю.

– Ладно. Будем считать, что мне почудилось. Мы здесь умираем. В этой отвратительной жиже. Унизительно, как скоты.

– Я не знаю ваших законов. Наверное, вы совершили страшное злодеяние, за что и наказаны.

Смех низинника больше напоминал надсадный кашель.

– Ты прав, великан. Мы совершили просто ужасное злодеяние: не пожелали признать власть малазанцев над собой. Взяли оружие и ушли: кто в леса, кто в горы. Совершали набеги на захватчиков, устраивали им засады. Мы стали для них костью в горле. И все было замечательно, пока эти выродки нас не поймали.

– Вас сгубило пренебрежение к опасностям.

– А тебя и твоих соратников, великан? Это надо же додуматься: втроем, с жалкой кучкой собак, напасть на целый город! И ты еще упрекаешь меня. Полагаю, мы оба пренебрегли опасностями, раз очутились здесь.

Карса поморщился. Эти слова были ему неприятны, однако незнакомый собеседник говорил правду.

– Что тебе нужно от меня, низинник?

– Твоя сила, великан. Нас осталось всего четверо, но лишь я один в сознании и... почти сохранил рассудок. Во всяком случае, моих мозгов хватает, чтобы понимать всю унизительность нынешнего нашего положения.

– Слишком много слов.

– Поверь, я не стану утомлять тебя словами. Скажи, великан: ты бы мог приподнять это бревно? Или несколько раз повернуть его?

– И что это тебе даст? – помолчав, спросил Карса.

– Это укоротит цепи.

– Я не собираюсь укорачивать цепи.

– Только на время.

– Зачем?

– Прошу тебя, великан: поверни это дерьмовое бревно. Наши цепи будут все короче и короче. С последним оборотом нас просто затянет вниз. Там глубоко, и мы утонем.

– Ты хочешь, чтобы я вас убил?

– Восхищаюсь твоей сообразительностью, великан. Добавь еще несколько душ к своей тени. Кажется, так ведь говорят у теблоров? Убей меня, и я с честью пойду в твоей тени.

– Знай, низинник: милосердие не в моих правилах.

– А как насчет трофеев?

– Какие могут быть трофеи, если мне до тебя не дотянуться?

– Ты хорошо видишь в сумраке? Я слышал, теблоры...

– Да, я вижу, что твоя правая рука сжата в кулак. И что внутри?

– Зуб. Недавно выпал. Уже третий с тех пор, как я здесь.

– Бросай его мне.

– Попробую. Надеюсь, тебе будет не противно его носить. Ты готов?

– Кидай.

Низинник размахнулся и бросил зуб. Тот полетел не совсем в нужном направлении, однако Карса изловчился и поймал его.

– Он гнилой, – нахмурился юноша, осмотрев трофей.

– Ясное дело, потому и выпал. Ну так как? Да, вот еще что. Чем больше ты крутишь это бревно, тем более мокрым оно становится. А значит – и более мягким. Тебе не придется тратить много сил, чтобы добиться желаемого. Надеюсь, ты меня понял.

Карса кивнул.

– Ты нравишься мне, низинник.

– Тогда помоги мне утонуть.

– Сейчас.

Карса протиснулся в узкую щель между бревном и стенкой колодца, в котором оно плавало, и оказался по колено в зловонной жиже. Изувеченные кандалами лодыжки отчаянно заныли.

– Я видел, как они волокли тебя сюда, великан. Ты гораздо выше здешних сунидов.

– Ничего удивительного. Суниды – самые низкорослые среди теблоров.

– Должно быть, к ним примешалась кровь низинников.

– У нас их считают глубоко павшими, – ответил Карса.

Он нагнулся и, гремя цепями, подsunул руки под бревно.

– Спасибо тебе, теблор.

Воитель приподнял бревно, повернул его немного, затем опустил.

– Ты уж прости, низинник. Быстрее не могу.

– Понимаю. Не торопись. Бильтар уже утонул. Следующим будет Альрут. Ты здорово нам поможешь.

Карса вновь приподнял бревно и сделал пол-оборота. На другом конце послышались плеск и бульканье зловонной жижи.

– Уже скоро, теблор. Я последний. Еще один оборот, и я уйду вниз, а бревно надежно придавит меня и не даст всплыть.

– Скорее уж раздавит.

– Не все ли равно, теблор? Что захлебнуться в этой жиже, что быть раздавленным. Я ощущаю тяжесть, но мне не слишком больно.

– Ты врешь.

– Какая тебе разница? Важна цель, а не средства.

– В жизни воина важно все, – изрек Карса, снова берясь за бревно. – Сейчас я сделаю полный оборот. Слышишь, низинник? Теперь это проще, потому что и мои цепи тоже стали короче.

– Погоди еще немного, – попросил низинник.

Карса приподнял бревно. Сейчас вся тяжесть приходилась на его руки.

– Послушай, теблор! Я передумал, – донеслось с другого конца.

– А я нет.

Карса повернул бревно и убрал руки.

Судя по шуму, который до него доносился, несчастный отчаянно барахтался. Лязгнули цепи. Карса повернулся в ту сторону. Из-под бревна показалась голова низинника! Потом он вылез, кашляя и отфыркиваясь. Воздух сразу сделался еще более зловонным. Воитель поморщился.

– Ты никак ухитрился поднырнуть под бревно и вылезти с другой стороны? Признаться, ты удивил меня, низинник! Да ты вовсе не трус. Никак не думал, что среди детей попадаются храбрецы.

– Иногда храбрость – это все, что остается, – ответил низинник. – Ничего другого у меня сейчас попросту нет.

– А чей зуб ты мне бросил?

– Альрута. Прошу тебя, не надо больше крутить бревно.

– Я вынужден это сделать. Мне надо размотать свои цепи. Так что терпи, низинник.

– Хорошо, теблор. В умении рассуждать тебе не откажешь.

– Как тебя зовут?

– Торвальд Ном, хотя малазанцам я известен под именем Кастет.

– И где же ты научился наречию сунидов?

– Это старый язык негоциантов. Пока в наших краях не появились охотники за головами, натианские купцы вовсю торговали с сунидами. И они, и суниды были только в выигрыше. Между прочим, твой язык схож с натианским.

– Сомневаюсь. Этих... солдат я вообще не понял.

– Так они же солдаты!.. Чувствую, шутка проскользнула мимо тебя. Не беда. Да и скорее всего, ты слышал речь малазанцев. Здесь их теперь полным-полно.

– Отныне малазанцы – мои враги. Я так решил, – объявил Ному Карса.

– Значит, теблор, у нас с тобой есть кое-что общее.

– Покамест общее у нас только это бревно, низинник.

– Ну что ж, не стану тебя разубеждать. Но при всей моей ненависти к малазанцам, скажу тебе, великан, что и натианцы сейчас ничем не лучше. Среди них ты не найдешь союзников, теблор.

– А ты сам разве не из натианцев?

– Нет. Я даруджиец. Я родом из города, который находится на юге, далеко отсюда. Наш... как это будет по-вашему... клан Номов – он очень большой. Есть и весьма богатые семьи. А один из Номов даже является... скажем так: предводителем. Правда, сам я с ним никогда не встречался. Моя семья попроще и поскромнее. Чтобы заработать себе на жизнь, мне пришлось странствовать по разным краям и многому научиться.

– Ты явно научился много болтать, Торвальд Ном. Довольно слов. Мне нужно размотать свои цепи.

– Проклятье! Я думал, ты про это уже и позабыл.

Железный прут, на котором держались ножные кандалы Карсы, уже удалось вытащить более чем наполовину. Передышки становились все длиннее, но даже они не могли унять дрожь в ногах и уменьшить боль. Хуже всего, что открылась самая крупная рана – сквозная, от шеста. Кровь, сочившаяся оттуда, перемешивалась с потом, и эта липкая смесь растекалась по всей одежде, превращая ее в смрадный панцирь. На лодыжки лучше было не смотреть.

Торвальда Номы сморила усталость, и, как только Карса вернул бревно в прежнее положение, низинник задремал. Воителю же было не до сна.

Он сделал очередную передышку. И опять в подвале стало тихо, если не считать его собственного дыхания и храпа, доносившегося с противоположного конца бревна. Потом по потолку застучали солдатские сапоги. Кто-то несколько раз прошелся взад-вперед и покинул сарай.

Карса встал. У него кружилась голова.

– Отдохни подольше, теблор, – послышался голос низинника.

– Некогда мне отдыхать, Торвальд Ном.

– Но и торопиться особо не надо. Сильгар все равно вынужден задержаться в городе, пока малазанцы не двинутся дальше. Он со своим караваном намерен идти под их защитой. А до Мальмоста – это город такой – путь неблизкий. Да и дорога небезопасная. Разбойники из Дурнева леса и Желтой Метки не упустят возможности поживиться. Говорю это тебе со знанием дела и изрядной долей гордости. Я приложил немало стараний, чтобы превратить разухабистых головорезов и молодцов с большой дороги в некое подобие воинов. О том, чего мне это стоило, лучше помолчу. Но теперь они за меня горой. Кабы не малазанцы, моя армия давно освободила бы меня отсюда.

– Я убью этого Сильгара, – пообещал Карса.

– Будь с ним поосторожнее, великан. Мало того, что Сильгар – дрянной человек. Он умеет покорять таких воинов, как ты.

– Не забывай, Торвальд Ном: я – урид, а не сунид.

– Не беспокойся. Я помню об этом. Ты и ростом выше, и сильнее, и свирепее, чем суниды. И все равно: с Сильгаром держи ухо востро.

Карса уперся ногами в бревно.

– Слышишь, теблор? Не трать понапрасну силы. К чему торопиться, если тебе все равно некуда идти? Я не впервые оказываюсь в цепях и знаю, о чем говорю. Не спеши. Если не будешь дергаться и не помрешь раньше времени, судьба тебе обязательно улыбнется.

– А если не улыбнется, можно и утонуть в этой вонючей жиже, – презрительно усмехнулся Карса.

– Я понял твой намек, великан. Но даже самых смелых порою охватывает отчаяние. Главное – не поддаваться ему.

– Ты давно здесь? – спросил воитель.

– Когда меня схватили, на земле еще лежал снег, а озеро покрывала ледяная корка.

Карса повернулся в сторону собеседника и поискал глазами его едва различимый силуэт.

– Знаешь, Торвальд Ном, я думаю, что даже низинник не заслуживает таких страданий.

– И вы еще называете нас детьми! – скрипуче рассмеялся Ном. – Теблоры могут, не задумываясь, отрубить человеку голову. Совсем как палачи. Но у нас казнь считается милосердием, поскольку сразу обрывает страдания жертвы. А здесь любят, чтобы человек мучился подольше. Натанцы – большие выдумщики по части разнообразных пыток. Поверь мне: зимние холода – едва ли не самая мягкая из них. Раз уж твой набег не удался, благодари своих богов за то, что Сильгар заявил на тебя права и что в городе появились малазанцы. Знаешь, как обошлись бы с тобой местные жители? Посадили бы в клетку и вначале дали бы затянуться всем твоим ранам. А потом стали бы заживо сдирать с тебя шкуру. По кусочку. Этого развлечения хватило бы им надолго. Представляю, как бы над тобой здесь измывались. И неудивительно, ведь, считай, весь город тебя ненавидит. Уверяю, здесь бы все вволю натешились, глядя, как пытаются теблора.

Карса вновь принялся за прут.

Наверху послышались голоса, затем топот ног, явно босых. Глухо лязгали цепи. Юноша пересел к другой стене, чтобы видеть дверь. Вскоре она откинулась. Размахивая фонарем, в подвал спустился стражник. За ним двигались суниды. Всю их одежду составляли короткие юбки из мешковины. В отличие от Карсы, кандалы у этих пленников были только на левой ноге, соединенные общей цепью. Стражник шел по проходу между канавами. Суниды тащились следом – шестеро мужчин и пять женщин. Они брели с низко опущенными головами. Воитель пристально глядел на них, ожидая, что хоть кто-то из одиннадцати заметит его присутствие. Да нет, какое там.

Стражник подал знак. Суниды остановились в нескольких шагах от Карсы, повернулись и прыгнули в свою канаву. В подвал спустились еще трое низинников, которые начали приковывать сунидов за другую ногу к бревну. Никто из узников даже и не подумал сопротивляться.

Закончив свое дело, все низинники поднялись по ступеням обратно. Скрипнули петли двери, и она с шумом закрылась, оставив в сумраке клубы пыли.

– Так это правда, что сюда бросили урида? – шепотом спросил кто-то.

– Никак я слышу голос теблора? – насмешливо и презрительно ответил Карса. – Наверное, мне показалось. Теблоры не становятся рабами. Теблор скорее предпочтет умереть, чем покориться низинникам.

– Урид... и в цепях. Как и все мы.

– Не равняйте меня с собой! Я видел, как вы позволяли этим поганым детишкам приковывать вас. Мне недолго оставаться здесь. Я напому сунидам, что значит быть настоящим теблором.

– Мы видели повозки, доверху нагруженные убитыми. Там были местные и малазанцы. В городе до сих пор стоят плач и стоны. Мы узнали, что вас было всего трое.

– Двое. По пути сюда нашего соратника Делюма Торда ранили в голову. Он лишился рассудка и бежал вместе с нашими собаками. Будь Делюм в здравом уме и прежней силе, его кровавый меч...

Узники зашептались. Карса слышал, с каким благоговением они произносили слова «кровавый меч».

– Делюма тяжело ранили в бою, – продолжал он. – А вот где свой рассудок потеряли вы? Неужели суниды позабыли все нравы и обычаи теблоров?

– Позабыли? – со вздохом переспросила женщина. – Да, причем давно. Наши дети тайком покидали селения и уходили к низинникам, прельстившись их презренными деньгами. Здесь эти жалкие кружки металла правят всем и всеми. Нам стыдно говорить, в кого низинники превратили наших сыновей. Некоторые даже продались охотникам за головами и стали их дозорными. Представляешь, урид? Они сами привели врагов в наши долины и показали чужакам наши тайные рощи кровавых деревьев, которые те сожгли дотла. Низинники истребили наших лошадей. Предательство собственных детей – вот что сломило сунидов.

– Ваши дети заслуживают смерти, – изрек Карса. – Сунидские воины оказались слишком мягкотелыми. Они забыли, в каких случаях теблорский закон велит не щадить кровных родственников. Предательство своего племени всегда каралось сурово. Ваши потомки перестали быть сунидами. Я их убью, как только выберусь отсюда.

– Тебе придется долго искать их, урид, – вздохнула женщина. – Они ведь сейчас кто где. Многие погибли. Многие попали в рабство, ибо низинники опутали их долгами. Остальные подались в дальние края, в большие города вроде Натилога и Генабариса. Нашего племени, увы, больше не существует.

– И потом, урид, ты ведь тоже закован в цепи, – добавил мужской голос. – Ты теперь принадлежишь хозяину Сильгару, а от него еще ни один раб не сбежал. Больше ты уже никого не убьешь. Тебя, как и нас, заставят встать на колени. Так что не надо пустых слов, урид.

Карса молча возобновил начатое. На этот раз он плотно намотал цепи себе на запястья. Потом уперся спиной в стену, а ногами – в бревно. Напрягшись изо всех сил, он потянул на себя цепи. Еще одно усилие... еще... Прут скрежетал, откалывая щепки. И вдруг что-то громко треснуло.

Карсу отшвырнуло назад. Он заморгал, освобождая глаза от пота, а затем посмотрел на бревно. Оно раскололось по всей длине.

С другого конца лязгнули цепи Номы.

– Худ тебя побери, Карса Орлонг, – прошептал он. – Гляжу, ты не спускаешь оскорблений.

Юноша снова промолчал. Ему сейчас было не до разговоров. Да, он вырвал ненавистные пруты из бревна, однако оставались еще цепи, с которыми не больно-то побежишь. Зато теперь у него появились дополнительные орудия. Карса нагнулся над цепью, идущей к левой лодыжке, и всунул прут в ближайшее к кандалному обручу звено. Взявшись за прут с обоих концов, уридский воин стал медленно его вращать.

– Что это там за звуки? – спросил кто-то из сунидов.

– Кажется, у уриды спина треснула, – насмешливо ответил другой.

– Я бы на твоём месте попридержал язык, Ганал, – посоветовал ему Ном.

Цепь треснула. Сломанное звено отскочило во вторую канаву и застряло в стене.

Избавившись от цепей, приковылавших ножные кандалы к пруту, воитель принялся за цепи, тянувшиеся от рук.

Снова раздался треск. Потом еще. Руки Карсы были свободны.

– Что там такое? – опять заволновался кто-то из уридов.

Карса оторвал от железного прута последнюю цепь. Прут пригодится в качестве оружия, тем более что от его усилий железная кромка успела заостриться. Взяв прут, воитель выбрался из канавы.

– Кто из вас Ганал? – угрожающе осведомился он.

Лежащие суниды съежились и втянули головы в плечи. Только один из них не шевельнулся.

– Я Ганал, – произнес этот человек. – Значит, твоя спина цела? Теперь ты вправе убить меня за оскорбительные слова.

– И убью.

Сжимая прут, Карса двинулся туда, где лежал его обидчик. Однако тот хитро улыбался.

– Прежде чем умереть, я подниму крик и разбужу стражу. А если ты пощадишь меня, то сможешь тихо выбраться отсюда. До рассвета еще достаточно времени.

– За молчание вас всех накажут, – сказал Карса.

– Нет. Мы крепко спали и ничего не слышали.

– Возвращайся и приведи с собой столько уридов, сколько сможешь, – обратилась к юноше та женщина, что прежде рассказывала о бедах своего племени. – И когда ваши воины перебьют всех низинников в этом городе, суди нас. Мы примем твой суд.

Карса подумал и кивнул:

– Ладно, Ганал, продолжай пока влачить свою никчемную жизнь. Но не забывай: мы с тобой еще встретимся.

– Не забуду, – пообещал сунид.

– Карса! – окликнул воителя Ном. – Пусть я всего лишь низинник...

– Я освобожу тебя, ребенок, – ответил урид, направляясь к нему. – Ты проявил мужество. Он прошел туда, где был прикован Торвальд Ном. И, осмотрев его, заметил:

– Да ты совсем отошал. Куда уж тебе бежать. Подумай хорошенько.

– Я от природы худой. Не сомневайся, Карса Орлонг: бежать я смогу.

– Прежде у тебя и голос был совсем слабый.

– Я надеялся разжалобить тебя.

– Неужели ты ждал сочувствия от урида?

– Ну, попытаться всегда стоит, – робко пожал плечами Ном.

Карса оборвал цепи низинника. Они были не столь толстыми, как те, что совсем недавно сковывали его самого.

Торвальд Ном разминал затекшие руки.

– Да благословит тебя Беру, урид.

– Обойдусь без твоих низинных богов! – прорычал Карса.

– Конечно. Прости, я забыл, с кем имею дело. – И даруджиец поспешно выбрался из канавы.

Карса направился к лестнице. Ном пропустил его вперед.

– Веди меня, – сказал Торвальд Карсе и склонил голову.

Эти слова заставили юношу остановиться.

– Я – воитель племени уридов. И ты, низинник, хочешь, чтобы я тебя вел?

Торвальд Ном непонимающе глядел на него.

– Только не отвечай наобум, даруджиец! – крикнул ему Ганал. – У теблоров такими словами не бросаются.

– Я... я не знал, что эти слова так много для вас значат. Я просто хотел сказать Карсе, чтобы он шел впереди, а я – за ним.

Воитель никак не прокомментировал это замечание и стал подниматься по лестнице.

Осмотрев квадратную дверь, Карса понял, что она закрыта на железный засов. В этом месте дверь прилегала довольно плотно, а брус был даже толще прута. Зато с другой стороны,

где петли крепили дверь к полу, имелся некоторый зазор. Карса просунул туда острую кромку прута, который прихватил с собой, и принялся раскачивать дверь. Дерево было прочным, однако железо все же оказалось прочнее. Зазор увеличился. Теперь юноша упер прут в ближайшую петлю. Предприняв несколько попыток, он достаточно расшатал ее, чтобы навалиться на дверь плечом.

Дверь скрипнула и приподнялась. Карса набрал в грудь побольше воздуха и навалился снова. Громко заскрипели петли. Теблор затаил дыхание. Наверху было тихо. Он опять навалился на дверь.

Щель делалась все шире. Появился слабый свет, который шел из дальнего конца помещения. Там за круглым столом сидели трое низинников. Всех их Карса уже видел прежде рядом с Сильгаром. Значит, не солдаты. Троица сосредоточенно играла в кости.

Неужели они не слышали скрип петель? Воитель прислушался и понял, в чем дело. Игроки сидели почти рядом с выходом на улицу, откуда доносились рев ветра и стук дождя. С озера на город налетела буря.

– Спасибо тебе за помощь, Уригал, – прошептал Карса. – А теперь смотри!

Он еще навалился на дверь и расширил щель. Придерживая дверь рукой, Карса выбрался наружу. Подождав, когда вылезет Ном, юноша осторожно вернул дверь на место и вдавил гвозди в скобы петель. Жестом он велел низиннику оставаться на месте. Тот понимающе закивал. Теблор переложил прут в правую руку и стал подкрадываться к столу.

Из троих стражников Сильгара его мог заметить только один, да и то краешком глаза (двое других сидели к нему спиной). Но стражник смотрел только на узор выпадающих костей.

Почти весь путь до стола Карса прополз. А затем вскочил и бросился на одного из охранников. Прут ударил низинника в шею, а мощный кулак теблора обрушился ему на череп. Вскоре Карса умертвил и второго стражника. Третий глядел на него, изумленно открыв рот и не веря своим глазам. Великан с размаху всадил ему в горло окровавленный прут и несколько раз повернул. Стражник рухнул со стула и откатился к входной двери, стукнувшись мертвой головой о косяк.

Швырнув на стол теперь уже ненужный прут, Карса склонился над одной из своих жертв и стал снимать оружейную перевязь.

– Похоже, сам Худ должен бояться уридов, – пробормотал изумленный Ном.

– Чем болтать, лучше бери себе оружие, – бросил ему Карса, переходя к другому труп.

– Возьму, как же иначе, – усмехнулся низинник. – Теперь надо решить, куда мы побегим. Малазанцы наверняка подумают, что ты двинулся обратно в свои края, и попытаются перехватить тебя по дороге к перевалу. У меня есть друзья, и они...

– Я никуда не собираюсь бежать, – сердито перебил его Карса.

Длинные мечи стражников, висящие теперь у него на плече, и впрямь казались детскими игрушками. Покосившись на прут, Карса решил, что дополнительное оружие не мешает. Торвальд Ном вопросительно глядел на своего освободителя.

– Беги к своим друзьям, низинник. Я еще не закончил здесь. Тебе это только на руку. Низинникам и малазанцам будет со мной достаточно хлопот. Я сполна отомщу за Байрота Гилда и Делюма Торда.

– Только не обессудь, что сам я потом не сумею отомстить за твою смерть, Карса Орлонг. Ты и так уже совершил невозможное. Задерживаться в городе – это сущее безумие. Я бы посоветовал не испытывать терпение судьбы. Один раз она тебе улыбнулась, а в другой запросто может ударить наотмашь. Или ты забыл, что город наводнен малазанскими солдатами?

– Иди своей дорогой, низинник.

Торвальд Ном немного помешкал, а затем шагнул к двери.

– Дело твое, Карса Орлонг. Я в любом случае благодарен тебе за освобождение. Моя семья будет поминать тебя в молитвах.

– Шевелись. Я не собираюсь тут долго торчать. Давай, ты уходишь первым.

Торвальд Ном молча достиг двери. Подняв засов, он слегка приоткрыл ее и осторожно выглянул наружу, а затем исчез в темноте, полной дождя и ветра. Шлепанье босых ног подсказывало уридскому воину, что низинник направился куда-то влево.

Карса знал: предрассветная тьма обманчива. Не успеешь оглянуться, как мрак начнет рассеиваться. А до того, как станет совсем светло, он должен многое успеть.

Улица, на которой он очутился, была довольно узкой. Справа, шагах в двадцати, Карса увидел дом, в верхнем окошке которого мерцал тусклый свет. Мечи низинников – это несерьезно. Ему нужно раздобыть что-то более подходящее. И вдруг Карса сообразил, где нужно искать. Ну конечно же, у охотников за головами! Из слов Дамиска он понял, что их лагерь находится где-то неподалеку. Так вот почему у тех низинников было столько трофеев! Там наверняка есть теблорское оружие. И возможно, что-то из одежды. А главное – там остались уцелевшие низинники. Нужно исправить допущенную оплошность, и поскорее.

Подойдя к лагерю, Карса узнал следы их с Байротом славного набега. Многие домишки стояли пустые, с настежь распахнутыми дверями. Подступы к ним были завалены горами обломков. Юноша присмотрелся и заметил чуть поодаль совсем нетронутую хижину. Похоже, там внутри кто-то был.

Приблизившись к дому, Карса не стал протискиваться в дверь. Он подошел к стене и что есть силы надавил на нее плечом. Стена, сплетенная из прутьев и обмазанная глиной, треснула и обрушилась внутрь. Молодой воин шагнул в проем. Проснувшийся низинник сидел на койке, очумело вертя головой. В следующее мгновение от головы его осталась лишь половина. Куски раздробленного черепа затерялись среди обломков. Забулькала хлещущая из горла кровь.

Карса огляделся. Уцелевшая часть жилища была забита сунидскими вещами: амулетами, поясами и женскими украшениями. И все же в этой куче воителю удалось отыскать пару сунидских ножей в кожаных ножнах. А еще он приметил странный предмет, уже явно не теблорский – глиняную фигурку вепря. Зверь стоял на задних ногах, упираясь в такую же глиняную подставку. Должно быть, один из низинных богов. Карса смахнул амулет на пол и наступил на него каблуком, раздавив статуэтку в пыль.

Покинув разгромленную хижину, юноша продолжил поиски. Ему во что бы то ни стало был нужен теблорский меч. Со стороны озера по-прежнему дул ветер, громко завывая и обрушивая на берег белогривые волны. И все так же с темного неба хлестали частые струи дождя.

Осмотр пяти хижин оказался напрасной тратой времени. В шестой, убив попутно двоих низинников, которые спали в обнимку под шкурой серого медведя, Карса нашел старинный сунидский меч. Там же обнаружилось и боевое одеяние непривычного покроя, но определенно теблорское, судя по размеру и письменам, выжженным на деревянных пластинах. Надевая его, Карса вдруг догадался, что эта вроде бы невзрачная, потрескавшаяся серая древесина – на самом деле кровавое дерево, за которым веками никто не ухаживал.

В седьмой хижине воитель отыскал сосуд с кровавым маслом и задержался, чтобы втереть вязкую и терпкую жидкость в изголодавшуюся древесину. Остатками масла он напоил меч. Потом Карса коснулся губами сверкающей поверхности лезвия и почувствовал знакомую горечь.

И сразу же все в нем переменялось. Заколотилось сердце, по мышцам разлился огонь, а в душе вспыхнули неукротимый гнев и такая же неукротимая похоть.

Карса не помнил, как очутился на одной из больших улиц (кажется, эта улица считалась у низинников главной). Окружающий мир виделся теблорскому воину сквозь красноватую дымку. Пахло низинниками: нос Карсы улавливал их зловоние. На глаза ему попала окванная бронзой дверь большого деревянного дома. Юноша бросился туда. Ему показалось, что он не бежит, а летит, совершенно не касаясь ногами земли.

С дверью Карса справился за пару мгновений, очутившись в коридоре с низким потолком. Сверху доносились крики. Теблор кинулся туда и вскоре столкнулся с каким-то широкоплечим лысым низинником. У того за спиной пряталась испуганная седовласая женщина. Еще несколько мужчин (вероятно, их рабы) опрометью бросились кто куда.

Широкоплечий едва успел сдернуть со стены длинный меч в богато украшенных ножнах. В глазах хозяина жилища вспыхнул ужас пополам с недоумением. Выражение это навеки застыло на его лице, ибо уже в следующее мгновение лысая голова прыгала по полу.

Карса бросился вглубь дома. Кто-то из рабов попытался встать у него на пути, но он переломил смельчаку шею. Чутье вело теблора в помещение за закрытой дверью. Рывком распахнув ее и пригнувшись, юноша вбежал туда. За занавесками пряталась на широкой лежанке испуганная молодая низинница.

Бросив меч, Карса поднял женщину в воздух. Ее ступни ударяли ему по коленям. Тогда он пригнул ее голову и заставил вдохнуть кровавого масла, которым было густо пропитано его одеяние. Низинница отчаянно вырывалась. Потом ее голова запрокинулась, а глаза блеснули диким огнем. Засмеявшись, юноша опустил пленницу на лежанку и навис над нею.

Она рычала, как зверь, вцепившись в него длинными пальцами. Все ее тело, возбужденное кровавым маслом, требовало удовлетворения.

Низинница потеряла сознание гораздо раньше, чем Карса окончательно насытился. Ее одежда была залита кровью, но воитель не сомневался: женщина выживет. Даже те капли кровавого масла, что попали ей на тело, исцелят и зарубцуют все раны. А вот неодолимая страсть останется, причем надолго.

Сжимая меч, Карса выбрался из затихшего дома. Снаружи по-прежнему хлестал дождь. Облака в восточной части неба уже начали светлеть.

В последнем из домов Карсу сморил сон. Проснувшись, теблорский воин увидел, что лежит в тесном верхнем помещении под самой крышей. Из круглого окна лился яркий солнечный свет. Карса встал на четвереньки. Что такое? Он стоял в луже загустевшей крови. Рядом валялось тело низинника в искромсанный одежде. Безжизненные глаза глядели в потолок.

Юношу прошибла дрожь, а его хриплое дыхание глухим эхом отзывалось из всех углов пыльного помещения. Как он сюда попал? Карса стал было вспоминать, но крики, раздавшиеся снаружи, заставили его осторожно подползти к окну.

За толстыми прозрачными камнями, вставленными в окно, простиралась широкая улица. Карса догадался, что находится недалеко от городских ворот. Прозрачный камень несколько искажал картину, однако теблорский воин хорошо разглядел малазанских солдат, восседавших на беспокойно гарцующих лошадях. К удивлению юноши, всадники вдруг поскакали прочь из города, куда-то на запад. Топот копыт быстро затих.

Карса сел на пол, привалившись к стене. В нижних помещениях было тихо. Воитель не сомневался, что не оставил здесь в живых никого. Кажется, он побывал в целой дюжине таких домов, проникая через боковые или задние двери. И везде после его появления наступала тишина. *Мертвая тишина*. Как тут.

«Меня уже наверняка ищут, – думал Карса. – Знать бы, остались еще эти... охотники за головами или я уложил всех? А где низинники? Почему внизу пусто, если день давно начался? Или я и их всех тоже прикончил? Нет, всех не мог. Сколько же этих поганых детей я убил во славу Уригала?»

Внизу раздались осторожные шаги. Кто-то ходил по нижнему помещению. Благодаря кровавому маслу чувства Карсы все еще были обострены. Он принялся, однако, прежде чем запах успел достичь его ноздрей, теблорский воин уже и так знал, кто это. Нет, не солдаты. Сюда явились охотники за головами. Стражники Сильгара.

«Считают себя умнее малазанцев. Решили, пока тех нет, схватить меня и вернуть своему хозяину».

Юноша замер. У этих двуногих ищек острый слух: они услышат любой шорох. Повернув голову, он посмотрел на дверь в полу. Закрыта. Карса не помнил, чтобы он опускал дверь. Ах, да! Он подпер ее хлипкой распоркой. Должно быть, та соскочила. Сколько времени он тут находится? Воитель оглянулся на труп низинника. Кровь из его зияющих ран уже не текла, а падала крупными, вязкими каплями. Стало быть, Карса пробыл здесь не слишком долго.

Внизу заговорили. Как ни странно, юноша понимал, о чем речь. Не все слова, но общий смысл.

– Говорю тебе: от силы час. Может, больше.

– Тогда куда же делся сам Балантис? Дом полон мертвецов: жена торговца, двое детей, четверо слуг. Или слуг у него было больше?

Снова слышались шаги.

– Проверь чердак.

– С какой стати? Там ведь слуги спали. Сомневаюсь, чтобы толстый старый Балантис мог туда взобраться.

– Смотрите! – крикнул третий голос. – Лестница приставлена!

– Должно быть, у Балантиса от страха опало пузо, – засмеялся первый охотник. – Сла-зай-ка туда, Астабб. И поторапливайся. Нам еще надо осмотреть соседний дом.

– Худ тебя побери, Боругг! Меня и так недавно вывернуло от всего, что мы видели. Говорю тебе, наверху никого нет. Не будем понапрасну терять время. Пока мы тут прохлажда-емся, этот мерзавец режет еще чьи-то глотки.

Стало тихо.

– Ладно, твоя взяла. Пошли отсюда. В этот раз чутье явно подвело Сильгара. Мы же по трупам видели: урид ушел через западные ворота. Ставлю годичное жалованье, что он сейчас со всех ног топает к Т'ланскому перевалу.

– Там-то малазанцы его и сцапают.

– Вот-вот. Идем.

Хлопнула входная дверь. Карса осторожно пробрался к окну. Отсюда до западных ворот рукой подать. Не найдя там новых трупов, охотники вернутся обратно в дом. Воитель откинул дверь и спустился по окровавленной лестнице. В коридоре валялись мертвецы. Воздух был полон зловония смерти.

Карса поспешил к задней двери. Снаружи было полно луж, блестящих среди раскисшей от дождя земли. Видно, хозяин дома думал замостить двор и навез булыжников. Целая груда их лежала посреди двора, который оканчивался невысокой каменной стеной. Чувствовалось, ее сложили совсем недавно. Наружу вели диковинного вида ворота. Юноша задрал голову. Ветер гнал по небу облака, и все вокруг было пятнистым от солнечного света и теней.

Карса в два прыжка добрался до ворот, сквозь щели створок посмотрел наружу и увидел узкий, довольно грязный проезд, поросший пожелтевшей травой. Сквозь ветки кустарников просвечивали стены домов, что стояли на другой улице.

Молодой воин призадумался. Он был сейчас на западной окраине города и мог нарваться на охотников за головами. Значит, надо уходить в восточном направлении. Но тут он вспомнил про малазанских солдат. Правда, десятка три из них покинули город. А сколько, интересно, еще осталось?

Да сколько бы ни осталось, все малазанцы – его враги.

Карса выскользнул из ворот и побежал по проезду. Он бежал, низко пригнувшись, в любой момент ожидая, что его заметят и пустятся в погоню.

На пути ему встретился большой, слегка покосившийся дом. Карса остановился в его тени. Через десяток шагов проход пересекала широкая улица, которая вела к берегу. Сумеет ли он незаметно перебежать на другую сторону? Карса понимал, что положение у него сейчас

незавидное: совсем один, против стражников Сильгара и малазанцев, лишенный соратников, коня и собак.

Прячась в тени, Карса осторожно крался вперед. Поодаль собралась небольшая толпа. Из дома напротив выносили прикрытые рогожей трупы. Двое стражников пытались совладать с какой-то женщиной. Голая и растрепанная, она была вся в пятнах запекшейся крови. Неистово шипя, женщина пыталась выцарапать стражникам глаза. Карса мысленно усмехнулся: огонь кровавого масла не скоро в ней утихнет. Толпой овладели страх и любопытство. Все смотрели только на обезумевшую низинницу.

Юноша метнулся на другую сторону. До спасительного проезда оставался один шаг, когда сзади послышался хриплый крик, поддержанный десятком вопящих глоток. Карса резко обернулся, подняв меч.

Они разбегались во все стороны! Эти трусливые низинники улепетывали, бросив трупы. Получив свободу, обезумевшая женщина повалилась на мокрую землю. Падая, она ухитрилась вцепиться в ногу одного из стражников. Тот попытался бежать, но не смог. Женщина извивалась всем телом. Потом она дернула его за другую ногу. Бедняга шумно рухнул в грязь. Низинница с рычанием взобралась на него.

Карса вбежал в проезд. Где-то зазвонил колокол.

В дальнем конце проезда, шагах в тридцати от Карсы, стояло приземистое здание, окруженное толстой каменной стеной. Все окна закрывали деревянные створки, называемые у низинников ставнями. Пока он туда бежал, дорогу пересекли трое малазанских солдат. К счастью, они очень спешили, и никто не повернул головы в его сторону.

За первым домом стояло еще несколько похожих. Их вид даже понравился теблору: построены крепко и надежно, ничего лишнего.

Достигнув конца проезда, Карса остановился. За последним зданием тянулось широкое пустое пространство. Точно такое же было возле западных ворот. Пустырь обрывался возле городской стены. Слева виднелись загоны для скота, сараи и еще один дом, простой и невысокий.

Карса понимал, что малазанцы могут вернуться, и ждал этого с замиранием сердца, но они не появлялись. Колокол захлебывался звоном, хотя город казался совершенно пустым.

Юноша перемахнул через ограждение загона, пересек его наискось и выпрыгнул возле двери дома, которая почему-то была открыта. А затем осторожно прокрался внутрь и поморщился. Там пахло пылью и еще чем-то. Ступая неслышно, теблорский воин подошел к другой двери. Эта оказалась закрыта. Ударом ноги Карса распахнул ее.

Вдоль стен стояли пустые койки. Запах в этом помещении тоже не понравился Карсе, но чем именно – он так и не понял. Зато он почувствовал, что в доме есть кто-то еще и пока этот кто-то очень умело прячется. Воитель напряженно вслушивался, однако ничего, кроме собственного дыхания, не слышал. Тогда он осторожно шагнул вперед.

И тут на него накинули сразу две петли. Одна упала сверху, опутав шею, а другую набросили сзади, зацепив его за плечи. Веревка дернулась и плотно затянулась у Карсы на шее.

«Ха! Перерубить пеньковую веревку – нет ничего проще».

Молодой воин взмахнул мечом, но в это время его враги дернули другую веревку, опрокинув теблора на пол.

Сверху что-то заскрипело, следом раздалось ругательство на непонятном языке. Петля затянулась еще плотнее, грозя задушить Карсу. Он все же ухитрился повернуться и ударить мечом. Меч рассек воздух – малазанцы успели отскочить.

Карса сорвал с шеи веревку и кинулся на ближайшего солдата, только-только поднимавшегося на ноги. Внезапно из-за спины этого воина ударило волной малазанской магии. Карса взревел от ярости и зашатался, но на ногах устоял. Малазанец успел отскочить, и все же лезвие

кровавого меча полоснуло ему по правому колену, раздробив кость. Чужеземец с воплями и проклятиями повалился на пол.

Карсу опутали огненной сетью. Она давила на голову, на плечи, пронизывая болью все тело и заставив опуститься на колени. Юноша попытался было разрубить огненные нити, но теперь они завладели его мечом. Оружие начало как-то странно сплющиваться. Воитель отчаянно сопротивлялся, а сеть затягивалась все сильнее, пока не сделала его совершенно беспомощным.

Раненый солдат орал не переставая. Затем послышался чей-то басовитый голос. Мелькнула молния. Крики затихли.

Малазанцы окружили Карсу. Один из них опустился на корточки: темнокожий, с израненным лицом и лысым черепом, покрытым затейливой татуировкой. Он довольно улыбался.

– Ты вроде как понимаешь натианское наречие? – обратился он к пленнику. – Это хорошо. Тогда имей в виду, что своим дурацким мечом ты задел покалеченную ногу Хромуши. Кстати, мы тебя сюда не звали. Ты сам угодил в наши руки, и это восполнит тяготы домашнего ареста, под которым мы пребываем.

Из всего потока слов Карса понял лишь то, что он серьезно ранил кричавшего малазанца и вторично угодил в плен.

– Сержант, а давай его убьем.

– Заткнись, Осколок! Звонарь, отправляйся за Сильгаром. Скажешь, что мы поймали его беглеца и готовы вернуть, но не за просто так. И чтобы без лишнего шума! Нам тут не надо оголтелой толпы с факелами и вилами... Хорошо сработано, Эброн, – добавил сержант, обращаясь к другому воину.

– Скажу тебе честно, Канат: я едва в штаны не наложил, – ответил малазанец, которого звали Эброном. – Не припомню, чтобы кто-то выдержал «кулак Худа». Такое мощное заклятье! А этот великан выстоял.

– Ничего удивительного, – пробормотал Осколок.

– Это еще почему? – удивился Эброн.

– Да потому что магия магией, однако главное – не растеряться. Этот теблор явно не промах.

Сержант Канат хмыкнул, затем сказал:

– Эброн, займись-ка ты Хромушей, не то он сейчас опять начнет кричать во всю глотку.

– Слушаюсь. Сдается мне, что ему не так уж и больно. Наверное, просто характер такой: с детства любит поорать.

Канат осторожно просунул руку между огненных нитей и дотронулся до кровавого меча.

– Слышал я про такие деревянные штучки. Говорят, они крепче арэнской стали.

– Ты на кромку посмотри, – подсказал Осколок. – Видишь, тут особая смола нанесена?

– Вижу. Она-то и делает дерево крепким... Эброн, ему очень больно от твоей сети?

– Если бы на его месте оказался ты, Канат, то наверняка вопил бы так, что даже Псам Тени стало бы жутко. Правда, твои вопли продолжались бы недолго. А потом ты бы с шипением расплавился. Как жир на сковородке.

Канат снова взглянул на Карсу и недоверчиво покачал головой.

– А этот даже не вздрогнет. Эх, нам бы тысяч пять таких молодцев!

– Может, тогда мы бы очистили Моттский лес? Да, сержант?

– Может, и очистили бы.

Канат встал и сделал несколько шагов в сторону. Теперь Карса его не видел.

– Нашего Звонаря только за смертью посылать! Где он опять шляется?

– А вдруг и Сильгар тоже дал деру? – предположил Канат. – Сроду такого не было, чтобы весь город грузился в лодки!

Снаружи слышались шаги. Пришедших Карса не видел, но, судя по всему, низинников было не менее полудюжины.

– Благодарю вас, сержант, за возвращение моей собственности, – произнес чей-то мягкий, вкрадчивый голос.

– Теперь это уже не ваша собственность, – возразил Канат. – Теблор является пленным Малазанской империи. За ним числятся убийства малазанских солдат, не говоря уже о порче казенного имущества. Видели, как он разнес нашу дверь?

– Вы, должно быть, шутите.

– Я люблю пошутить, но сейчас говорю вполне серьезно, – растягивая слова, возразил Канат. – Легко догадаться, какую участь вы уготовили этому великану. Перво-наперво – кастрировать, затем отрезать язык и, скорее всего, сделать калеккой. А потом станете водить его на цепи, как ярмарочного медведя, и вербовать себе новых охотников за головами. «Видите, какие мы сильные и ловкие? Идите к нам, и мы научим вас охотиться на теблоров!»

– Сержант, все это – ваши фантазии, недоказуемые выдумки.

– Ошибаетесь, Сильгар, очень даже доказуемые! Мне плевать, какие порядки были тут до нас, но теперь эти земли – часть Малазанской империи. Наместнику очень не нравятся ваши замашки. Империя не находится в состоянии войны с теблорами, но не думайте, будто мы потерпим разбойничьи набеги и истребление ни в чем не повинных людей. За все, что сделал этот мерзавец, он заслуживает казни на месте. Однако малазанский закон поступит с ним по-другому. Прежде чем сдохнуть, он поработает на отатараловых рудниках. Слыхали про такие? Это в Семиградье, на моей далекой милой родине. Скоро и мы тоже туда отправимся. По слухам, там зреет мятеж, хотя я не слишком в это верю.

– Только не говорите мне, сержант, что малазанцы прочно утвердились на нашем континенте, – насмешливо возразил Сильгар. – Основные силы вашей армии намертво застряли под стенами Крепи. Да и в других местах вам приходится несладко. Хотите добавить к числу таких мест и наш город? Странное дело, сержант: вы уважаете свои законы и в то же время попираете чужие. Вы не желаете считаться с натианскими традициями и открыто глумитесь над ними.

– Да вот они, ваши традиции! – раздраженно бросил ему Канат. – Целый город улепетывает от одного теблора! Правда, суниды оказались податливее. Вы немало потрудились, чтобы уничтожить их племя. Можно было бы только восхищаться вашей предприимчивостью, если бы она не вошла в противоречие с малазанскими законами. – Рабовладелец молчал, лишь громко сопел. – Или вы думаете, наш полк просто так здесь появился?

Карса слышал, как стражники Сильгара схватились за мечи.

– Успокойте своих парней, – раздался сбоку голос Эброна. – Сильгар, я ведь знаю, что вы – жрец Маэля. Вы уже почти открыли свой магический Путь. Но только влезьте туда, и я превращу вас в зловонную лужу.

– Осадите ваших головорезов, – потребовал Канат, – иначе мы и их тоже отправим на отатараловые рудники.

– Вы не осмелитесь!

– Неужели?

– Но ваш капитан...

– Ха! Вы еще не знаете нашего капитана.

– Ну что ж, ладно. Дамиск, уведи людей.

Карса услышал знакомое имя. Судя по шагам, Дамиск выполнил повеление хозяина.

– А теперь, сержант, давайте без громких слов, – произнес Сильгар. – Говорите прямо: сколько?

– Была у меня мысль решить все, так сказать, любовно. Но слышите? Колокола смолкли. Жаль, однако время упущено. Капитан возвращается. С минуты на минуту он будет

здесь, и это кардинально меняет дело. Сейчас я – сержант Малазанской армии, которому вы только что предложили взятку. У нас это считается преступлением.

Малазанские кони уже мчались по двору. До ушей Карсы донеслись крики, несколько фраз, брошенных Дамиску, его ответные слова. Вскоре сапоги малазанцев застучали по полу. Ближе, еще ближе.

– Господин капитан, осмелюсь доложить... – Сержант Канат вытянулся в струнку.

– Кажется, я посадил всю вашу ораву под домашний арест, – оборвал его чей-то властный голос. – Эброн, я не позволял возвращать оружие этим пьяницам...

Увидев Карсу, капитан замолчал. Сержант ухмыльнулся.

– Осмелюсь доложить, этот теблор вздумал на нас напасть.

– И это вас мигом протрезвило?

– Так точно, господин капитан. Наш смысленный маг вовремя догадался вернуть нам оружие, иначе мы бы просто-напросто не справились с этим дикарем. Видите, какой он здоровенный? Увы, господин капитан, тут есть еще одна заковыка.

– Капитан Добряк, – заговорил Сильгар, – ваши люди послали за мной, сообщив, что они поймали моего раба. Естественно, я поспешил сюда, надеясь, что беглеца передадут мне обратно. И что же? Меня встретили угрозами и оскорблениями. Эти солдаты лишь позорят Малазанскую империю. Не хотелось бы думать, что вся армия пала до такой степени...

– За Малазанскую армию, Сильгар, можете не тревожиться, – с иронией заметил Добряк.

– Я рад. А теперь позвольте...

– Господин капитан, Сильгар пытался меня подкупить, – упавшим голосом сообщил Канат.

Стало тихо.

– Эброн, это правда? – спросил капитан.

– К сожалению, да, – в тон сержанту ответил маг.

– Печально слышать, – с плохо скрываемым злорадством произнес Добряк. – Подкуп – это преступление.

– Вот и я сказал ему то же самое, – мгновенно отозвался сержант.

– Меня вынуждали дать взятку! – прошипел Сильгар.

– Вранье, – отрезал Эброн.

– Лейтенант Конопатый! Арестовать рабовладельца и его охотников за головами! – приказал капитан. – Возьмешь в подкрепление два взвода и препроводишь арестованных в городскую тюрьму. Только проследи, чтобы они не попали в одну камеру с неким Кастетом – главарем разбойничьей шайки, которого мы захватили в плен. Возможно, у него в городе есть сообщники. Пусть посидят, пока мы не тронемся в путь... Да, и пришли сюда лекаря для Хромуши. Вижу, Эброн ничем не помог бедняге, если только вообще не сделал хуже.

– Пора бы усвоить, что я не владею путем Дэнула, – огрызнулся Эброн.

– Не забывайся, маг! Помни, с кем говоришь, – предостерег его Добряк.

– Виноват, господин капитан.

– А скажи-ка, чародей, – продолжал Добряк, – каким заклинанием ты сумел уложить этого великана?

– Заклинанием Руза.

– Это ведь твой магический Путь?

– Так точно, господин капитан. Это заклинание помогало мне ловить и оглушать в море дхэнраби.

– Постой-ка! Ты говоришь про громадных морских червей?

– Про них, господин капитан.

– Тогда странно, что этот теблор еще жив. Почему?

– Сам удивляюсь, господин капитан. Видно, он выносливее дхэнраби.

– Худ нас всех побери! – почесал в затылке Добряк, затем окликнул Каната: – Вот что, сержант: я снимаю с тебя и с твоего взвода наказание за учиненную попойку. Скорблю о ваших погибших. Понимаю, каково видеть, как у тебя на глазах убивают товарищей. Но это еще не значит, что я поощряю пьянство. Когда в следующей раз окажетесь рядом с пустой таверной, советую хорошенько подумать, прежде чем бражничать. Впредь спуска не будет. Я понятно выразился?

– Так точно, господин капитан.

– Вот и прекрасно. Эброн, оповести взводных, что мы покидаем этот миленький городок, и чем раньше, тем лучше. Сержант Канат, твой взвод будет следить за погрузкой припасов. На этом все. Вопросы есть?

– Что делать с пленным? – поинтересовался Эброн, кивая на Карсу.

– А как долго еще будет действовать твоя магическая сеть?

– Столько, сколько вам будет нужно, господин капитан. Но он испытывает сильную боль...

– Видно, теблор как-то приспособился. Пока оставь все, как есть. Нужно будет придумать, как затащить этого молодца в повозку.

– Нам понадобятся колья, господин капитан. Длинные и прочные.

– Можете рубить любые здешние деревья, – разрешил Добряк и ушел.

Карса ощутил на себе пристальный взгляд чародея. На самом деле боль от его магической сети давно притупилась: поочередно напрягая и расслабляя мышцы, теблорский воин раставлял колдовские ухищрения малазанского низинника.

«Ничего, теперь уже недолго...»

Глава третья

Среди семей-основательниц Даруджистана значится и династия Номов.
Мисдри. Знатные фамилии Даруджистана

Я скучал по тебе, Карса Орлонг.

Из-за побоев лицо Торвальда Номы стало почти черным. Правый глаз даруджийца совсем заплыл. Ном лежал на охапке грязной соломы, прикованный к передней стенке повозки. Левым глазом он следил за тем, как малазанские солдаты, крича и ругаясь, затаскивают в нее теблорского воина. Руки и ноги Карсы были привязаны к толстым кольям. Повозка кренилась то вправо, то влево и отчаянно скрипела.

– Волов жалко, – буркнул Осколок.

Малазанец покраснел от натуги. Чуть передохнув, он отвязал колья и не без усилий выдернул их из-под теблора.

Рядом стояла вторая повозка. Повернув голову, Карса увидел в ней Сильгара, Дамиска и еще троих натианских низинников. В отличие от лица Номы, лицо рабовладельца напоминало кусок изжеванной белой тряпки. Его богатая одежда была изрядно помята и перепачкана. Карса засмеялся.

Сильгар встрепнулся, полоснув взглядом по уридскому воину.

– Где же твои рабы? – с вызовом спросил юноша.

Малазанец, которого звали Осколок, вновь запрыгнул в повозку.

– Эброн! А ну-ка иди сюда! – крикнул он, приглядываясь к Карсе. – Он что-то сделал с твоей магической сетью.

Чародей прищурился, не веря своим глазам.

– Худ его побери, – пробормотал Эброн. – Осколок, тащи сюда цепи! Самые крепкие, какие у нас есть. И побольше. Капитану не забудь сказать.

Осколок побежал за цепями. Эброн остался рядом с Карсой.

– Да у тебя никак жилы из отатараловой руды? Нерруза мне свидетельница, это заклинание убивает всех. Как ты еще живешь? Ты бы должен был спятить от боли, а по тебе этого не скажешь. – Маг растерянно почесал переносицу. – С тобой явно не все так просто. Что-то тут есть. Вот только не пойму, в чем подвох.

К повозке сбегались малазанские солдаты. Одни несли цепи, другие держали наготове заряженные арбалеты.

– Нам теперь уже можно до него дотрагиваться? – опасливо косясь на Карсу, спросил кто-то из солдат.

– Теперь можно, – ответил Эброн и сплюнул.

Зычный, оглушительный крик, вырвавшийся из глотки Карсы, разметал всю магию малазанца.

«Все низинники одинаковы, – подумал воитель, расправляя плечи. – Теперь и малазанцы бегут от меня!»

Первым намерением Карсы было расправиться с Сильгаром. Он уже повернулся, чтобы перескочить на другую повозку, и тут... Что-то тяжелое ударило его по затылку. В глазах потемнело.

Днище повозки шаталось и подпрыгивало. Карса открыл правый глаз (открыть левый мешала корка засохшей крови). Руки и ноги теблорского воина были опутаны цепями. Каждая из них крепилась к доскам повозки толстыми железными скобами. Еще две пары цепей перекрещивались у Карсы на груди и животе. Доски воняли затхлостью и его собственной желчью вперемешку с мочой.

– Надо же, ты еще живой! – с изумлением воскликнул Торвальд Ном. – Но что бы там ни говорили солдаты, однако мне ты кажешься почти мертвецом. По запаху чую. Хочешь знать, сколько дней ты так провалялся? Целых шесть! Тот сержант с золотым зубом что есть силы вломил тебе по затылку лопатой. Аж древко треснуло.

Карса попробовал приподнять голову – внутри мгновенно разлилась и застучала в виски нестерпимая боль. Он поморщился и снова уткнулся в вонючие доски.

– Опять слишком много слов, низинник. Лучше помолчи.

– Молчать – это не по мне. А ты можешь пропускать мои слова мимо ушей, никто ведь не заставляет тебя слушать. Вряд ли ты сейчас со мной согласишься, но я считаю, что мы должны возблагодарить судьбу. Оказаться узниками малазанцев гораздо лучше, чем быть рабами Сильгара. Конечно, меня вполне могут казнить как обычного преступника, кем, собственно говоря, я и являюсь. И все же я надеюсь, что до таких крайностей не дойдет, а нас с тобой отправят на имперские рудники в Семиградье. Но туда еще надо доплыть, а путь далекий. Очень далекий. На море разное случается: то буря налетит, то пираты. Кто знает, как дело обернется? Может, даже и сами рудники не так страшны, как о них рассказывают. Жду не дождусь, когда у тебя в руках окажется кирка. Разве тебе не хочется позабавиться?

– Больше всего мне хочется отрезать тебе язык. Чем не забава?

– Да ты, я вижу, понимаешь шутки, Карса Орлонг! Вот уж не думал. Скажи, а чего еще ты хочешь, кроме как оттяпать мне язык? Говори, не стесняйся.

– Я проголодался.

– К вечеру мы доберемся до Кульвернской переправы. Из-за тебя мы тащимся еле-еле. Ты один вешишь больше, чем Сильгар с его четырьмя головорезами. Эброн говорил, что по крови твое племя чище, чем суниды. И злее, это уж наверняка. Помню, когда я еще был мальчишкой, в Даруджистан как-то забрели лицедеи с громадным серым медведем. Его держали на толстой цепи. Аккурат у Напастиных ворот – есть там у нас такое местечко, сразу за городской стеной – поставили вместительный шатер и брали за вход по одной серебряной монете.

Денег у меня не водилось, но я ухитрился подлезть под шатер. Народу там было! Всем хотелось поглазеть на серого медведя. Мы ведь считали, что они якобы вымерли много веков назад.

– Ну и дураки, коли так считали.

– Конечно, дураки. В общем, зеваки туда валом валили. Кончилось тем, что зверюга взбесился. Рванул цепи, и они разлетелись, словно венки из травы. Видел бы ты, что там началось! Народ ошалел, все бросились кто куда. Меня едва не задавили. Хорошо еще, удалось заползти в укромный уголок. Медведь расшвыривал людей, как щепки, а потом убежал на Гадробийские холмы. Больше его не видели. Говорят, правда, что он жив до сих пор. Случается, нападает на стада, а то и пастухом закусит. Так я к чему это вспомнил-то? Вот и ты, урид, напоминаешь мне того медведя. У тебя точно такой же взгляд. Ты одними глазами говоришь: «Цепи меня не удержат». Мне просто не терпится увидеть, что же будет дальше.

– Я – не медведь, Торвальд Ном, и прятаться не побегу.

– Об этом не может быть и речи. Кстати, знаешь, как тебя будут грузить на тюремный корабль?

– Опять незнакомые слова. Что такое «тюремный корабль»?

– Корабль – это очень большая лодка; она плавает по очень большому озеру, которое называется морем. А тюремный – потому что на нем возят узников вроде нас с тобой... Так вот: малазанцы снимут с повозки колеса, а днище вместе с тобой погрузят на корабль. Вот так ты и поплывешь до самого Семиградья.

Повозка тряслась по глубоким каменистым колеям. Голова Карсы угрожала расколоться от боли. Он закрыл глаза.

– Эй, урид! Ты меня слышишь? – не унимался Ном.

Великан не отвечал.

– Ну вот, опять чувств лишился, – вздохнул даруджиец. – И поговорить не с кем.

«Веди меня, воитель. Веди меня».

Мир низинников оказался совсем не таким, каким его представлял Карса, слушая рассказы деда. Низинники были одновременно слабыми и сильными, чего он никак не мог понять. Они строили диковинные жилища, громоздя одну хижину на другую. На берегу он видел лодки размером с теблорский дом. Выезжая в поход, Карса думал, что со времен Палика в селении низинников добавилось всего лишь несколько зданий. А оказалось – у них там огромное селение с непривычным названием «город». Да и вели себя низинники по-разному: одни трусливо разбежались, тогда как другие стояли до конца.

Но самым ужасающим зрелищем были рабы-суниды. Это до какой же степени надо было сломить дух теблорского племени! Палику бы такое и в страшном сне не приснилось.

«Ничего, я разорву цепи сунидов. Клянусь Семерым богам, я сделаю это. Отныне рабами станут низинники, и я отдам их сунидам... Хотя нет, пожалуй, это неправильно. Не стоит уподобляться низинникам».

Карса решил, что он просто накажет тех, кто виновен. И никаких пыток. Удар мечом – и все. Пытки недостойны воина.

Далее его мысли перекинулись на малазанцев. Это племя в корне отличалось от натианцев. Воины-завоеватели, не побоявшиеся приплыть издалека. Придерживаются строгих законов. У них не рабы, а узники... впрочем, похоже, разница лишь в названии. Его все равно ждет принудительная работа.

Нет, это ему никак не подходит. Ссылка на рудники – это наказание, предназначенное для того, чтобы вначале подмять дух воина, а со временем и полностью сломить его. Что и говорить, очень похоже на участь сунидов.

«Но такого не случится. Я – урид, а не сунид. Как только малазанцы поймут, что мною невозможно помыкать, они меня убьют. И чем раньше они в этом убедятся, тем скорее мне наступит конец. Стало быть, нужно, чтобы они узнали это как можно позже, иначе повозка –

последнее, что я вижу. Торвальд Ном назвал терпение мудростью узника. Прости меня, Уригал. Я вынужден познать эту мудрость. Я должен продемонстрировать своим врагам внешнюю покорность».

Карса мысленно усмехнулся. Вряд ли малазанцев можно так легко провести. Они слишком умны и не поверят во внезапную перемену его настроения. Здесь нужно придумать что-то другое.

«Делом Торд, теперь ты поведешь меня. То, что я считал твоей потерей, станет моей находкой. Ты идешь впереди, указывая мне путь. Враги надеются сломить мой дух. Но они никогда этого не дождутся. Поврежденный рассудок – вот что они увидят».

Юноша рассудил, что в это его тюремщики наверняка поверят: ведь малазанский сержант сильно его покалечил. Мышцы шеи и сейчас еще были словно бы не свои. Что ни вздох, то волна боли. Карса старался дышать пореже. Ничего, он преодолеет телесные увечья. А вот дух теблоров и впрямь сломлен, и низинники тут ни при чем.

Веками его соплеменники жили так, будто они одни на целом свете. А низинники тем временем плодились, делаясь все опаснее. Теблоры же баюкали себя сказками о собственной непобедимости и даже перестали защищать свои границы. И неудивительно, что с юга поползла зараза. Низинники оказались умнее и хитрее. Достаточно сгноить дух народа, и тогда воевать с ним уже не понадобится. Пусть суниды никогда не были особо сильными – они все равно часть теблоров. Случившееся с ними может повториться и с другими племенами. Сородичам Карсы будет нелегко принять горькую правду, но еще хуже беспечно отмахнуться от нее или сознательно закрыть на нее глаза.

Карса привык считать Палика героем. Мальчик рос, мечтая повторить подвиги деда. А теперь неизбежно задавался вопросом: да были ли они вообще – славные деяния, совершенные доблестным воином Паликом? Или дед попросту раздул себе славу? Вернись он тогда из похода и честно расскажи о низинниках, – его предостережения были бы услышаны. Но Палик выбрал почести и подарил этим коротышкам несколько веков на приготовления. Они не торопились; их вторжение было медленным и потому почти незаметным. Как же они радовались тому, что теблоры воюют друг с другом. А ведь знай теблоры о коварном общем враге, они бы давно уже прекратили междоусобицы.

Думы Карсы становились все более мрачными. С какого конца ни зайди – Палик был виновен в величайшем преступлении перед народом теблоров. Ему не хватило мужества объявить соплеменникам: дальше жить по-старому нельзя. Закон Уединения исчерпал себя и теперь угрожал самому существованию теблоров.

«Должно быть, мой отец понял все это уже давно», – вдруг подумалось юноше.

Повозку тряхануло. Карса стиснул зубы и зажмурился. Он затаил дыхание и стал ждать, когда боль схлынет.

«Твои сомнения, – мысленно обратился он к Синигу, – казались мне слабостью. Твое нежелание участвовать в постоянных межплеменных стычках, где тешат собственную гордость и проливают кровь, я считал трусостью».

Но если отец давно уже все понял, то почему же он молчал? Почему не поделился своими сомнениями с единственным сыном? Синиг лишь смеялся над честолюбивыми замыслами отпрыска... С другой стороны, разве стал бы Карса его тогда слушать?

«Может, отец, ты что-то знал о мире низинников и предвидел, чем закончится наш поход? Что ж, сейчас ты бы наверняка злорадно усмехнулся, увидев меня таким – раненым и беспомощным. Но самые первые раны нанес мне ты, отец. Я весь теперь – одна сплошная рана. Ох, как же я устал!»

Внезапно Карса устыдился собственной слабости. Ну при чем тут отец, если сам Уригал сейчас рядом с ним? И остальные боги тоже. Их сила сделает воителя неуязвимым перед любыми попытками сломить его дух. Он обязательно вернется в родные края, и тот день станет

концом прежней жизни теблоров. Он, Карса Орлонг, объединит племена сородичей и поведет их на низинников.

Все, что было с ним до сих пор, и даже нынешний его плен – не более чем приготовления к грядущему возмездию. Да, Карса Орлонг станет мечом возмездия. Враги и не подозревают, что сами оттачивают этот меч.

«И теблоры, и низинники ослеплены собственным могуществом. Я принесу и тем и другим прозрение. Только не сетуйте, – обратился к ним юноша, – что вашим глазам будет больно от света!»

С этой мыслью Карса вновь провалился в беспамятство.

Его разбудили оживленные голоса. В воздухе пахло пылью, лошадиным потом и какой-то пряной пищей. Повозка под ним больше не тряслась. Отовсюду доносились звуки: голоса людей, конское ржание, стук и лязганье каких-то предметов. Но даже они не могли заглушить шум быстро несущихся речных вод.

– Вроде бы опять очнулся, – сказал Торвальд Ном.

Карса открыл глаза.

– Мы добрались до Кульвернской переправы, – сообщил ему даруджиец. – А тут вдруг буря поднялась. И ветра не понадобилось. Вести с юга дошли, вот эти вонючие натианцы в своем вонючем городишке и подняли кипеж. А уж как малазанские солдатики взбудоражены! Еще бы: их армия наконец-то захватила Крепь. Там было кровопролитное сражение. Конечно, не обошлось без магии. Знаешь, что самое удивительное? Семя Луны улетело. Я так думаю, что в Даруджистан. Эх, жаль, меня там не было! Представляешь, какое зрелище, когда глыба базальта плывет над озером? Наши малазанцы тоже сокрушаются, что сражение прошло без них. Не понимают, дурни, что могли бы сейчас валяться возле Крепи, зажаренные магическим огнем. Но солдаты есть солдаты.

– Это ты правильно сказал, – отозвался запрыгнувший на повозку Осколок. – Ашокский полк заслуживает большего, чем ошиваться в здешней глуши и ловить разбойников и рабовладельцев.

– Насколько понимаю, вы и есть Ашокский полк? – уточнил Торвальд.

– Угадал. Все как один – много где повоевали и навидались разного.

– Тогда странно, капрал: почему таких опытных вояк не послали на юг?

Осколок поморщился.

– Почему, почему? – пробормотал он, отворачивая лицо. – Мы же все из Семиградья, и потому эта сучка, ясное дело, нам не доверяет.

– Прошу прощения, вы имеете в виду императрицу? – любопытствовал Ном.

– А кого же еще? – огрызнулся Осколок.

– Но если Ласин вам не доверяет, то зачем же она тогда отправляет вас на родину? Разве Семиградье не находится на грани мятежа? А вдруг вы переметнетесь на сторону бунтовщиков? Разумнее было бы оставить ваш полк на Генабакисе.

Осколок недовольно покосился на Ному:

– И чего это меня дернуло болтать с тобой, ворюга? Вдруг ты – один из шпионов Ласина? Когти под кого только не рядятся.

– Если так, капрал, то в своем тайном донесении я обязательно отмечу, как тут со мной обращались. И о тебе отдельно напишу. Кажется, твое имя – Осколок? Маленький такой кусочек битого стекла. И вот этот-то кусочек осмелился назвать императрицу сучкой.

– Заткнись! – прорычал малазанец.

– Бывает, что всего лишь одно слово кардинально меняет судьбу, капрал.

– Я смотрю, ты больно умный!

Сердито зыркнув на Ному, Осколок соскочил с повозки и растворился в сумерках.

– Эй, Карса Орлонг, как, по-твоему, напугал я этого капрала? – помолчав, спросил Ном.

– Мне нет дела до ваших разговоров, – почти шепотом ответил Карса. – А теперь, Торвальд Ном, слушай, что я тебе скажу. У меня был соратник по имени Делюм Торд. По пути в город низинников его сильно ранили в голову. У Делюма треснул череп, и оттуда вытекла мыслекровь. А всем известно, что потерявший мыслекровь теряет также и рассудок. Делюм был грозным воином, а стал совсем беспомощным и безвредным, словно младенец. То же самое случилось и со мной. Малазанец ударил меня лопатой, повредил череп, отчего мыслекровь вытекла, и...

– Твой рассудок ушел и не вернулся, – засмеялся Ном.

– Да не кричи ты! Здесь хватает лишних ушей. Говори потише. Когда я очнулся, ты заметил...

– Понимаю, – уже шепотом перебил его Ном. – Я заметил, что ты здорово повредился в уме. Тебе ведь именно это надо, да? Хорошо, я скажу малазанцам, что ты бормочешь какие-то бессвязные слова, что-то поешь, меня не узнаешь и на вопросы не отвечаешь. Ладно, великан. Я готов тебе подыгрывать, но при одном условии.

– Какое еще условие?

– Когда ты исхитришься бежать, то освободишь и меня тоже. Для тебя это сущий пустяк, но я хочу, чтобы ты прямо сейчас дал мне честное слово.

– Тогда слушай. Я, Карса Орлонг из племени уридов, обещаю, что не брошу тебя.

– Хорошо. Мне понравилось, как ты сказал. Похоже на правду.

– Это и есть правда. И не насмехайся надо мной, а то я убью тебя сразу после освобождения.

– Твои слова меня настораживают, и я вынужден взять с тебя вторую клятву.

Теблор зарычал было, но быстро заставил себя успокоиться и сказал:

– Я, Карса Орлонг, клянусь, что не стану убивать тебя после освобождения, если только к тому не будет веских причин.

– Каких именно? Я должен о них знать.

– Все даруджийцы такие зануды?

– К твоему счастью, не все. Ладно, я тебе подскажу. К уважительным причинам могут относиться следующие: предательство, покушение на убийство и, само собой, насмешки. Это весь список, или я что-то забыл?

– Добавь сюда свою болтовню.

– Здесь мы с тобой, великан, вступаем на скользкую и опасную тропу. Видишь ли, какое дело: мы оба выросли в разных местах и в разных условиях. У даруджийцев свои привычки, у теблоров свои.

– Даруджистан будет первым городом, который я завоюю, – объявил Карса.

– Боюсь, малазанцы тебя опередят. И учти: мой любимый родной город еще ни разу не был завоеван. Он находится под особым покровительством богов. Наверное, им нравится пьянствовать в наших тавернах... Тише, сюда кто-то идет.

Карса прикрыл глаза. В повозку забрался сержант Канат. Он долго разглядывал Ному, а потом хмыкнул:

– Вроде бы не похож ты на когтя. Правда, я слышал, что их не всегда и распознаешь.

– Абсолютно верно, сержант.

Канат повернулся к Карсе, и теблор полностью закрыл глаза.

– А этот как? Приходил в сознание?

– Глаза открывал, но вот насчет сознания... Мычит, слюни пускает и бормочет невесть что. Я пытался с ним говорить, но бесполезно. Великан не обращает на меня никакого внимания. Видно, ты вышиб ему мозги, если, конечно, они у него вообще были.

– Может, оно и к лучшему, – усмехнулся Канат. – Теперь хоть не попрут на нас... Так на чем мы с тобой остановились?

– Ты пытался понять, не являюсь ли я когтем.

– Вот-вот. Даже если и так, мы будем обращаться с тобой как с разбойником, пока ты не представишь нам доказательств обратного. Ты наравне со всеми отправишься на отатараловые рудники. Так что если ты и впрямь коготь, то до отплытия из Генабариса у тебя еще есть время. А уж потом – быть тебе узником на руднике. Так что советую поторопиться.

– Если только, – многозначительно улыбнулся Ном, – для выполнения возложенной на меня миссии я не должен оказаться именно там.

Выругавшись сквозь зубы, Канат спрыгнул на землю.

– Загоняйте эту проклятую повозку на паром! – раздался его крик. – Да поживее!

Ворчливо заскрипели колеса. Быки с угрюмым мычанием тронулись с места.

Торвальд Ном со вздохом закрыл глаза и привалился к стенке.

– Опасную игру ты затеял, – шепнул ему Карса.

– Игру? – встрепенулся даруджиец, поглядев на него. – Да, теблор, ты прав, я и впрямь затеял игру. Но только не ту, которую ты имеешь в виду, а совсем другую. – Воитель презрительно фыркнул. – Не торопись делать выводы, великан.

– Я уже сделал их, – ответил Карса, и его слова потонули в отчаянном скрипе колес. – А к списку веских причин я, пожалуй, добавлю еще одну: я буду вправе тебя убить, если ты и впрямь окажешься когтем.

– А много ли ты знаешь о когтях, уридский воин?

– Мне хватило и того, что они – малазанские лазутчики. А стало быть, мои враги.

– Так ты раздумал убивать меня за чрезмерную болтовню?

– Ладно, там видно будет.

– Ну что ж, и на том спасибо, – ответил ему Торвальд Ном.

Как ни странно, необходимость постоянно разыгрывать из себя тронувшегося умом стала для Карсы лучшим способом сохранить рассудок. Малазанцы не били и не пытали узника. Они всего лишь везли его распластанным и прикованным к днищу повозки. День за днем, неделю за неделей. Перед такой пыткой бледнели любые тяготы и лишения, когда-либо выпадавшие на долю теблоров. Оводы, мухи, комары, мошки – вся эта летучая рать нападала на Карсу и кусала его днем и ночью. Тело воителя превратилось в одну зудящую глыбу. Раньше он удивлялся, каким образом насекомые ухитряются довести до бешенства громадных лесных зверей. Теперь он это понял.

В конце каждого дня на Карсу выливали несколько ведер ледяной воды, смывая грязь на нем и под ним. Потом кучер – старый, отвратительно пахнувший натианец – кормил его ужином, состоявшим из клейкого варева и жилистого мяса. Все это возница приносил в закопченном железном котелке и, поддевая деревянным черпаком, вливал Карсе в рот, обжигая ему щеки, губы и язык. Поскольку эта пытка повторялась ежедневно, ожоги не успевали зажить.

К счастью, Торвальд Ном сумел уговорить возницу, и тот передал ему заботы по кормлению пленного теблора. Ном дожидался, пока варево остынет, а потом осторожно переправлял его Карсе в рот. Через несколько дней ожоги исчезли.

Больше всего юношу заботило, как бы тело у него не омертвело. Ночью, когда можно было не опасаться, что в повозку запрыгнет кто-нибудь из малазанцев, он сгибал и разгибал руки и ноги, насколько позволяли цепи. И все равно тело ломилось от неподвижности, и с этим Карса уже ничего не мог поделать.

Иногда его охватывало отчаяние. Этого Карса боялся больше всего: воин, поддавшийся отчаянию, уже ни на что не годен. И он нашел способ противостоять разрушительным мыслям. Едва только они начинали вползать в его сознание, юноша принимался думать о форкассалской

демонессе, которую они с Байротом и Делюмом освободили из-под гнета каменной плиты. Он хотя бы видит чередование дня и ночи, дышит чистым воздухом. А демонесса несколько тысяч лет провела во тьме и затхлости! И ведь не сдалась: отчаянно царапала землю, углубляя свою яму. Она расширяла себе пространство, не зная, освободят ли ее когда-нибудь. Однако для Карсы все равно оставалось загадкой, *как* бедняжке удавалось не сойти с ума и не умереть от безысходности.

Мысли о мужественной демонессе успокаивали дух Карсы, но лишь отчасти. Теблорский воин понимал, что тело его все равно слабеет. Шершавые бревна, из которых было сделано днище повозки, до крови натирали ему спину. Как юноша ни старался, он не мог привыкнуть к заскорузлой одежде и собственному зловонию. Да вдобавок еще и армия насекомых-мучителей возросла: теперь к ней прибавились также вши и блохи.

Чтобы не вызывать у малазанцев подозрений, Торвальд Ном разговаривал с Карсой так, будто тот был малым ребенком или собакой: ласковым, мягким, даже нежным голосом. Болтливость Ном из проклятия незаметно превратилась в спасение. Карса вдруг понял, что нуждается в словах и даже цепляется за них.

Слова питали его дух, не давая голодать. Они отмеряли время; Ном учил Карсу языку малазанцев, рассказывал ему о местах, через которые проезжала повозка. Оказалось, что у низинников много городов и тот, где Карсу захватили в плен, был далеко не самым большим. Миновав Кульверн, малазанский караван добрался до места со странным названием Нинсано-Ров. Торвальд объяснил Карсе, что это достаточно крупный город. Толпа ребятишек забралась в телегу и принялась колоть теблора острыми палками, пока Канат не выхватил у возницы кнут и не отогнал их. Следующим на пути был Мальмост – город, почти равный по величине Нинсано-Рву. Еще через семнадцать дней повозка въехала под широкие каменные ворота Таниса и дальше покатила по мощеной улице. Карсу поразили здешние дома. Почти все они были каменными и состояли из трех или даже четырех хижин, поставленных друг на друга. Куда ни глянь – повсюду толпы низинников. Карса даже не предполагал, что мир так населен.

Танис оказался портовым городом, стоявшим на восточном берегу моря Мэлин. Вода здесь пахла солью, совсем как в некоторых источниках на границе ратидских земель. Но если та вода ни на что не годилась (старейшины даже утверждали, что якобы всему виной близость ратидов), то по морю Мэлин можно было плавать на кораблях. Путь из Таниса в город Мэлин-теас занял четыре дня и три ночи.

Все произошло именно так, как и предсказывал Ном. С повозки сняли колеса и стенки. Наконец-то Карса вновь увидел мир с высоты своего роста. Но погрузка на корабль превратилась в новую пытку. Воитель повис на цепях, впившихся в его искусанное тело. Все суставы ходили ходуном и скрипели. Новая боль затмила собой прежнюю. Не выдержав, Карса закричал. Крик великана разносился над Танисской гаванью, пока кто-то из малазанцев не влил ему в глотку жидкость со странным запахом. Она обожгла все внутренности, перед глазами встала белая пелена, и Карса потерял сознание.

Очнувшись, теблор обнаружил, что днище повозки по-прежнему поставлено стоймя. Но теперь оно было привязано к толстому бревну, которое даруджиец именовал мачтой. Самого Ном приковали рядом, велел ему приглядывать за Карсой.

Корабельный лекарь смазал ему распухшие суставы какой-то мазью. Телесная боль припустилась, однако голова продолжала болеть. Вдобавок Карса испытывал непонятную тошноту.

– Что, мутит тебя? – шепотом спросил Ном. – Это, дружище, называется похмельем. Ты даже не представляешь, чем пожертвовали малазанцы, чтобы только заткнуть тебе глотку. Они влили в тебя здоровенную флягу рома. Половину ты почти сразу вывернул на палубу. Увы, уже не в том виде, иначе бы я пополз облизывать доски. Что смотришь? Да, великан, иногда телесные потребности берут верх, так что забываешь о чувстве собственного достоинства... Нам

бы не помешало чем-нибудь прикрыться, не то мы оба подцепим лихорадку и начнем бредить. Впрочем, ты уже начал. К счастью, на языке теблоров, который здесь едва ли понимают. Еще скажу, что мы временно расстались с капитаном Добряком и его солдатами. Они плывут на другом корабле... Кстати, а кто такая Далисса? Можешь не отвечать. Видно, она здорово тебе насолила, раз ты наобещал ей целую кучу ужасов. Но вряд ли ты в ближайшее время увидишь эту самую Далиссу. Вот что, приятель, сейчас тебе нужно будет привыкать к морской качке. В Генабарисе нас перегрузят на другой корабль. Тот поплывет уже по Менингальскому океану.

Корабельные матросы – в основном малазанцы – обходили Карсу стороной. Всех остальных узников разместили в трюме, однако днище повозки не пролезало в узкое пространство трюмных сходней. Капитан Добряк распорядился ни в коем случае не снимать с Карсы цепей. Похоже, этот бдительный офицер, даже видя перед собой слабоумного великана, не верил собственным глазам. Ном говорил, что подозрительности Добряка хватило бы на целый полк. Пока же Карсе удавалось водить малазанцев за нос. Со стороны все выглядело так, будто лопата сержанта и впрямь вышибла из теблора разум, превратив грозного воина в безобидного теленка. Пустые глаза, без единого проблеска мысли, и вечная улыбка: тупая, непонимающая. Что и говорить, достойный спутник для болтливового разбойника!

– Рано или поздно малазанцам придется отцепить тебя от этого днища, – шепотом продолжал даруджиец, уставившись в вечернее небо. – Весь вопрос: когда? Возможно, тебе придется терпеть этот панцирь до самых рудников. Держись, Карса Орлонг. Тебе еще долго придется корчить из себя слабоумного. А кстати, у тебя это здорово получается. В последние дни даже я поверил. Скажи, ты еще не разучился соображать?

Карса лишь хмыкнул в ответ. Порой он и сам начинал сомневаться, не слишком ли заигрался. Иногда целые дни выпадали из его памяти, и на их месте зияли провалы. Это больше всего пугало юношу. Продержится ли он до конца? Трудно сказать.

Карса немало удивился, когда вместо одного Мэлинтеаса увидел... целых три. Корабль подплывал к городской гавани. Взору Карсы открылись три высокие насыпи, на каждой из которых стояла крепость. Средний холм уходил вглубь берега дальше крайних. Видом своим крепости даже отдаленно не были похожи друг на друга. Левая – приземистая и довольно грубо построенная – показалась Карсе самой причудливой. Теблора поразил цвет ее стен: темно-желтый, почти оранжевый. Наверное, раньше они были намного ярче, но время приглушило краски... Центральную крепость застилала пелена дыма, который поднимался из труб многочисленных домов и домишек, заполнявших пространство между насыпями. Эта цитадель выглядела более старой и ветхой. Ее стены, башни и купола были тускло-красного цвета... Правую крепость возвели на самой кромке береговой скалы. Подобно лицу старого воина, она была вся испещрена шрамами, поскольку в прошлом не раз подвергалась нападению с моря. Камни, выпускаемые из корабельных метательных орудий, разбивали стены. Трещины никто не латал. Одна из башен совсем накренилась, угрожая обрушиться в воду. О том, что в крепости кто-то есть, говорили лишь флаги, трепетавшие над остальными ее башнями.

Присмотревшись к городу, Карса заключил, что здесь вынуждены жить бок о бок три различных племени. Каждое возводило строения на свой манер. Границами служили широкие улицы. Пока воитель раздумывал о возможных причинах такого соседства, корабль вошел в гавань, полную рыбацких лодок и судов, на которых перевозят товары.

Торвальд Ном встал. Его ржавые цепи лязгнули. Даруджиец запустил пальцы в свою всклокоченную бороду.

– Мэлинтеас, – вздохнул он. – Странное местечко. Все три народа – натианцы, генабарийцы и коривийцы – утверждают, что эти земли издревле принадлежали только им. Они бы и сейчас резали друг другу глотки, если бы малазанцы не установили здесь свое правление, разместив в городе три роты Ашокского полка. Глянь-ка на ту наполовину развороченную крепость. Так и стоит со времен войны между натианцами и коривийцами. Помнится, натианцы

тогда весь залив запрудили своими кораблями. Лупили по крепости каменными ядрами. Ну и коривийцы, ясное дело, в долгу не оставались. И тут вдруг, в самый разгар их взаимной резни, появились малазанцы. Дуджек Однорукий, три легиона Второй армии, сжигатели мостов и парочка высших имперских магов. Это все, чем располагал тогда Дуджек. Но к концу дня натианский флот осел на илистом дне залива, генабарийские правители, пытавшиеся схорониться за стенами своей кроваво-красной крепости, были перебиты, а коривийцы сдались.

Корабль пришвартовался к широкому каменному причалу. Матросы готовились спрыгнуть туда и закрепить судно канатами. Торвальд смотрел на них и улыбался.

– Думаешь, теперь здесь все тихо и спокойно, пусть даже хрупкий мир держится на мечах и копьях малазанцев? Так-то оно так, но только малазанский наместник вот-вот лишится двух своих рот. Разумеется, ему посулили пополнение. Однако когда он еще дожидается обещанных солдат? Сколько их пришлют и откуда? Видишь, теблор, какое количество трудностей появляется, если племя становится слишком многочисленным? Чем больше людей, тем сложнее ими управлять. Это все равно как попасть в туман, где приходится двигаться на ощупь.

Рядом с Карсой кто-то зашелся кашляющим смехом. Потом он увидел лысого кривоногого мужчину, командовавшего матросами. Тот глядел на своих подчиненных и язвительно улыбался.

– Забавно слушать, как главарь разбойников рассуждает о государственных делах, – сказал он на натианском наречии. – И где же, интересно, ты поднабрался такой мудрости? Наверное, не смог совладать с дюжиной своих головорезов? Одного только не пойму: зачем ты распинаешься перед этим болваном? Он же ни одного твоего слова не понимает. Хотя тебе, поди, слушатели нужны? Уж лучше разговаривать с таким, чем с мачтой, да? Все вроде живая душа. Мели что хочешь: не перебьет и спорить не будет.

– Каждый по-своему коротает время, – пожал плечами Торвальд Ном. – Особенно когда не сам им распоряжается. А позвольте узнать, господин первый помощник, долго ли мы стоим в Мэлинтеасе?

– Тебе-то не все равно? – огрызнулся натианец. – Узникам увольнение на берег не положено.

– Да я просто так спросил, любопытно стало.

– Хорошо, скажу. Пару дней – это точно. Здесь мы возьмем на борт шесть взводов малазанских солдат и поплывем в Генабарис. Там вы все покинете наш корабль, и я наконец-то забуду о вашем существовании.

– Чувствую, вас что-то тревожит. Или в Мэлинтеасе не так спокойно, как кажется?

Первый помощник капитана смерил даруджийца долгим взглядом.

– Больно масляный у тебя голос, разбойник. Такие обычно у когтей бывают. Впрочем, мне все равно. Можешь настрочить в своем доносе: в Мэлинтеасе хватает солдат Багровой гвардии, и они всячески подстрекают коривийцев к мятежу. Дошло уже до того, что вечером малазанские караульные ходят не иначе как по два взвода. А теперь мы вдобавок еще и лишаемся двух третей наших сил. Словом, положение в Мэлинтеасе очень шаткое.

– Неужели императрица не знает? – удивился Ном.

– А это ты у нее спроси.

Заметив отлынивающих от дела матросов, натианец двинулся к ним, на ходу осыпая лентяев ругательствами.

Торвальд Ном снова запустил руки в бороду.

– Багровая гвардия?.. Это будет посерьезнее грызни натианцев с коривийцами. Ох, не завидую я наместнику.

Карса все чаще впадал в беспамятство. Поначалу он боялся этих «прыжков в пустоту», а потом перестал. Они по крайней мере приносили избавление от боли.

Днище повозки качалось и подпрыгивало. Карса подумал, что его сбросили за борт. Он открыл глаза и увидел, что висит в воздухе. Тело несколько сместилось, и натянувшиеся цепи врезались в самые чувствительные места. Днище было привязано к двум толстым канатам. Извиваясь, они ползли вверх. Матросы на берегу становились все меньше, а небо, в котором парили чайки, – все ближе. Засмотревшись на птиц, юноша и не заметил, как окончилось его воздушное путешествие.

Его втащили на среднюю палубу огромного корабля, полную малазанских низинников. Уши теблора наполнились гулом десятков голосов. Повсюду громоздились ящики и тюки, которые по желобам опускали внутрь судна.

Канаты натянулись. Днище вместе с Карсой встало возле главной мачты. Она была раза в два толще, чем на прежнем корабле. Отцепив канаты, матросы проворно привязали теблора к мачте и отошли подальше.

Великан улыбался.

– Вас напугала его жуткая улыбка? – услышал он голос Торвальда Ном. – Поверьте мне, этот человек безобиднее мухи. Можете не волноваться, если, конечно, вы не напичканы различными морскими суевериями.

Кто-то со всей силы ударил Торвальда. Даруджиец упал к самым ногам Карсы. Из разбитого носа полилась кровь. Ном очумело моргал, однако не делал попыток встать. К нему подошел какой-то странного вида низинник. Невысокого роста, широкоплечий. Больше всего Карсу удивил цвет его кожи: она была не белой и не черной, а серовато-синей. Чувствовалось, здесь он – большой начальник. Возможно, даже предводитель корабля. Или, как говорят у низинников, капитан.

Низинник взглянул на главаря разбойников, а потом на притихших матросов.

– У них это называется «пырнуть с поворотом»! – заорал он на малазанском наречии. – А вы, как стадо баранов, купились, поймались на его уловки.

Взгляд синекжего низинника вернулся к Ному.

– Запомни, узник: еще раз ляпнешь что-нибудь подобное, я отрежу тебе язык и приколочу его к мачте. И если вы оба нарушите установленный на корабле порядок, я свяжу вас вместе и вышвырну за борт. Ты понял меня?.. Я не слышу ответа! Если прикусил язык, просто кивни!

Вытерев окровавленное лицо, Торвальд Ном торопливо закивал.

Синекжий низинник подошел к Карсе.

– А ну-ка, великан, сотри с лица свою дурацкую улыбку, иначе я срежу ее кинжалом. Жрать можно и без губ, да и киркой махать на руднике – тоже.

Карса молча таращился на него.

– Ты слышал меня?

Торвальд поднял дрожащую руку.

– Господин капитан, позвольте объяснить: он вас не понимает, ему ум отшибли.

– Боцмана ко мне!

– Я здесь, капитан.

– Завяжи этому идиоту пасть.

– Слушаюсь.

Карсе плотно обвязали рот куском просоленной мешковины, натянув ее почти до середины носа.

– Не перестарайся, болван. Он же так задохнется.

– Виноват, исправлюсь.

Боцман спустил тряпку пониже и ослабил узел.

– Ну а вы что зенки вылупили? – накинулся на матросов синекжий.

Матросов как ветром сдуло. Когда капитан скрылся, Торвальд Ном встал.

– Ты уж прости меня, Карса, – промямлил он разбитыми губами. – Ты потерпи немного. Я потом сниму эту тряпку. Но когда я сниму ее, перестань улыбаться. Очень тебя прошу...

«Зачем ты пришел ко мне, Карса Орлонг, сын Синига и внук Палика?»

Их каменные лики – один рядом, а другие поодаль – юноша видел сквозь туманную пелену. Все семь.

– Неужели, Уригал, я стою сейчас пред тобою? – удивился Карса.

«Твой дух, но не тело. Твой дух сумел покинуть смертную темницу».

– Уригал, я... не выполнил данных тебе клятв.

«Не выполнил, Карса Орлонг. Ты покинул нас. Теперь и мы тоже покидаем тебя. Мы вынуждены искать другого воина, превосходящего тебя силой и стойкостью. Того, кто не сдастся врагам и не убежит с поля боя. Мы ошиблись в тебе, Карса Орлонг».

Туман то густел, то истончался. Воитель стоял на вершине холма, который медленно оседал. От его рук вниз по склону тянулись цепи. Сотни оков, уходящих во все стороны. Туман сделался радужным. Концы цепей скрывались в нем, и там происходило какое-то движение. Услышав хруст, Карса опустил глаза. Оказывается, он стоял на костях. То были кости теблоров и низинников. Весь холм целиком состоял из костей.

И вдруг цепи опали. Радужный туман двигался к нему, и то, что скрывалось за туманом, тоже двигалось.

Молодого воина охватил ужас.

Из тумана появлялись трупы. Многие были обезглавлены. У каждого в груди зияла рваная рана, и туда уходила цепь. Мертвецы протягивали к Карсе руки; их пальцы с длинными ногтями непрерывно шевелились. Достигнув подножия холма, покойники начали карабкаться вверх. Они спотыкались и падали, но снова поднимались и карабкались дальше.

Юноша силился убежать, но кости не пускали. Они крепко опутали ему ноги.

«Веди нас, воитель!» – слышалось со всех сторон.

«Веди нас, воитель!» – повторяли полуистлевшие глотки.

Карса закричал.

«Веди нас, воитель!»

Руки мертвецов были совсем рядом. Ногти царапали воздух, приближаясь к его лицу.

Кто-то ухватил Карсу за ступню.

Голова его запрокинулась, громко стукнувшись о доски. Он глотнул воздуха, и тот струей песка потек ему в горло. Карса закашлялся и открыл глаза... Перед ним слегка покачивалась палуба корабля. На палубе стояли матросы и молча глядели на него.

Нижняя часть лица все еще была завязана мешковиной. Карса продолжал кашлять, обжигая себе легкие. В горле творилось что-то непонятное, словно там оборвались все жилы. Наверное, он кричал. Кричал долго, не переставая, и теперь в глотке образовался комок, не пускавший воздух.

Карса понял, что умирает.

«Мы решили пока не бросать тебя, – слышалось у него в мозгу. – Дыши, Карса Орлонг. Дыши, если не хочешь вновь увидеть свою смерть. Дыши».

С него наконец-то сорвали ненавистную тряпку. В легкие хлынул холодный воздух.

Глаза слезились, и Карса плохо видел стоящего рядом Торвальда Номы. Лицо и борода даруджийца потемнели. Ном о чем-то его спрашивал, громко выкрикивая слова, однако Карса почти ничего не слышал. Слова, будто камни, отлетали прочь, ударяясь о застывших, охваченных страхом малазанцев.

Карса поднял глаза и не узнал неба. Там клубились тучи – серые, лиловые и черные. Между ними светились красновато-коричневые разрывы, напоминающие раны. Надвигалась буря. А из разрывов опускались... цепи. Они хлестали море на всем его протяжении, до самого

горизонта. Сотни толстых черных цепей. Воздух трещал и осыпался красноватой пылью. Теблору стало страшно.

Он вспомнил рассказы Нома о морских бурях, когда ветер... Однако ветра-то как раз и нет. Громадные тряпки на мачтах (низинники называли их парусами) обвисли. И волн вокруг корабля тоже не было. Он скользил по стоячей воде, похожей на поверхность пруда. А буря все равно надвигалась.

К ним подошел матрос с жестяной кружкой. Он молча подал кружку Торвальду, и тот поднес жестянку к потрескавшимся губам великана. Вода была противной на вкус и обжигала горло. Карса отвернулся.

Торвальд Ном продолжал говорить. Тихо, настойчиво. Постепенно до Карсы стал доходить смысл его слов:

– ...мы думали, ты уже не очнешься. Только по биению сердца и узнавали, что ты еще жив. Знаешь, сколько прошло времени? Ты не поверишь: несколько недель. Это просто чудо, что ты не умер. У тебя все тело усохло. Сплошные кости – даже там, где их быть не должно.

Ном сделал новую попытку напоить Карсу. Тот оскалил зубы.

– А потом вдруг наступил странный штиль. И так длилось много дней подряд. Ни облачка на небе... вплоть до сегодняшнего дня. Первое появилось, когда ты шевельнулся. Ты запрокинул голову и начал кричать... Я понимаю, дружище. Вода успела протухнуть. Но другой здесь нет. А тебе обязательно надо промочить горло. Пей.

Превозмогая отвращение, теблор сделал несколько глотков.

– Карса, матросы говорят, что это ты вызвал бурю. Понимаешь? Они просят тебя успокоить небеса. Они сделают все, что ты потребуешь. Снимут цепи, освободят тебя. Слышишь? Только утихомирь эту страшную бурю. Карса, послушай меня, пожалуйста. Иначе мы все погибнем.

Каждый удар черных цепей вздыбливал воду. Глыбы облаков нависали над океаном. Казалось, еще немного, и они накроют его собой.

С верхней палубы спустился капитан корабля. Его лицо было совсем серым.

– Послушай, даруджиец, я повидал много штормов, но этот... Он наслан не Маэлем. – Трясущимся пальцем капитан ткнул в сторону Карсы. – Скажи ему, чтобы прекратил бурю, пока еще не поздно. Пусть заставит облака рассеяться. Как только он это сделает, мы сумеем договориться. Что ты медлишь, даруджиец? Ну же, скажи ему!

– Капитан, все это я ему уже говорил, – ответил Торвальд. – Но как великан остановит бурю? Еще неизвестно, понял ли он вообще мои слова. И откуда мы знаем, что буря началась по его вине?

– А это мы сейчас проверим!

Капитан махнул рукой. К нему подбежало десятка два матросов, вооруженных топорами. Торвальда Нома швырнули на палубу. Матросы принялись рубить толстые канаты, крепившие днище повозки к мачте. Другие матросы приволокли сходни и приладили их к перилам правого борта. Чтобы днище не рухнуло на палубу, его подперли бревнами.

– Постойте! – крикнул капитану Ном. – Вы же не посмеете...

– Сейчас сам все увидишь! – рявкнул в ответ капитан.

– Но хотя бы снимите с него цепи!

– Еще чего!

Капитан схватил за руку пробежавшего матроса.

– Тащи сюда все пожитки этого теблора. Все, что мы изъяли у рабовладельца. Может, рыбам понравится. И шевелись!

А цепи продолжали хлестать океан. Они неумолимо приближались к кораблю. От оглушительных ударов сотрясались мачты и трещали переборки.

Днище повозки вместе с Карсой взгромоздили на сходни. Со стороны палубы к сходням привязали пару канатов, каждый из которых удерживала дюжина матросов.

– Снимите цепи! Он ведь утонет! – не унимался Торвальд Ном.

– Даруджиец, ты никак забыл, что здесь команду я? И мое обещание отрезать тебе язык остается в силе.

– Но днище может перевернуться!

– А это уже забота Маэля!

– Карса! – завопил Ном. – Ты видишь, что творится? Хватит уже изображать умалишенного! Скажи что-нибудь!

Теблорский воин выдал из себя два слова, но они потонули в общем гаме.

– Что он сказал? – спросил капитан у Нома.

– Я не расслышал. Карса, повтори!

И Карса повторил. Потом еще и еще, с каждым разом все громче и отчетливее. А матросы тем временем толкали и толкали по сходням днище, к которому теблор был привязан. Теперь оно лишь наполовину выступало над водой.

Карса снова произнес эти же самые слова. В небе исчез последний просвет. Корабль окутала мгла. Близило то, чего так боялся синегокожий капитан. На мгновение установилась леденящая душу тишина.

– Сдохните все, – в последний раз повторил великан.

Небо ответило на его слова новым ударом черных цепей. Карсе показалось, что они метили ему прямо в грудь.

Над кораблем ослепительно сверкнула молния, и сейчас же заскрипели ломающиеся мачты. Все, из чего состоял корабль, гнулось, трещало и опрокидывалось. Днище повозки несколько раз подпрыгнуло, перевернулось и скользнуло вниз.

Блеснула вторая молния, и в свете ее Карса увидел распадающееся на куски судно. Мачт уже не было. Среди обломков корчились матросы. А в небе, над самой его головой, зловеще зияла громадная багрово-красная рана.

Новый удар погрузил Карсу во тьму.

Когда он открыл глаза, окружающее пространство было залито тусклым сероватым светом. Карса по-прежнему лежал прикованный цепями к днищу. Доски успели промокнуть. Совсем рядом плескались зеленые волны. Сбоку слышалось чье-то фыркание.

Юноша попробовал шевельнуть руками и ногами. Каждое движение отзывалось болью. Карсе вдруг показалось, что у него вывихнуты все суставы. Он застонал.

– Очнулся? – раздался голос Торвальда Нома.

Даруджиец сидел на краешке днища.

– Где мы? – спросил Карса.

На руках Нома по-прежнему оставались цепи. Похоже, их вырвало вместе с кусками палубы.

– Везет же тебе, теблор. Дрыхнул себе, как в колыбели, а мне досталась вся тяжелая работа. – Ном пододвинулся ближе и упер подбородок в колени. – Вода гораздо холоднее, чем я думал, а цепи – это отнюдь не воздушные пузыри, – проворчал даруджиец. – Я без конца тонул, но кое-что сделать сумел. Выловил три бочонка с пресной водой и мешок. Правда, я его еще не развязывал, но полагаю, что там провиант. Думаю, ты обрадуешься: я подобрал твой меч и доспехи.

Карса разглядывал небо. Нет, оно не было затянуто серыми облаками. Оно само было серым, со свинцовыми прожилками. Вода пахла не солью, а глиной и илом.

– Где мы? – снова спросил Карса.

– Это я надеялся услышать от тебя. Я и сам пытался понять, куда мы попали, пока плавал туда-сюда. Покамест мне ясно только одно: буря – твоих рук дело. Это ты ее призвал.

– Я ничего не призывал.

– Карса Орлонг, ты бы видел, как молнии охотились за малазанцами! Никого не оставили в живых. Корабль просто развалился. Твое днище качало и вертело. Я очень боялся, что ты упадешь лицом в воду.

– Сам-то ты каким чудом спасся?

– Ничего особенного. Палуба пошла трещать, скобы вырвало. Ну, я не стал дожидаться, пока меня чем-нибудь придавит. Прыгнул вниз. Выбрался на какой-то обломок, на нем и держался. Оттуда мне был виден борт: его молнией располовинило. Гляжу – из дыры вылезает Сильгар с тремя своими молодцами. Вовсю цепями гремят. Правда, один не удержался: цепи под воду утанули. И ведь никто из остальных даже не подумал его спасти.

– Удивительно, как это Сильгар нас не убил.

– Тогда еще темно было. Тебя он просто не видел, а обо мне, наверное, забыл.

– А где эти мерзавцы сейчас?

– Чего не знаю, того не знаю. В последний раз я видел их в лодке. Одна чудом уцелела. Заплыли за обломки и исчезли. Уж не знаю, что там случилось, но больше они мне на глаза не попадались.

– Что с нашим кораблем?

– Я же тебе сказал: развалился на куски и пошел ко дну. А то, что не тонет, осталось плавать. Вот я и стал пополнять наши запасы. Веревками вон разжился. Деревяшек насобирав.

– А они-то зачем понадобились? – удивился Карса.

– Затем, что твое днище теперь стало плотом. А он с такой тяжестью не очень-то хочет плавать. Доски потихоньку пропитываются водой и погружаются ниже. Хорошо, бочонки не совсем полные – они прибавляют плоту плавучести. Но я на всякий случай напихал вниз деревяшек. Так надежнее будет.

– Торвальд, ты можешь освободить меня от цепей?

Даруджиец поскреб затылок.

– Думал я об этом. Голыми руками их не разобьешь. И мечом твоим не разрубишь. Тут специальные инструменты нужны: молот, зубило. И учти, у меня не столько силы, сколько у тебя.

– А до земли далеко?

– Будь мы в Менингальском океане, я бы сказал, что очень далеко. А здесь... даже не знаю. Но это не океан, и есть ли тут земля – понятия не имею.

– Тогда что это за место?

– Я слышал часть разговора между Сильгаром и его головорезами. Он что-то толковал о магических Путиях. Похоже, нас занесло на один из таких Путей. И суши здесь вообще может не быть. В том, что нет ветра, ты уже и сам убедился. Даже неизвестно, движемся ли мы куда-нибудь или же просто толчемся на месте. Глянь: вокруг нас до сих пор полно обломков корабля. Кстати, ты заметил, что эта вода – пресная? Целое море пресной воды, но меня как-то не тянет ее пить. В ней полно ила. А вот рыб совсем нет. И птицы не летают. Может, тут в принципе не существует жизни.

– Я хочу пить. И есть тоже.

Ном отполз к мешку, который выловил среди обломков.

– Вода у нас есть. А насчет еды – сейчас развяжу мешок. Посмотрим, что в нем... Карса, так ты действительно не зывал к своим богам?

– Нет.

– А почему тогда ты орал во все горло?

– Я видел сон.

– И он заставил тебя кричать?

– Да... Ты нашел еду?

– Пока не знаю. Тут деревянный ящик, и почему-то он завернут в тряпку.

Карса не мог дожидаться, когда его товарищ распакует ящик.

– Здесь клеймо стоит... Похоже, морантское. – Ном откинул крышку. – Опять тряпка. Совсем мягкая... и дюжина глиняных шаров с восковыми затычками.

Даруджиец поставил ящик и, опасливо поглядывая на шары, продолжал:

– Вот, оказывается, какие они... так называемые «морантские гостинцы». Столько про них слышал, а ни разу не видел. Теперь нам Сильгар не страшен. Если он вдруг появится, нам будет чем его угостить.

Торвальд Ном закрыл крышку и снова обмотал ящик тряпкой.

– Ты можешь говорить понятнее? – не выдержал Карса. – Что ты там такое нашел?

– Оружие, теблор. Бьюсь об заклад, ничего подобного ты еще не видел. Если к тебе приближаются враги, нужно хорошенько размахнуться и бросить в них шар. Тогда мелькнет молния, раздастся гром – и пожалуйста, можешь собирать трофеи. А если такой шарик взорвется рядом с тобой, то все – поминай как звали. Малазанцам эти «морантские гостинцы» здорово помогают воевать.

– Пить! – потребовал Карса.

– Сейчас... Где-то у меня был черпак... Ага, нашел.

Медленными глотками Карса осушил весь черпак.

– Ну что, полегчало?

– Ага.

– Еще хочешь?

– Пока нет. Лучшеними с меня цепи.

– Не торопись, Карса. Сначала я сплаваю за дополнительными деревяшками. Иначе плот потонет раньше, чем я разобью твои оковы.

– Делай как знаешь, – вздохнул Карса.

В этом странном мире не существовало смены дня и ночи. Небо постоянно было серым. Лишь иногда свинцовые полосы сжимались или, наоборот, растягивались, словно бы подчиняясь дуновению в вышине каких-то далеких ветров. Но вокруг плота воздух неизменно оставался неподвижным. Он был влажным, прохладным и на удивление плотным.

Скобы, удерживающие цепи Карсы, присоединялись к обратной стороне днища. Способ крепления почти не отличался от того, каким пользовались стражники Сильгара, приковывая теблора к бревну в яме. Кандалы так плотно прилепали к запястьям и лодыжкам, что казались цельными. Осмотрев оковы, Торвальд Ном решил, что самым разумным будет расширить отверстия в досках, в которые малазанцы просунули цепи. Воспользовавшись железной пряжкой, он принялся за работу.

Месяцы плена заметно подорвали силы даруджийца. Ему часто требовался отдых, а ладони быстро покрылись кровавыми мозолями. Однако Ном неотступно ковырял мокрые доски. Звуки, которыми сопровождался его усилия, хоть как-то разнообразили царившую вокруг мертвую тишину и служили мерилем времени. Вновь оказавшись в лежащем положении, Карса видел лишь серое небо со свинцовыми прожилками.

Ном опять устроил передышку. Карса ждал, когда даруджиец возобновит наконец работу, но вместо этого услышал громкий храп: бедняга совсем умирался. Вопреки всем обломкам, которые Ном подпихнул под днище, теблор чувствовал: плот медленно, но неумолимо погружается все глубже. Похоже, Торвальд не успеет его освободить.

Прежде Карса никогда не боялся смерти. Он знал, что если погибнет, то сразу же пополнит ряды воинства Уригала и остальных богов. А сейчас? Лики-на-Скале покинули его, и

теперь он попадет во власть тысяч мстительных призраков. Страшный сон наглядно показал Карсе, что ждет его на холме из костей. Но кто наслал на него этих жутких мертвецов? Даже не мертвецов, а *неупокоенных*. Среди них были теблоры и низинники, воины и крестьяне. Целая армия трупов, прикованных к нему. Но почему именно к нему?

«Веди нас, воитель».

Куда вести?

Вскоре он утонет. Здесь, в неведомом месте, вдали от родного селения. В мозгу Карсы звенели честолюбивые слова клятвы, которую он еще совсем недавно принес Семерым богам. Сейчас она звучала как издевательство, постепенно заглушаемая стонами и скрипами.

Карса открыл глаза. Непонятные звуки не исчезли. Но ведь раньше их не было.

– Эй, Торвальд! Просыпайся!

– Я что... заснул? погоди, сейчас опять возьмусь за твои цепи.

– Ты ничего не слышишь?

Ном сел, вспухшими ладонями протер глаза. Потом огляделся по сторонам.

– Худ меня побори!

– Что ты увидел?

– Выходит, в этой стоячей воде все-таки есть течение! Только вот не пойму: мы куда-то плывем или же это к нам что-то плывет... Корабли, Карса! Их много. Они тоже застряли здесь. Правильнее сказать, обломки кораблей... Да, они неподвижны. Во всяком случае, мне так кажется. Тут когда-то произошло сражение, и противники здорово лупили друг друга, используя магию.

Теперь и Карса увидел скопище покалеченных кораблей (правда, для этого ему пришлось до ломоты в шее повернуть голову вправо). Суда противников выглядели абсолютно по-разному. Примерно два десятка кораблей были невысокими, с гладкой поверхностью черных бортов. Дыры и пробоины обнажали истинный цвет древесины – то был красноватый кедр. Эти суда были погружены в воду почти по самую палубу, хотя кое-где илистые волны скрывали и ее тоже. На каждом имелось по одной мачте с обвислым, искромсанным квадратным парусом, также почти черным. Под ровным, безжизненным цветом неба ткань парусов отливала каким-то странным блеском... Корабли второй из воюющих сторон оказались высокими и трехмачтовыми. Борта и переборки не были выкрашены в черный цвет – все это изначально делалось из черного дерева, о чем свидетельствовали места пробоин. Карсу поразило, что ни один из этих кораблей не держался вровень с поверхностью воды; каждый кренился в ту или в другую сторону. Два или три судна почти лежали на воде.

– Надо бы обследовать эти кораблики, – вздохнул Ном. – Там могли остаться молотки, зубила и прочие инструменты. Возможно, даже оружие. Пожалуй, я бы добрался вон до того. Он меньше всех пострадал и пока еще держится на плаву.

– Так в чем дело? – ответил Карса. – Вперед!

Однако даруджиец мешкал, и в голосе его чувствовалась неуверенность.

– По правде говоря... опасаясь, доплыву ли. У меня сейчас не ахти сколько сил, да и цепи мешают. Сам понимаешь.

– Тогда не плыви, – вздохнув, сказал Карса. – Я не вправе тебя заставлять, Торвальд Ном. Даруджиец удивленно повернулся к нему.

– Тебе никак жаль меня, Карса Орлонг? Беспомощность сделала тебя сострадательным?

– Опять слишком много слов, низинник, – отмахнулся Карса. – Ждать сострадания от... – Он не договорил. В горле великана что-то булькнуло, а затем раздался сухой, колющий смешок.

Ном спрыгнул с плота. На какое-то время Карса потерял его из вида, а затем вновь увидел, уже в воде.

– Теперь я понимаю, почему эти корабли застряли!

Торвальд Ном не держался на плаву. Он стоял на дне, и глубина была ему по грудь.

– Надо же! Я вполне могу подтащить плот к тому кораблю. Карса, в этом дурацком море все-таки есть течение, и оно куда-то нас несет. Я вижу тут еще кое-что.

– Что именно?

Взявшись за цепи Карсы, как за канаты, Ном потащил плот к кораблю.

– Эти посудины погружались на дно во время битвы. Сражение продолжалось до последнего, чуть ли не врукопашную.

– Как ты это узнал?

– Очень просто. Дно усеяно трупами. Я буквально ступаю по ним. Мне даже кажется, что мертвецы хватают меня за руки. Поганое ощущение, должен тебе сказать.

– Подтащи меня ближе. Я хоть погляжу, кто с кем воевал.

– Не торопись, теблор. Мы уже почти добрались. И потом, не думаю, что размякшие в воде трупы многое нам расскажут. Нужно поискать на палубе... Чувствуешь, плот стукнулся о борт? Сейчас я вылезу наверх.

Карса слышал лишь сопение и кряхтение, даруджийские ругательства и лязг цепей. Наконец глухой стук возвестил, что его товарищ достиг палубы.

Потом все звуки стихли.

– Эй, Ном, что там наверху?

Даруджиец молчал.

Край плота за головой Карсы ударился о корабль и стал медленно двигаться вдоль борта. Воителя обдало прохладной водой. Он вздрогнул, но вода продолжала сочиться сквозь щели в досках.

– Эй, Ном, куда ты пропал?

И снова никто ему не ответил.

Карса вдруг засмеялся. Смех не был осознанным: клопочущие звуки сами собой вырвались из горла теблора. Здесь ведь совсем мелко. Наверное, от силы по пояс, а может, и того меньше. И вот в этой-то луже ему суждено утонуть. Не сразу, но все идет к тому. Возможно, Ном убили. А где же тогда его противник? Он что, тоже погиб? И оба сражались беззвучно? А вдруг даруджиец куда-нибудь провалился и потерял сознание?

Многочисленные вопросы без ответов теснились в голове Карсы. Ясно пока было лишь одно: он обречен тонуть рядом с чужеземным кораблем.

Теперь плот находился возле носа судна.

– Эй, Карса! Ты куда уплыл? – раздалось сверху.

– А ты сам куда пропал?

– Да просто разглядывал, что к чему. Слушай, а это ты сейчас смеялся? Я, когда услышал, чуть в обморок не упал.

– Я. Расскажи, что нашел.

– Почти ничего. Высохшие следы крови. Куча следов. Но корабль почти пуст... Худ тебя побери, Карса! Ты же тонешь!

– Тону, низинник. И вряд ли ты мне чем-нибудь поможешь. Оставь меня наедине с судьбой. Бери мое оружие, воду.

Вместо ответа Ном подтащил к перилам моток толстой веревки. Один ее конец он привязал к палубной балке, показавшейся ему прочной. Другой конец, размотав веревку, бросил вниз и спустился сам. Пыхтя и сопя, даруджиец пропустил веревку через цепи, сковывавшие руки Карсы. Потом, отирая с лица пот, прошлепал к ножным цепям теблора и продел туда веревку, сделав надежные узлы.

– Что ты задумал? – недоумевал Карса.

По-прежнему молча Ном с остатком мотка полез наверх. Оттуда донеслись какие-то непонятные звуки, после чего веревка стала медленно натягиваться.

Вскоре возле перил появились голова и плечи Торвальда. Низинник был совершенно бледным от изнеможения.

– Это все, что я пока смог, Карса. Немного, но плот еще какое-то время продержится... Ты не волнуйся, я не дам тебе утонуть. Ты там пока поскучай, а я пойду еще пошарю. Не могли же эти придурки уволочь все подряд.

Даруджиец исчез.

Карса ждал, а море медленно затягивало его в свои объятия. Вода уже залила ему уши, устранив все звуки, кроме собственного плеска. Плот погружался все глубже, отчего веревка, продетая Номом, натягивалась все туже.

Неужели когда-то на его руках и ногах не было этих ненавистных железных обручей? Карсе вдруг показалось, что он всю жизнь провел в кандалах. И каждое движение руки постоянно натирает ему запястье, каждое шевеление ногой грозит стереть мясо лодыжки до кости. Вот это и есть его настоящая жизнь. А та, другая, в которой он ходил, бегал, скакал верхом, была лишь сном. А теперь пришел конец и этому жалкому существованию.

Он умирает.

«Уригал, я вновь стою перед тобою. Перед Ликами-на-Скале. Перед своими богами...»

«Что-то я не вижу здесь ни одного теблора. Ни одного воина, который собрал бы в битвах обильный урожай душ. Я не вижу вражеских трупов: их стена не громоздится до небес. Я не вижу стад бхедеринов. Где обещанные мне дары? Где тот, кто поклялся мне служить?»

«Уригал, а ты, оказывается, кровожадный бог».

«Да, и настоящий теблорский воин только ликует при мысли об этом».

«Когда-то я и сам ликовал. Но сейчас... сейчас не знаю».

«Тогда кто же стоит передо мной? Теблорский воин? Мой служитель?»

«Уригал, о каких бхедеринах ты говорил? Где обитают их стада? В землях теблоров?»

– Да очнись же, Карса!

Карса вздрогнул и открыл глаза.

Торвальд Ном спускался вниз, таща на плече мешок. Когда он ступил на плот, тот опустился еще ниже. Теперь вода почти достигала глаз юноши.

Даруджиец шумно сбросил мешок на доски. Внутри что-то звякнуло. Присев рядом, он дернул завязки.

– У нас есть орудия труда, Карса! Я нашел инструменты корабельного плотника!

Запустив руку в мешок, Торвальд достал зубило и окованную железом киянку.

У Карсы громко забилося сердце. Ном нацелил зубило на звено цепи, продетое в ушко ручных кандалов. Ударил киянкой. Потом еще раз, и еще.

Вода гасила звуки, и юноша не столько слышал их, сколько ощущал всплески волн. Звено треснуло, а потом само выскользнуло из ушка. Цепь ушла в воду, освободив правую руку теблора. От боли у него потемнело в глазах, и он провалился в беспамятство.

Когда Карса очнулся, Ном трудился над его правой ногой. Опять боль, опять темнота в глазах и далекий голос даруджийца:

– ...тяжело. Мне тебя не затащить. Тебе придется сделать невозможное и самому забраться наверх, на палубу. Как? Не знаю. Для начала попробуй встать на четвереньки. Потом выпрямишься. Пойдешь... Что я говорю? Как ты пойдешь? Ты же оголодал, а на этом проклятом корабле не нашлось ни крошки еды.

Снова послышался глухой плеск уходящей под воду цепи.

– Ты свободен, Карса! Я вновь привязал веревки к плоту. Держись за него, и ты не утонешь. И как тебе свобода? Наверное, я рано спрашиваю. Этот вопрос нужно задать через пару дней. Ничего, я подожду. Главное – я сдержал свое слово. Я обещал тебя освободить, и сделал это. Мне очень не хотелось, чтобы ты считал Торвальда Ному трепачом, который только и умеет, что чесать языком. Теперь ты не скажешь, что Торвальд Ном спасовал перед судьбой.

– Опять слишком много слов, – проворчал Карса.
– Каждый из нас по-своему переживает твоё освобождение. Попробуй шевельнуть рукой.
– Сейчас попробую.
– Согни правую руку.
– А я что делаю? Она не сгибается.
– Давай я тебе помогу.
– Только медленно. Если я опять потеряю сознание, ты всё равно продолжай. Потом возьми за левую и попробуй согнуть мне ноги.

Одной рукой Ном коснулся его правого запястья, а другую положил чуть выше локтя. Затем низинник приподнял руку Карсы, и теблор снова провалился в небытие.

Очнувшись, юноша обнаружил, что конечности у него согнуты, а голову подпирает целая кипа промокших тряпок. Он лежал на боку. У него ломило всё тело. Боль была тупой, изматывающей.

Карса поднял голову, огляделся. Он по-прежнему лежал на плоту, который держался благодаря привязанным к нему веревкам. Торвальд Ном опять куда-то исчез.

– Я взываю к крови теблоров, – прошептал воитель. – Пусть всё, что внутри меня, даст мне исцеление и вернет силы. Я свободен и крепок духом. Воин всегда остаётся воином. Всегда.

Карса осторожно пошевелил руками. Тупая боль сразу превратилась в острую, но вполне терпимую. Потом он шевельнул ногами. Ему обожгло бедра и поясницу, а голова отчаянно закружилась. В глазах начало темнеть, но Карса стиснул зубы и заставил себя не поддаваться желанию вновь скользнуть в темноту.

Молодой воин попробовал встать на четвереньки. Малейшее движение вызывало дикую боль, однако он не сдавался. Лоб и спина покрылись потом, руки и ноги дрожали. Сощурившись, Карса продолжал свои попытки.

Он не знал, сколько времени прошло. Да и существовало ли время в этом застывшем мире? Карса вдруг почувствовал, что сидит, и от неожиданности даже разинул рот. Ну и ну! Он и впрямь сидел на корточках, а боль постепенно рассасывалась. Всё ещё не веря, Карса поднял руки и... ужаснулся их невероятной худобе.

Он огляделся. Пространство вокруг всё так же было заполнено кораблями и их обломками. На нескольких уцелевших мачтах висели лохмотья парусов. Нос ближайшего судна почти нависал у Карсы над головой. По борту тянулись какие-то пластины. То, что юноша посчитал узорами, оказалось резными изображениями. Великое множество картин, и на каждой шла битва. Длиннорукие и длинноногие воины стояли на палубах кораблей, напоминавших этот. Вражеские суда больше походили на большие лодки, а воины в них – на теблоров: такие же широкоплечие и мускулистые. Однако ростом они уступали своим врагам.

Сзади раздался плеск. Промелькнула чья-то спина, усеянная блестящими шипами, и тут же снова ушла под воду. Вскоре неведомый морской зверь появился между обломками кораблей, заставив их качаться. Значит, в этом море всё-таки обитали живые существа, причем, судя по всему, хищные и прожорливые.

Плот качнулся под Карсой, угрожая столкнуть его в воду. Чтобы не потерять равновесие, теблор вытянул вперед левую руку. В который уже раз его обдало волной боли, но главное – он теперь мог двигать руками!

Рядом с плотом всплыл распухший труп, затем снова мелькнула спина морского чудовища. Мертвец исчез в огромной беззубой пасти. Карса толком не успел разглядеть морду зверя, но заметил небольшой серый глаз. Неведомый монстр внимательно посмотрел на человека и ушел под воду.

Карсе стало не по себе. Да, покойников здесь полно, однако от живого мяса эта тварь явно не откажется. До Торвальда Номы чудовищу не дотянуться, зато Карса Орлонг – вот он, рядом. Значит, нужно вставать и любым способом лезть на палубу.

Вскоре возле другого корабля мелькнула спина второго страшилища. Юноша не поверил своим глазам: спина зверя и корабль были почти одинаковой длины! Так сколько же их плавает возле затонувшей флотилии, заглатывая трупы?

Наверху раздалися шаги. Ном перегнулся через перила палубы.

– Видел? Им наплевать, сколько времени ты провел без движения. Я не раз плавал по океанам, но этих тварей еще не встречал. Скорее поднимайся вверх! Они тебя уже заprime-тили и плавают кругами. Цепляйся за веревки и лезь!

Кивнув, Карса схватился за веревку.

Под ним взметнулись фонтаны брызг. Плот затрясся и треснул пополам. Ном крикнул что-то невнятное, однако Карса и так понял, в чем дело. Одно из чудовищ поддело плот, переломив его, словно дощечку.

Воитель подтянулся на руках. Вода под ним бурлила. Ноги коснулись илистого дна.

Карса ухватился крепче и подтянулся выше.

– Смотри, Уригал!

Наконец ему удалось подняться над поверхностью воды. Ноги его не слушались, и юноша держался и передвигался только за счет рук. Будь плот цел, он бы служил противовесом, а так Карса то и дело ударялся о корабельный борт. Однако всякий раз лишь крепче стискивал зубы и упорно продолжал лезть дальше.

– Карса! Подтяни ноги!

Внизу, прямо под ним, разверзлась громадная беззубая пасть. Чудовищу стоило лишь немного подпрыгнуть, и Карса попал бы в черную дыру его глотки. Превозмогая боль в руках и ломоту в плечах, он почти добрался до фальшборта. Монстр захлопнул пасть, обдав его брызгами мутной воды.

Перебраться на палубу оказалось не легче, чем подняться вверх. Кое-как ему все же удалось перекатиться через перила и мокрой глыбой рухнуть на палубу.

Карса думал, что сейчас закроет глаза и провалится в сон. Измученное тело нуждалось в отдыхе. Однако истошные крики Торвальда Ном не прекращались, и теблору поневоле пришлось выяснить, в чем дело. Даруджиец возился с каким-то железным крюком, который был очень похож на гарпун и одним концом крепился к мотку довольно тонкой веревки. Низинник был крайне раздосадован тем, что все его попытки закинуть гарпун подальше от корабля оказывались неудачными. Крюк плюхался почти рядом, а веревка путалась.

Карса со стоном поднялся и поплелся на нос судна. В это время Ном снова бросил гарпун и как будто бы зацепил одно из чудовищ. Но сил вытащить его у даруджийца не было. Воитель ухватил конец веревки и намотал ее себе на левую руку.

Монстр дернулся, и веревка снова растянулась на всю длину. Карсу подтащило к носовым перилам. Судно скрипело, нос кренился вниз. Неожиданно корабль содрогнулся и пополз по илистому дну.

– Вот уж чего я никак не ожидал, – шумно дыша, признался Ном. – Только бы веревка не оборвалась. Если все получится, мы будем надолго обеспечены едой... Точнее, на какое-то время. Эта зверюга наверняка быстро протухнет.

Чудовище тащило корабль в направлении большого трехмачтового судна. Скрип под днищем вдруг прекратился, и они довольно быстро поплыли вперед.

– Карса, перебираемся на корму! Слышишь? На корму!

Торвальд схватил великана за руку, а потом выругался и бросился на корму один. Понимая, что столкновения не избежать, Карса выпустил веревку и тоже поспешил вслед за товарищем.

– А добычу помельче ты выбрать не мог? – ворчал теблор, еле переставляя ноги.

Корабли столкнулись. Удар опрокинул и Ному, и Карсу. В борту их судна появилась широкая трещина. На палубу изо всех щелей хлынула вода. Переборки гнулись, сплющивались или расходились в стороны, словно растопыренные пальцы.

Карса вдруг увидел, что остатки палубы опустились и он стоит по пояс в воде. Перед ним подпрыгивал на волнах... его кровавый меч! Воитель схватил рукоятку и испустил боевой уридский клич.

Ном барахтался в воде, ища, за что бы уцепиться.

– Если от твоего крика у этой рыбки не лопнуло сердце, тогда нам уже ничего не поможет. Давай спешно перебираться на трехмачтовик. Похоже, монстров здесь целая стая.

Получив удар, второй корабль наклонился в противоположную сторону. Их судно врезалось в его борт носом, который исчез где-то в трюме вместе с гарпунной веревкой. Чувствовалось, трехмачтовик крепко сидит на дне, и столкновение лишь накренило его, но не сдвинуло с места.

Чудовище билось в недрах большого корабля, сотрясая палубу.

– Худ меня побери! – пробормотал изумленный Ном. – Я думал, это мы протаранили борт. Оказалось – наша «рыбка». Нам повезло: она явно не блещет умом и, кажется, прочно там застряла. Можно устраивать охоту.

– Предоставь это мне, – заявил Карса.

– Тебе? Да ты едва на ногах стоишь.

– Ну и что? Рыба там или зверь – я убью это существо.

– А мне можно посмотреть?

– Валяй, если любопытство заело.

Трехмачтовый корабль оказался еще и трехпалубным. Нижняя палуба граничила с трюмом, а две другие возвышались над нею, соединенные лестницами. По всему чувствовалось: те, кто плавал на этом судне, ростом были с Номом и других низинников. Столкновение выбило из трюма груз, и теперь на волнах покачивались какие-то бочки, тюки и мотки.

Карса спустился на нижнюю палубу, снова очутившись по пояс в воде. Чудовище билось под ним, в трюме. Снизу, через щели, летели щепки и куски дерева. Вода была розовой от крови, перемешанной с пеной.

Наконец теблор подобрался к своему врагу. Морское чудовище лежало на боку, обнажив гладкое серебристое брюхо. Не раздумывая, Карса вонзил туда меч. Изогнувшись, хвост монстра ударил по теблору, и того отбросило к изогнутой стенке трюма.

Оглушенный ударом, Карса сполз в воду. Лицо ему забрызгало кровью умирающей твари. Он торопливо промыл глаза илистой водой и стал наблюдать за агонией своего врага.

– Ты с ним уже разделался? – спросил Торвальд Ном, просовывая голову в трюм. – Так я и знал. Самое интересное я всегда пропускаю. Между прочим, среди разного барахла нашелся также и провиант.

Последних слов Карса не слышал. Он снова отключился, провалившись в темноту.

Его разбудило страшное зловоние. Юноша открыл глаза. Из вспоротого брюха монстра выползали... проглоченные мертвецы. Где-то наверху слышались шаги. А здесь было сумрачно и тихо.

Борясь с подступившей к горлу тошнотой, Карса взял меч и стал медленно подниматься наверх.

Палуба, несшая на себе следы магических атак, была вся вздыблена. Найденные припасы Ном сложил невдалеке от лестницы, по которой поднялся Карса. Тут же висели обрывки снастей. Отдышавшись, великан стал искать глазами товарища. Даруджиец снова куда-то исчез.

Карса прислонился к борту. Магия серьезно повредила корабль. Странно, что нигде не осталось ни одного трупа. Черное дерево переборок, лестниц, перил и мачт было какой-то незнакомой Карсе породы. В их землях такие не росли. Все предметы отличались простотой,

нигде не встретилось даже намек на украшение. Юноша и сам не знал почему, но на душе у него вдруг сделалось очень спокойно.

Снизу поднялся Ном. Даруджиец сумел освободиться от цепей. Оставались лишь обручи кандалов, которые ему было никак не снять. Ном тяжело дышал.

– А вот и наш великан проснулся, – хмыкнул он.

– Скажи честно: тебе противно смотреть на мою слабость? – вдруг спросил Карса.

– Что за нелепый вопрос, дружище, – засмеялся даруджиец. – Наоборот, я просто восхищаюсь, что после стольких недель полной неподвижности ты еще сумел влезть на корабль и расправиться с этой мерзостью. А я отыскал здесь припасы. Пойдем перекусим. За едой я расскажу тебе о других своих находках.

Теблор, пошатываясь, двинулся вслед за ним.

На довольно чистой тряпке лежал кирпич черного хлеба. Ном отрезал большой ломоть и подал Карсе.

– Я тут нашел лодку с веслами, – сообщил даруджиец. – На ней есть и мачта с парусом, хотя здесь они бесполезны. Теперь можем плыть, куда захотим. Запасов воды нам хватит недели на полторы, если, конечно, расходовать бережно. Продовольствия больше, так что можешь не сдерживать свой аппетит.

Карса взял хлеб и принялся есть. Зубы во рту слегка шатались, и потому он жевал с осторожностью, откусывая понемногу. Как ни странно, хлеб был не черствым, а мягким и сдобным, с изюмом и медом. Но даже такой хлеб отвыкшая от пищи глотка принимала с трудом. Заметив это, Ном подал Карсе бурдюк с водой.

– В лодке нам придется выломать одну скамейку, иначе ты будешь сидеть со скрюченными ногами, – продолжал даруджиец. – Можешь посмотреть на шлюпку. Я уже загрузил туда все необходимое. Конечно, если желаешь, навестим и другие корабли.

– Незачем, – коротко ответил теблор. – Нужно уплывать отсюда, и поскорее.

– Согласен, – кивнул Ном. – Значит, бурю вызвал не ты? Вынужден тебе поверить. Даже если вдруг это и твоих рук дело, ты все равно ничего не помнишь. Я тут много думал про ваших богов. Про... Лики-на-Скале. А у них есть свой магический Путь? Есть мир, отличный от нашего, в котором они живут?

Карса медленно проглотил очередной кусочек хлеба.

– Не знаю, про какие пути ты говоришь, Торвальд Ном. Семеро богов живут в скале и в теблорском мире снов.

– В мире снов, – повторил даруджиец. – А он чем-нибудь похож на этот?

– Нет.

– Но могло вдруг так случиться, что мир снов... затопило?

Карса поморщился.

– Ты напоминаешь мне Байрота Гилда. Он тоже частенько молот разную чушь. Теблорский мир снов – это снежная равнина, где над белым пространством выступают замшелые камни. Там дуют холодные ветры, метет снег, а вдалеке проносятся стада странных зверей с бурой шерстью.

– Ты сам бывал в том мире? – не унимался Торвальд.

– Нет. Так нам рассказывали про него шаманы. – Карса помешкал, словно бы решал, стоит ли говорить Ному о *своем* мире снов. – Я однажды попал... совсем в другое место. Там были... разноцветные туманы.

– Интересно. А своих богов ты тоже там встретил?

– Ты не теблор, и больше я тебе ничего об этом не скажу.

– Да я и не настаиваю. Просто пытаюсь понять, куда мы с тобой попали.

– Разве сам не видишь? Кругом море. И нигде нет земли.

– Вижу, что море. Но *какое* море? Куда подевалось солнце? Почему тут не дует ветер и не наступает ночь? Наконец, в каком направлении нам плыть?

– А тебе не все ли равно? Давай двинемся наугад, в любую сторону. – Воитель встал. – Я поел. Если ты чего не успел погрузить, давай закончим и уплывем отсюда.

– Как скажешь, великан.

С каждым днем Карса становился сильнее. Он все дольше сидел на веслах, сменяя Торвальда Ном. Море было мелким. Большая лодка, в которой они плыли, неоднократно утыкалась днищем в песок. За все время плавания им не встретилось больше ни морских чудовищ, ни рыб, ни птиц. Только иногда в воде попадался обломок дерева, лишенный коры, ветвей и листьев.

По мере того, как возвращались силы, запасы пищи и воды таяли все быстрее. Ни Ном, ни Карса не заговаривали об этом, но отчаяние сквозило во взгляде каждого из них. О, отчаяние было древним тюремщиком, против невидимых кандалов и цепей которого бессильны зубило и молот.

Поначалу друзья отмеряли время чередованием сна и бодрствования. Однако даруджиец быстро уставал. Он спал дольше Карсы и меньше его сидел на веслах. Теблора это не удивляло: низинники, может, и горазды выдумывать разные хитрые штучки, но его соплеменники значительно превосходят их и силой, и выносливостью.

Вот и сейчас Карса опять греб, а Ном прикорнул у мачты, беспокойно ворочаясь во сне. Равномерно взмахивая маленькими, почти игрушечными веслами низинников, Карса гнал лодку, сам не зная куда. Руки теперь уже почти не болели. Боль оставалась лишь в ногах и поясице. Воитель старался ни о чем не думать, сосредотачиваясь на том, чтобы плыть по прямой. Ему казалось, что рано или поздно такой путь куда-нибудь да приведет.

Торвальд Ном проснулся и стал тереть воспаленные глаза. Даруджиец уже давно утратил присущую ему болтливость. Карса подозревал, что его спутник заболел, но не хочет в этом признаваться.

Ном поморгал, оглядываясь по сторонам. И вдруг застыл.

– А мы тут не одни, – надтреснутым голосом произнес он.

Карса положил весла и обернулся. Прямо на них двигался большой трехмачтовый корабль. Два ряда весел с каждого борта быстро гнали его по мутной воде. За судном, на горизонте, виднелась тоненькая темная полоса. Раньше ее не было.

Теблор встал и взял меч.

– Такого берега я еще не видел, – пробормотал Ном. – Если бы не неожиданные гости, я бы, пожалуй, даже обрадовался.

– Это больше похоже на стену, чем на берег... А корабль – совсем как тот, в который мы тогда врезались.

– Да, только побольше. Знать бы, чей он. Я ни одного флага на мачтах не вижу.

Зато на верхней палубе виднелись человеческие фигуры. Незнакомцы были достаточно рослыми, хотя и ниже Карсы, и, в отличие от теблоров, худощавыми и жилистыми.

– Ты когда-нибудь встречал таких людей? – спросил воитель.

– Они – не люди, – ответил Ном. – Похожи на людей, но это другая раса. Мне почему-то кажется, что незнакомцы не обрадуются встрече с нами. В любом случае деваться нам некуда...

– А я одного такого уже видал. Знаешь где? В брюхе чудовища.

– Приглядишься-ка к тому берегу, Карса. До него – тысячи три шагов. Он движется... А ты был прав. Это стена из обломков. Похоже, моря здесь раньше не было.

– И тех кораблей – тоже, – согласился Карса.

– Значит, и этот откуда-то заплыл сюда.

Великан лишь равнодушно пожал плечами. И поинтересовался:

– Торвальд Ном, а какое у тебя есть оружие?

– Я прихватил с собой гарпун. И еще молоток. Может, нам лучше сначала поговорить с ними?

Карса не ответил. Гребцы подняли весла. Корабль плавно скользил, приближаясь к лодке. Затем весла снова опустились, взбаламутив воду. Трехмачтовик замедлил ход, а потом и вовсе остановился. Лодка ткнулась ему в правый борт возле носа.

С палубы спустили веревочную лестницу, но воитель, перебросив меч на плечо, уже карабкался вверх по скобам, благо их хватало. Достигнув фальшборта, он перемахнул через него и спрыгнул на палубу.

Карсу окружили серокожие воины. Ростом они превосходили низинников, но все равно были на целую голову ниже теблора. На поясе у каждого висели ножны с кривыми саблями. Одежды незнакомцев были сделаны из блестящих шкур каких-то короткошерстных животных. Их волосы были заплетены в причудливые косицы, обрамлявшие узкие скуластые лица с большими разноцветными глазами. За спинами серокожих высилась горка... отрезанных голов. Несколько принадлежало низинникам, но большинство – таким же удивительным созданиям, серокожим и даже чернокожим.

Когда Карса заметил, что глаза отсеченных голов не были мертвыми, а внимательно следили за каждым его движением, по спине юноши пополз холодок.

Один из серокожих воинов, видимо бывший у них главным, произнес несколько слов на своем языке. Судя по тону, он насмеялся над теблором и заявлял о своем презрении к нему.

На палубу вылез Торвальд Ном.

Командир серокожих явно ожидал ответа, равно как и его презрительно усмехавшиеся соплеменники. Потом он выкрикнул что-то вроде приказа, властно ткнув пальцем в сторону палубы.

– Карса, он велит нам встать на колени, – сказал Ном. – Думаю, лучше с ними спорить.

– Я даже в цепях не становился на колени, – сердито возразил Карса. – А сейчас уж тем более не подчинюсь.

– Ну посуди сам: их только на палубе шестнадцать. Сколько еще внутри – неизвестно. Наше промедление их злит.

– Шестнадцать или шестьдесят – теблорскому воину это безразлично.

– Неужели ты?..

И тут двое серокожих схватились за сабли. В воздухе мелькнул кровавый меч Карсы. Описав зловеющий полукруг, деревянное лезвие пронеслось по головам врагов, снеся несколько из них. Хлынула кровь. Обезглавленные тела повалились на палубу. Уцелевшие воины перепрыгивали и перекатывались через перила на среднюю палубу. На полубаке остались лишь Карса, Ном и убитые.

Серокожие отступили, но скрыться не попытались. Они повернулись, выхватили сабли и стали надвигаться на полубак.

– Сейчас я уложу и этих, – объявил Карса, отвечая на молчаливый вопрос даруджийца. – Им еще не приходилось сражаться с теблорами. Пусть узнают, каковы мы в бою. А теперь смотри, как я завоюю этот корабль.

Издав боевой теблорский клич, Карса прыгнул на палубу.

Серокожие воины умели сражаться, однако это им не помогло. Карса слишком хорошо помнил, как тяжело ему пришлось в плену, и не хотел вновь попасть туда. Требование встать на колени неведомо перед кем разожгло в его сердце ярость.

Он убил шестерых. Седьмой с криком бросился к двери на другом конце палубы. Возле нее на крюках висели гарпуны. Схватив гарпун, серокожий метнул его в Карсу.

Усмехнувшись, воитель поймал гарпун левой рукой.

Серокожего он уложил моментально. Взяв гарпун в правую руку, а меч – в левую, Карса двинулся по темному узкому проходу, не представляя, куда тот ведет и кто может скрываться за очередной дверью.

За ближайшей дверью и парой ступенек оказалось просторное помещение с длинным деревянным столом посередине. Из него другая дверь вела во вторую комнату, поменьше, где стояли койки. В дальней стене Карса заметил украшенную резьбой дверь и ударом ноги распахнул ее.

Здесь ему противостояли четверо. Крепко держа гарпун, Карса отразил все их неистовые атаки. Кровавый меч знал свое дело, и вскоре четыре искромсанных тела уже валялись на блестящем деревянном полу. Пятый серокожий, сидевший на богатом расписном стуле, поднял вверх руки. Юноша почуял исходящую от него магию и, зарывав, бросился на противника. Тот швырнул в теблора шипящий магический шар. Карса метнул гарпун, чье острие пропороло серокожему грудь, вышло со спины и вонзилось в стул. Последним, что увидел великан в угасающих глазах чародея, было неопишное удивление. Потом жизнь оставила пронзенное тело.

– Уригал! Смотри же, на что способен в бою теблор! – звонко выкрикнул Карса.

После этого в помещении воцарилась тишина. Из груди серокожего мага капала кровь. Она пачкала причудливый резной стул и скатывалась на ковер. Карсу вдруг обдало холодом. Нет, это не был внезапный озноб. Что-то невидимое, неосознаваемое захлестнуло его волной ледяной ярости. А потом удивительное ощущение исчезло.

Юноша огляделся. Головой он почти доставал до потолка. Все предметы в этой странной комнате были сделаны из того же неизвестного черного дерева, что и сам корабль. На стенах висели зажженные масляные светильники. На столе были разложены куски выделанной тонкой кожи с непонятными рисунками и письменами.

В проходе послышались шаги. Карса повернулся на звук.

Торвальд Ном озирался вокруг, разглядывая трупы на полу и пригвожденного к стулу мага.

– Кажется, ты перебил всех, – заключил даруджиец. – Ну а гребцы опасности не представляют.

– Кто они? Если рабы, то мы их освободим.

– Ну, я бы не назвал их рабами. Они не закованы в цепи. Но у них... нет голов, Карса. Потому я и говорю, что мы можем их не опасаться. – Подойдя к столу, низинник стал вглядываться в непонятные рисунки. – Думаю, серокожих тоже занесло сюда случайно, как и нас.

– Случайно? – усмехнулся Карса. – По-моему, они кого-то преследовали. И в той битве кораблей перевес был на их стороне.

– Ну, в любом случае ими теперь кормятся чудовища, – сказал Ном.

– Я и этих тоже побросаю за борт, – пообещал Карса. – Пусть знают, что теблор ни перед кем не встает на колени.

– Ну, я, в отличие от тебя, не такой гордый. Иногда разумнее проявить хитрость. Во всяком случае, всем вместе было бы легче выбраться этого затхлого моря. Как, интересно, мы вдвоем управимся с таким кораблем?

– Лучше остаться здесь вдвоем, чем пополнить число гребцов. Нам с тобой наверняка отрубили бы головы и усадили на весла, – убежденно сказал Карса.

– И такое могло быть, – вздохнул Ном. Он наклонился над одним из убитых. – Дикий народ... по крайней мере, по даруджийским меркам. Только посмотри на их одежду. Это же тюленьи шкуры.

– Мне твои слова ничего не говорят.

– Конечно. Ты ведь не плавал по морям и не видел тюленей. Есть в далеких краях такие звери. А серокожие плавали повсюду. Смотри, сколько они на себя повесили разных зубов, когтей и раковин! А их капитан, надо понимать, вдобавок был еще и магом?

– Ага. Он думал, что своим колдовством может одолеть кого угодно. Даже теблорского воина. Видишь? Он и мертвый удивляется, как это я вдруг его проткнул их же собственным гарпуном! Эти серокожие – они все такие глупые?

– Они не глупые, – возразил Ном. – Просто привыкли верить в силу своей магии. И до сих пор магия их не подводила. Будь на твоём месте кто-то другой, чародейство убило бы его и разнесло в клочья.

Карса молча направился к выходу. Низинник двинулся следом.

Вернувшись на палубу, воитель занялся сбором трофеев. Он отрезал у серокожих языки и уши, стаскивал с мертвецов одежду, а трупы бросал за борт.

– Карса! Они следят за каждым твоим движением, – услышал он испуганный голос Нома.

– Кто следит?

– Головы. Они хоть и отрубленные, но живые... Нет, мне этого не вынести. – И, схватив кусок валявшейся мешковины, даруджиец прикрыл им несколько голов.

– Чего ты так испугался, Торвальд Ном? Если с этими беднягами обошлись столь жестоко, то хотя бы не лишай их возможности смотреть на мир. Или ты боишься, что они прыгнут на тебя и вопьются зубами в глотку?

– Не все так просто, теблор. Тут ведь есть головы тисте анди и людей. Знаешь, мне как-то не по себе.

– А кто такие тисте анди?

– Народ. Очень древний. Некоторые тисте анди воюют в армии Каладана Бруда против малазанцев. Больше всего меня пугает, что они поклоняются Тьме.

Карса присел на ступени лестницы, ведущей к полубаку. Чувствовалось, что последние слова даруджийца встревожили и его тоже.

– Тьма, – вполголоса произнес теблор. – Место, где даже зрячий становится слепым. Не думал, что ей можно поклоняться.

– Возможно, их культ – самый разумный из всех, – заметил Ном, продолжая накрывать отсеченные головы мешковиной. – Как часто мы склоняемся перед богами в надежде, что те помогут нам изменить течение судьбы. Молимся им, поскольку знакомые лики богов помогают развеивать ужас перед неизвестностью. Будущее – это всегда неизвестность. Кто знает, может, тисте анди сумели узреть истину, которая заключается в том, что все тонет в небытии? – Стараясь не глядеть на голову чернокожего существа, Ном тщательно укутал ее тряпкой. – Хорошо, что эти бедняги лишены способности говорить. Представляешь, какой гвалт они подняли бы сейчас?

– Значит, сам ты можешь болтать, а другим нельзя? – усмехнулся Карса.

– В повседневной жизни слова – они вроде богов, ибо помогают отгонять страх. Но после этого жуткого зрелища... Боюсь, мне теперь до самого конца жизни будут сниться кошмары. Столько голов, и у каждой – пронизательные, все понимающие глаза. Мне начинает казаться, что голов... становится больше. Стоит мне накрыть одни – тут же появляются другие и опять глядят на меня.

– А по-моему, ты снова несешь околесицу.

– Может, и так... Скажи, Карса Орлонг, сколько душ ты отправил во тьму?

– Не думаю, что они попали во тьму, – сощурившись, ответил теблор.

Карса отвернулся и умолк. Год назад за такой вопрос он бы не раздумывая убил и Торвальда Нома, и любого другого, кто только осмелился бы его задать. Разумеется, даруджиец вовсе не собирался обижать теблора или насмехаться над ним, однако прежде Карса Орлонг расценил бы эти слова именно так. Год назад он воспринимал любое заявление в лоб, видел лишь то, что лежало на самой поверхности. Но было бы ошибкой думать, что подобная прямолинейность присуща вообще всем теблорам. Вот взять, например, Байрота Гилда: тот любил громоздить слова и всегда удивлялся, сколь долго до Карсы доходит смысл сказанного.

Воитель вспомнил, как постепенно менялось его отношение к словам Торвальда Ном. Только вынужденная неподвижность заставила осознать: даруджиец пытается объяснить ему сложность мира, который вовсе не был простым и черно-белым. Он знал об этом и раньше, однако оттенки и прочие тонкости всегда представлялись Карсе ядовитой змеей, незаметно вползающей в его жизнь. Сколько раз ядовитые зубы впивались в него, а он даже не осознавал, откуда берется боль. Но яд успевал проникнуть внутрь, и ответ на все непонятное, необъяснимое, будоражащее был у Карсы всегда один – жестокость. Нередко беспричинная, яростная, так и хлещущая во все стороны.

«Когда попадаешь во тьму, поневоле становишься слепым, – подумал юноша, глядя на Ному, который продолжал укутывать отрубленные головы. – Похоже, что я и сам долго жил с повязкой на глазах. Кто же ее сорвал? Кто разбудил Карсу Орлонга, сына Синига? Может, ты, Уригал?»

Да нет, Уригал тут ни при чем.

Холод и непонятное чувство, охватившее воителя там, где он убил серокожего мага... они были вызваны... *его* богом! Мысль эта едва не заставила молодого воина вскрикнуть. Неужели Уригал был им недоволен? Возмущен стремлением Карсы к свободе, нежеланием вставать на колени перед серокожей нечистью? С другой стороны, Лики-на-Скале никогда ведь и не призывали к свободе. Теблоры всегда были их слугами. *Их рабами*.

– Ты совсем бледный, Карса, – сказал подошедший Ном. – Наверное, зря я полез к тебе с этим вопросом. Прости.

– Подумаешь: ну спросил и спросил, – отмахнулся Карса. – Пора возвращаться на нашу... – Он не договорил.

На палубу хлынул дождь. Мутный и какой-то скользкий.

– Б-рр! – поморщился низинник. – Если кто-то из богов вздумал плевать, он избрал не самое лучшее время.

Дождевые капли пахли гнилью. Они быстро покрыли палубу и паруса жирным белесым налетом.

Ругаясь сквозь зубы, Торвальд Ном грузил в лодку воду и провиант. Карса еще раз обошел палубы, осматривая оружие и снаряжение серокожих. Из всего, что имелось на судне, он взял лишь полдюжины гарпунов.

Ливень усиливался, окружая корабль непроницаемой завесой. Карса и Торвальд спешно отчалили. Теблор сел на весла. Вскоре пелена дождя стала редеть, и шляпка вновь очутилась в привычных мутноватых водах под серым небом. Полоска берега становилась все заметнее.

Едва лишь лодка скрылась за завесой мутного дождя, как на полубаке опустевшего корабля из жирной слизи восстали семь призраков. Сломанные и раздробленные кости, зияющие раны, которые давно уже не кровоточили. Призраки почти сливались с царящим на полубаке сумраком, вплетаясь в него несколькими дополнительными тенями.

– Всякий раз, как мы только пытаемся потуже затянуть петлю, он... – прошипел один из призраков.

– Разрубает узел, – с горестным вздохом закончил второй.

Третий, неслышно пройдясь по палубе, со злостью и досадой поддел валявшийся меч.

– Тисте эдур сами во всем виноваты, – хрипло произнес он. – Если кого наказывать, так это их. Пусть ответят за свою заносчивость и уверенность в собственной непобедимости.

– Не нам требовать наказания, – возразил первый призрак. – Распорядители событий – не мы.

– Но и не тисте эдур!

– Не будем забывать, что каждому из нас поручено определенное дело. И нашей общей заботой остается Карса Орлонг. Он выжил и окреп.

– Между тем Карсу начинают одолевать сомнения.
– Пусть так, но его странствие продолжается. Силы наши невелики, однако мы должны и впредь направлять его вперед.
– Можно подумать, что до сих пор мы в этом преуспели!
– Здесь ты не прав. Покореженный Путь вновь пробуждается. Сердце Первой империи опять начинает кровоточить. Сейчас это лишь отдельные капли, но вскоре кровь хлынет потоком. Нам остается только подтолкнуть нашего избранника туда, куда нужно.
– Но сумеем ли мы? Нам-то ведь никто сил не прибавляет.
– Что толку понапрасну сетовать и сомневаться? Давайте попробуем. Начнем приготовления. Бер'ок, рассыпь в каюте отатараловую пыль. Магический Путь чародея тисте эдур все еще открыт. Превратим же этот Путь в рану... в разрастающуюся рану. Время решительных действий пока не настало. – Говоривший вскинул изувеченную голову и принялся. – Нужно торопиться, – сказал он. – По-моему, нас уже учуяли.
Шестеро остальных вопросительно поглядели на него.
– Да, точно, – кивнул он. – Соплеменники идут по нашему следу.

Море перегораживали обломки погибшего мира: вырванные с корнем деревья, бревна, доски, палки. Кое-где торчали колесные оси повозок. Над ними слабо зеленели пожухлые травы и сгнившие листья. И все это вздымалось и опадало вместе с волнами. Местами плавающая стена была настолько высокой, что заслоняла собой горизонт.

Карса греб. Торвальд Ном сидел на носу лодки.

– Перестань грести, иначе мы привлечем внимание здешних чудовищ. Кажется, одно я уже видел, – сказал даруджиец.

Великан послушно убрал весла. Лодку вынесло прямо на колышущуюся стену.

– Вот уж не думал, что в этом проклятом море есть течения, – пробормотал Ном. – А может, это приливные волны?

– Нет, – ответил Карса, вглядываясь в плавающую стену. – Там имеется брешь.

– И ты ее видишь?

– Вроде бы да.

Течение стало быстрее.

– Слышишь грохот? – спросил воитель. – Это деревья и бревна. Их затянуло в брешь, и они ее перегородили.

– Теперь и я вижу, – встревоженно подтвердил низинник и привстал. – Лучше бы нам...

– Понимаю, о чем ты. Лучше бы нам туда не соваться.

Теблор снова приналег на весла, стремясь увести шлюпку прочь от стены, но ее постоянно вертело и ударяло об обломки. Юноша греб уже в полную силу, однако лодка почти его не слушалась.

– Карса! – вдруг крикнул Торвальд. – Возле бреши – люди! Я вижу обломки их судна!

Карса повернул голову влево и вдруг злобно оскалился.

– Ага, вот мы и встретились. Это же Сильгар и его стражники.

– Они машут нам.

Великан перестал грести левым веслом.

– Мне не совладать с течением, – объявил он. – Похоже, чем дальше, тем оно сильнее.

– Кажется, я понимаю, что случилось с лодкой Сильгара, – промолвил Ном. – Она влетела в брешь и разбилась. Только бы нам не повторить их судьбу. Карса, сделай все, что можешь.

– Тогда следи, чтобы мы не столкнулись с каким-нибудь бревном, – ответил теблор, в очередной раз пытаясь подчинить себе лодку. – А Сильгар и те двое вооружены?

– Вроде бы оружия у них нет. И вообще вид у всех троих плачевный. Они ухитрились забраться на островок из бревен. Кроме Сильгара, там еще Дамиск. А третий... Ага, узнал. Это Борруг.

– Возьми гарпун, – велел товарищу Карса. – От голодных и отчаявшихся можно ожидать чего угодно.

– Правь в ту сторону. Мы почти добрались.

Лодка мягко ударилась о плавучую стену, и ее вновь со скрипом потащило вдоль заграждения. Держа в одной руке гарпун, а в другой – несколько веревок, Ном встал на носу. Трое натианцев не делали ни малейших попыток ему помочь. Они забились на другой конец своего островка. Шлюпку со всех сторон окружали дрейфующие бревна.

Ном привязал лодку к торчащим ветвям, выбрав наиболее крепкие. Карса соскочил на островок, держа в руке кровавый меч. И в упор посмотрел на Сильгара.

Рабовладелец испуганно попятился.

Все трое были здорово потрепаны стихией. Возле их ног валялись обглоданные кости четвертого низинника.

– Теблор! – крикнул Сильгар. – Ты должен выслушать меня! – Карса медленно приближался. – Я могу спасти нас всех!

Торвальд схватил воителя за свободную руку.

– Постой, друг. Ничто не мешает нам выслушать этого мерзавца.

– Хочешь, чтобы он снова нас обманул? – сердито спросил Карса.

– Ты всегда успеешь его прикончить.

– Послушай меня, Карса Орлонг! – заговорил Дамиск Серый Пес. – Еще немного, и этот остров развалится. Нам нужна ваша лодка. Если не забыл, Сильгар – маг. Он может открыть свой портал. Не дай ему утонуть. Ты понимаешь мои слова? Сильгар способен вытащить нас из этого жуткого мира!

Бревно под ногами Номы закачалось. Даруджиец еще крепче схватился за руку товарища.

– Карса... – начал он.

– Неужели ты доверяешь Сильгару? – поморщившись, спросил великан.

– Я не доверяю ему, но у нас нет выбора. Нам не проплыть через брешь. Мы даже не знаем, какой высоты эта стена. А по другую ее сторону вполне может оказаться пропасть. Послушай, Карса, ну чем мы рискуем? Мы вооружены, а эти люди нет. К тому же они едва держатся на ногах. Преимущество на нашей стороне.

Бревно, на котором стоял Сильгар, вздрогнуло и ушло под воду. Рабовладелец едва успел перескочить на соседнее.

Все еще хмуясь, Карса убрал меч в ножны.

– Торвальд, отвязывай лодку. А вы, – кивнул он низинникам, – заходите туда по одному. И учти, Сильгар: малейшее подозрение в обмане, и стражники будут обглаживать уже *твои* кости. Если успеют.

Дамиск, Сильгар и Борруг, шатаясь, поспешили к шлюпке.

Неизвестно, каким законам подчинялось здешнее течение. Теперь оно стремительно растаскивало бревенчатый островок, расширяя пробоину.

Сильгар примостился на носу лодки.

– Сейчас я открою портал, – осипшим голосом объявил он. – Я могу сделать это один лишь раз.

– А чего же ты ждал до сих пор? – удивился Торвальд.

Даруджиец отвязал последнюю веревку и прыгнул в лодку.

– Не все так просто. Это как проход через две двери. Первую я смог открыть, но вторая была плотно заперта. А сейчас кто-то приоткрыл ее с другой стороны. Совсем немного. Сам бы я этого не смог. Но теперь я проведу вас через эту щель.

Отплыв от разрушающегося бревенчатого островка, лодка вновь бешено закрутилась в волнах течения. Орудя то правым, то левым веслом, Карса уберегал суденышко от лобового удара в борт.

– И куда мы попадем через эту щель? – поинтересовался Торвальд Ном, обратившись к Сильгару.

Рабовладелец в ответ лишь устало пожал плечами.

Оставив весла, великан пересел на корму, обеими руками взявшись за руль. Теперь лодку несло прямо к бреши. Карса лавировал, уворачиваясь от крупных обломков, грозивших расколоть борт. Сквозь пробоину виднелось громадное облако. Оно вполне бы сошло за грозовое, если бы не странный охристый цвет. Дальше видимый мир заканчивался.

Жесты Сильгара напоминали движения слепца, пытающего нащупать дверной засов. Потом рабовладелец ткнул пальцем вправо.

– Туда! – крикнул он, обращаясь к Карсе. – Направляй лодку туда!

Место, указанное магом, внешне ничем не отличалось от любого другого. Пожав плечами, теблор развернул руль. Сейчас его мало заботило, куда вынесет шлюпку. Если Сильгару не удастся осуществить задуманное, их втянет в пенящийся водоворот, где они и погибнут.

Все, кроме рабовладельца, сидели пригнувшись и втянув головы в плечи. На лице у каждого застыл ужас.

– Смотри, Уригал! – крикнул Карса.

Улыбаясь, он приподнялся и...

Лодку окутала тьма. Они куда-то падали.

Рулевое колесо с громким треском разломилось пополам. Корму вспучило. Карсу отбросило вперед. Он очутился за бортом, едва не захлебнувшись от неожиданности. Во рту стало горько и солоно, как бывает, если наглотаться морской воды. Потом вода накрыла его с головой.

Юноша рывком вытолкнул себя на поверхность, однако светлее не стало. Рядом кто-то отчаянно кашлял. Еще кто-то молотил по воде руками и ногами. Карсу ударило обломками лодки. Ему показалось, что упали они не ахти с какой большой высоты. Почему же тогда достаточно крепкая лодка развалилась?

– Эй, Карса! – послышался голос Торвальда Ном.

Кашляя и отфыркиваясь, даруджиец подплыл к нему. В руках товарища Карса различил обломок весла.

– Где мы? – поинтересовался низинник.

– Я бы тоже хотел знать, куда мы попали, – ответил теблор. – Кажется, мы прошли через ту щель, о которой толковал Сильгар.

– А как ты объяснишь вот это? – осведомился Ном, проводя пальцем по обломку весла.

Карса вдруг поймал себя на том, что ему очень приятно плавать в морской воде. Приблизившись к Ному, он увидел, что весло не просто сломалось. Его как будто перерубили железным мечом, какими сражаются низинники. Воитель хмыкнул.

К ним кто-то плыл. Потом из темноты донесся голос Дамиска.

– Сюда! – крикнул в ответ Ном.

Откуда-то сбоку появился Сильгар. Рабовладелец цеплялся за бочку с пресной водой.

– Куда мы попали? – спросил у него Карса.

– А я почем знаю? – огрызнулся Сильгар. – Говорю тебе: я воспользовался открывшейся щелью. Хорошо, что нам удалось проскочить сквозь нее. А днище у лодки срезало начисто. Я думаю, мы вернулись в свой мир. Просто сейчас ночь, а звезды и луна закрыты облаками. Такой штиль, что даже волн не слышно. Если бы они плескались, можно было бы понять, далеко ли до берега.

– Так, может, мы всего в нескольких шагах от него?

– Все может быть. Но лучше дождаться рассвета, а не плыть наугад. К счастью, море теплое.

– Если только это настоящее море, – вставил Ном.

– Настоящее, можешь не сомневаться. Вода располагается слоями. Там, где наши ноги, она холоднее. Значит, верхний слой прогревается солнцем.

К ним подплыл Дамиск, тащивший Борруга. Похоже, тот был без сознания. Когда Серый Пес схватился за бочку, чтобы передохнуть, Сильгар оттолкнул его и вместе с бочкой уплыл в сторону.

– Хозяин! – с упреком крикнул Дамиск. – А как же я?

– Бочка едва выдерживает мой вес, – прошипел в ответ рабовладелец. – Она почти полная. Неизвестно, где мы окажемся. Пресная вода – наше богатство.

Ном подплыл к Дамиску и отдал ему обломок весла. Стражник попытался зацепить руки Борруга за деревяшку.

– Что с ним? – равнодушно спросил Сильгар.

– Точно сказать не могу. Наверное, ударился головой, хотя рана и не прощупывается. Сначала он барахтался, бормотал какие-то слова, а потом потерял сознание. Если бы меня не было рядом, так бы и утонул.

Голова Борруга склонилась вбок. Дамиск приподнял ее, чтобы его товарищ не захлебнулся. Подоспевший Карса схватил Борруга за руки и вскинул себе на спину.

– Я потащу его, – объявил он.

– Свет! – неожиданно завопил Ном. – Я видел свет! Вон в той стороне!

Все дружно повернули головы.

– Там ничего нет, – процедил Сильгар.

– Но я его видел, – твердил даруджиец. – Правда, совсем тусклый. А теперь он и вовсе погас.

– Ты видел его мысленным взором, – сказал рабовладелец. – В нашем положении еще и не такое померещится. Будь у меня побольше сил, я бы открыл свой магический Путь и проверил.

– Я и без твоего Пути знаю, что свет был.

– Тогда веди нас, Торвальд Ном, – предложил ему Карса.

– Он мог ошибиться, – предостерег их маг. – Разумнее остаться здесь и подождать.

– Жди, кто тебе мешает? – усмехнулся великан. – А мы не собираемся тут торчать.

– Но у меня есть пресная вода, а у вас ее нет.

– Спасибо, что напомнил. Поскольку добром ты ее не отдашь, мне придется тебя убить. Вода нам понадобится, а тебе уже нет. Мертвецы не пьют.

– Сколько тебя слушаю – всегда удивляюсь теблорской рассудительности, – засмеялся Торвальд Ном.

– Ладно, уговорили. Я отправляюсь с вами, – раздраженно бросил Сильгар.

Даруджиец плыл первым, держась за обломок весла. Его движения были ровными и неторопливыми: Ном берег силы. За второй конец обломка ухватился Дамиск. Стражник по-лягушачьи шлепал по воде ногами. Третьим плыл Карса. Бездыханное тело Борруга покоилось у него на правом плече, а ноги раненого болтались возле поясницы. Наравне с Карсой, но на достаточном расстоянии от него пытался Сильгар со своим драгоценным бочонком. По его движениям теблор понял: рабовладелец их обманул. На самом деле бочка была полупустой и легко выдержала бы их всех.

Карса не чувствовал усталости, поскольку силой и природной выносливостью превосходил своих спутников. С каждым взмахом его руки, плечи и верхняя часть туловища приподнимались над водой. Если бы не колени Борруга, постоянно ударявшие его в грудь, теблор и вовсе бы не ощутил тяжести этого низинника.

Через некоторое время Карса вдруг поймал себя на мысли: почему Борруг ударяется в него только коленями? А где же ступни? Юноша опустил руку и все понял... Стражнику срезало обе ноги чуть ниже колен. Там, где болтались его культы, вода была теплее от вытекающей крови.

– Карса, ты никак устал плыть? – крикнул ему Ном.

– Как ты думаешь, могут здесь водиться чудовища вроде тех, что мы видели прежде? – не отвечая на вопрос, поинтересовался теблор.

– Сомневаюсь. Те твари плавали в пресной воде, а тут соленая.

– Верно. Я как-то забыл об этом, – облегченно вздохнул Карса.

Свет, который якобы заметил Торвальд Ном, больше не появлялся. Плывущих со всех сторон окружали темнота и застывшая морская вода. Ни ветерка, ни плеска волн.

– Вот же, послушались дурака, – громко проворчал Сильгар. – Мы лишь бесцельно тратим силы. Может, изначально были у самого берега, а теперь плывем черт-те куда!

– Слушай, Карса, а с чего ты вдруг вспомнил про тех чудовищ? – насторожился даруджиец.

Однако воитель не успел ответить. У него за спиной вдруг что-то шумно плеснуло. Карса закачался в набегающих волнах и почувствовал, что его тянут вниз. Руки Борруга разомкнулись, ударили по воде и скрылись. Карса успел схватиться за одну из них, и теперь и его самого грозило утащить на дно. Великан отчаянно сопротивлялся, шлепая по воде ногами. И вдруг нога ударилась обо что-то твердое и шершавое, причем это что-то абсолютно точно не было камнем или куском дерева. Удар вытолкнул его на поверхность.

Теблор достаточно хорошо видел в темноте и разглядел совсем неподалеку серый силуэт здоровенной рыбы. В ее зубастой пасти виднелось изжеванное тело Борруга: голова, плечи и болтающиеся руки. Сама рыба отчаянно металась взад-вперед. Ее большие, величиной с миску, глаза вспыхивали, точно угли в костре.

За спиной Карсы послышались испуганные вопли Дамиска и Сильгара. Оба усиленно молотили по воде, пытаясь отплыть подальше от хищной рыбы. Торвальд плыл на спине, сжимая в руках обломок весла. Он единственный не кричал, хотя и у даруджийца лицо тоже было перекошено ужасом.

Карса вновь повернулся в сторону жуткой твари. Похоже, Борруг в буквальном смысле слова встал ей поперек горла. Теперь руки мертвого стражника были сведены крест-накрест. Рыбина почти наполовину высунулась из воды и мотала головой.

Рыча от ярости, теблор направился к ней. Пока он плыл, рыбине удалось протолкнуть Борруга себе в плотку. Рука стражника скрылась в пасти. Набрав воздуха, Карса подпрыгнул и всадил меч в рыбу морду.

Его руки забрызгало теплой кровью. Раненая хищница выплюнула человеческое тело. Почуввав опасность, она попыталась уйти, однако Карса нанес ей второй удар, теперь уже в брюхо. Держа меч обеими руками, он несколько раз провернул деревянное лезвие.

Третьим ударом он почти целиком располосовал противнице брюхо.

Вода сделалась горячей от крови и желчи. Убитая рыба стала погружаться вниз, увлекая за собой также и меч Карсы. Теблор спешно высвободил свое оружие, после чего подплыл поближе и ухватился за изжеванное бедро Борруга. Вода вокруг была полна слизи. Преодолевая тошноту, юноша вместе с телом стражника вынырнул на поверхность.

Обернувшись на крики Номы, теблор увидел, что тот уже не барахтается, а стоит по пояс в воде. Сильгар и Дамиск молча брели туда, где, скорее всего, находился берег.

Удерживая на плече мертвого Борруга, Карса поплыл к ним. Вскоре и его ноги тоже ощутили песчаное дно. Сделав еще два десятка шагов, воитель оказался на песчаной полосе, где уже сидели Ном, Сильгар и Дамиск. Все они шумно дышали, еще не веря, что добрались до суши.

Карса опустил тело Борруга на песок, а сам остался стоять, втягивая ноздрями влажный соленый воздух. Берег упирался в заросли каких-то деревьев. Юноша чувствовал запах листьев. Над головой жужжали и звенели насекомые. В прядях выброшенных на берег водорослей тоже кто-то негромко копошился.

К нему подполз Ном.

– На свое счастье, Борруг умер раньше, чем попал в пасть к акуле, – сказал даруджиец.

– Как ты назвал эту рыбину? Акула? Постой, а ведь малазанцы на корабле что-то говорили об акулах.

– Да, Карса. Это была акула. И если уж кто-то попал ей в пасть, его не спасешь.

– Раз уж я вызвался нести Борруга, то акула не имела права его трогать. Какая разница, живой он или мертвый?

Услышав его слова, Сильгар скрипуче рассмеялся.

– Ну и судьба у Борруга! Быть вырванным из брюха акулы, чтобы стать пищей для чаек и крабов. Душа моего глупого слуги наверняка благодарит тебя, теблор!

– Я взялся заботиться о нем не для того, чтобы отдавать парня на корм акулам. Он служил тебе, Сильгар. Ты и решай, что с ним делать дальше. Если ты оставишь его чайкам и крабам, значит так тому и быть. Меня судьба Борруга больше не касается.

Карса вглядывался в морские воды. Акулий труп исчез.

– Мне все равно никто не поверит, – пробормотал Ном.

– Ты о чем? – не понял Карса.

– Да вот подумал: пройдут годы, я состарюсь и буду себе посиживать в каком-нибудь даруджистанском заведении... ну, скажем, в Умниковой корчме. Завсегдатаи попросят меня поведать какую-нибудь захватывающую историю, и я начну рассказывать, как однажды у меня на глазах храбрый теблорский воин вступил в поединок с акулой и победил ее. Представляешь, какотреагируют слушатели? Это только что случилось у меня на глазах, а я и сам сейчас уже не верю... Как ты выскочил из воды! Конечно, у тебя две пары легких. И все равно...

– Справиться с акулой было проще, чем с тем чудовищем, – ответил Карса. – Ну до чего поганные твари, даже вспоминать не хочется.

– Думаю, нам стоит вздремнуть до рассвета, – сказал Сильгар. – Утром мы хотя бы пойдем, куда попали. А пока вознесем хвалу Маэлю, сохранившему нам жизни и позволившему ступить на сушу.

– Ты можешь возносить хвалу кому угодно, а я вместо древнего бога Моря лучше поблагодарю этого упрямого теблора, – заявил Ном.

– Да уж, равноценная замена! – насмешливо бросил ему рабовладелец.

Торвальд встал.

– Карса, вряд ли ты знал, что любимым морским созданием Маэля как раз является акула. Наверняка она появилась на нашем пути неспроста: думаю, Сильгар усердно молился своему богу.

– Плевать мне, кому он там молился, – равнодушно проговорил Карса, с наслаждением втягивая в себя полный запах ночной воздух. – Главное, что мы достигли берега. Теперь я свободен и могу идти куда угодно.

– Я пойду с тобой. Не думаю, что свет мне почудился. Он блеснул вон оттуда. Может, там какая-нибудь гора или холмы.

– Что ж, Торвальд Ном, идем вместе.

И друзья побрели по берегу. Посчитав, что они уже достаточно удалились от Сильгара и Дамиска, Ном промолвил:

– Похоже, у рабовладельца и его слуги совсем нет совести. У меня ее тоже, прямо скажем, осталось совсем немного, однако я хочу поблагодарить тебя, Карса Орлонг, за все, что ты для меня сделал.

– Вообще-то, мы оба спасли друг другу жизнь. Я рад назвать тебя своим другом, Торвальд Ном, и отныне буду считать тебя воином. Не теблорским, конечно, но тем не менее воином.

Даруджиец выслушал эти слова молча.

Через какое-то время справа показался склон холма, покрытый белесыми камнями. Он не был плавным, а уходил вверх уступами скал, которые поросли вьющимися растениями. В разрывах облаков мелькнули звезды, ненадолго осветив замершее слева море. Справа песок под ногами постепенно сменялся пластами гладкого камня.

– Я был прав! – возбужденно прошептал Торвальд Ном, дергая товарища за руку. – Видишь?

И Карса тоже увидел это. Над темной стеной кустарников поднималась странного вида башня. Казалось, время и непогода лишили ее строгих очертаний. Башня клонилась в сторону берега. Треугольное окно находилось не вровень со стеной, а было вдавлено вглубь. Сквозь ставни лился тусклый желтый свет.

К башне вела извилистая тропа. На берегу Карса и Ном наткнулись на опрокинутую рыбацью лодку; точнее, на ее обломки, покрытые водорослями и птичьим пометом.

– А не зайти ли нам в гости? – спросил Торвальд.

Это было сказано так, словно они стояли на даруджистанской улице, перед домом его приятеля, любителя засиживаться допоздна.

– Пошли, – коротко ответил теблор и стал подниматься по тропе.

Низинник забежал вперед.

– Прошу тебя, только не надо трофеев. Ладно?

– Все зависит от того, как нас встретят, – невозмутимо отозвался Карса.

– А ты представь: в глуши, да еще ночью, вдруг раздается стук в дверь. На пороге стоят двое незнакомцев, и один из них – великан с громадным мечом. Если нас встретят с распростертыми объятиями, я окончательно поверю в чудеса. Но пока мы даже не знаем, на каком языке здесь говорят и поймут ли нас вообще.

– Опять ты разболтался, – одернул его Карса.

Они подошли к башне. Со стороны моря не было ни двери, ни даже намека на вход. Возле тропы, огибавшей строение, лежали желтоватые глыбы известняка, отчего все пространство вокруг было густо усеяно их пылью. Чувствовалось, что плиты принесли или привезли сюда из другого места, а над некоторыми кто-то потрудился, работая зубилом. Ном предположил, что башня тоже возведена из известняка. Однако, приблизившись к ее стене, он увидел, что ошибся.

Низинник провел пальцами по теплой поверхности стены.

– Надо же! Ее сложили из окаменелостей, – пробормотал он.

– А это еще что такое? – заинтересовался Карса, разглядывая стену. – По мне, так самый настоящий камень. Другое дело, что камни бывают разные.

– Вообще-то, не совсем так, – улыбнулся Ном. – Это – древняя жизнь, превратившаяся в камень.

– По-моему, тебя опять понесло. Ну что за глупости ты болтаешь?

– Просто я уже видел такие штучки, а ты нет. Знающий человек объяснил бы тебе, что к чему, но мое образование оставляет желать лучшего. Да и, признаться, в юности я был не слишком усердным учеником... Сам посмотри: разве это настоящий камень? Вон там – раковина торчит, а еще выше – скелет какой-то древней твари.

– Наверняка все это кто-то вырезал, – упорствовал Карса. – Непонятно только зачем.

Раскатистый смех заставил друзей обернуться. В десяти шагах от них стоял человек. По меркам низинников, довольно крепко сбитый. Кожа у него была темной, почти черной. Рубашку незнакомцу заменяла тяжелая заржавленная кольчуга. Нома поразили его мускулы: выпуклые, тугие, без капли жира. Штанов обитатель башни не носил, довольствуясь набедрен-

ной повязкой из выцветшего куска материи. Голову его покрывало некое подобие капюшона. Нижняя челюсть утопала в густой седой бороде.

У мужчины не было ни меча, ни даже ножа. Он приветливо улыбался.

– Ну и дела! Сначала со стороны моря доносятся отчаянные крики, а затем появляются двое чужаков, изыскивающих на даруджийском. И где? У меня во дворе!

Он смерил взглядом Карсу.

– Я было подумал, что ты – из племени феннов. Но ошибся. Кто ты?

– Я – теблор.

– Теблор? Вот это да! И каким же ветром тебя занесло так далеко от родных краев?

– Господин, ты бегло и правильно говоришь на даруджийском, – сказал ему Ном. – И все же в твоей речи я уловил малазанский акцент. Судя по цвету кожи, ты – напанец. Неужто нас выбросило на побережье Квон-Тали?

– Так вы, стало быть, не знаете, куда попали?

– Увы, даже не догадываемся.

Хозяин башни усмехнулся.

– Ты и вправду думаешь, будто кто-то вырезал все это с какой-то непонятной целью? – обратился он к Карсе.

После чего хмыкнул и, не дожидаясь ответа, повернулся и пошел к башне. Друзья переглянулись и двинулись следом за ним.

Как и предполагал даруджиец, вход в башню был с противоположной стороны. У входа тропа разветвлялась; левая ее часть вела к двери, а правая уходила к насыпной дороге. Дорога эта тянулась вдоль берега, а за нею темнела стена леса.

Хозяин башни толкнул перекошенную дверь и исчез внутри.

Карса и Ном остановились на развилке и буквально разинули рты от изумления. Над дверью нависал... гигантский окаменелый череп. Он тянулся во всю стену, а в ширину был никак не меньше роста Карсы. В темноте тускло поблескивали зловещие острые зубы. Рядом с такой громадной тварью серый медведь наверняка показался бы безобидным щенком.

– Что, впечатляет? – спросил появившийся хозяин. – Мне удалось собрать также и кости этой зверюшки. Честно скажу: я ожидал, что зрелище окажется внушительным. Но увы, передние конечности меня разочаровали. Зато какая голова! Попробуй-ка потаскай-ка такую голову на тонкой шее. Неудивительно, что эти диковинные создания в конце концов вымерли... Иногда природа делает странные ошибки, но глядеть на них очень полезно. Весьма поучительно. Я частенько это себе повторяю. Невольно становишься смиреннее. Во всяком случае, мне такое соседство здорово помогает... Идемте внутрь. Я приготовил горячий настой.

– Видишь, что делает с человеком жизнь в одиночестве? – шепнул Карсе даруджиец.

Они вошли в башню.

Внутри она поражала не меньше, чем снаружи. Прежде всего – своей пустотой, если не считать хлипкого помоста, сооруженного под единственным окном. Пол был густо усеян каменными осколками. Снизу вверх под разными углами тянулись длинные жерди, подпиравшие строение. Наверху они соединялись грубо обтесанными балками. Для большей прочности хозяин обвязал места соединений веревками. Весь этот каркас, занимавший нижнюю половину каменного скелета, опирался на две массивные каменные лапы, напоминавшие птичьи. Каждая лапа была трехпалой, с длинными острыми когтями. От хвоста вымершего зверя остались лишь кости, покачивающиеся на веревке у стены.

Хозяин башни расположился на корточках возле очага из грубых кирпичей, сложенного под помостом. Среди тлеющих углей стояли два небольших котла.

– Мне хотелось собрать скелет этого зверя целиком, до последней косточки, – заговорил незнакомец. – Вот я и возвел башню, чтобы места хватало. Мечтал: соберу его и потихоньку начну ломать это сооружение. Потом призадумался: на чем у меня будет держаться череп, если

загнать его на самый верх? А костей становилось все больше, и я уже терялся, какую куда пристроить. Но теперь мои замыслы изменились. Надо укрепить крышу. Да вот только это дело непростое. Очень даже непростое.

Карса нагнулся над очагом. В одном котле и впрямь был травяной настой, а во втором пузырилось какое-то клейкое варево.

– Не вздумай пробовать эту «похлебку»! – предостерег Карсу хозяин башни. – Ею я склеиваю между собой кости. Когда застывает, становится крепче камня.

Достав глиняные кружки, он наполнил их терпкой горячей жидкостью. И добавил:

– Кстати, из моего клея можно даже посуду делать.

Даруджиец обеими ладонями взял кружку и подул на напиток.

– Прошу прощения, господин, забыл представиться. Меня зовут Торвальд Ном.

– Ном? Как же, слышал. Известная даруджистанская династия. А ты, надо полагать, до того, как попасть в рабство, был разбойником?

Торвальд взглянул на Карсу и поморщился.

– Проклятые следы от кандалов! Нам нужна другая одежда, с длинными рукавами и манжетами. И сапоги, желательнее повыше.

– Здесь хватает беглых рабов, – усмехнулся напанец. – Не думай, что ваши отметины будут особо бросаться в глаза.

– Так куда же мы все-таки попали?

– На северное побережье Семиградья. Море, что плещется внизу, – это Отатараловое море. Лес, покрывающий полуостров, называется А'ратским. Ближайший город – Эрлитан. Пешком до него дней пятнадцать ходу.

– Могу я узнать и твое имя тоже? – осторожно спросил Ном.

– Вполне заурядный вопрос ты задал, Торвальд Ном. Хотел бы я ответить тебе на него просто и ясно, но увы! Здесь меня зовут Ба'йенроком, что на эрлитанском наречии означает «хранитель». А в остальном мире с его войнами, заговорами и переворотами меня вообще никто не знает. Тех, кому было известно мое настоящее имя, уже нет в живых, и, признаться, меня это вполне устраивает. Так что зовите меня Ба'йенроком или Хранителем. Кому как больше нравится.

– «Хранитель» легче выговорить. Скажи, а какие травы ты положил в этот настой? Вкус и запах мне совершенно не знакомы, – признался Торвальд.

– Ничего удивительного, – улыбнулся Хранитель. – В окрестностях Даружистана такие не растут. Это местные травы. Мне неведомы ни их названия, ни свойства, но нравится их вкус. А те, от которых мне было плохо, я давно выкорчевал.

– Приятно слышать. Ты хоть и обосновался в здешней глуши, но, кажется, неплохо знаешь «остальной мир». Ни даруджийцы, ни даже теблоры не вызывают у тебя удивления. Должно быть, ты немало постраниствовал по свету... Не твою ли сломанную лодку мы видели на берегу?

Хранитель поднялся во весь рост.

– Ты начинаешь меня сердить, Торвальд Ном. А когда я рассержен, плохо бывает всем.

– Как скажешь. Больше я не буду тебя расспрашивать.

Хранитель слегка ткнул даруджийца кулаком в плечо, однако тот отлетел на пару шагов.

– И правильно сделаешь. Думаю, мы с тобой поладим. Будет совсем хорошо, если твой молчаливый друг тоже скажет несколько слов.

Потирая плечо, Ном вопросительно поглядел на Карсу.

– Когда мне нечего сказать, я молчу, – произнес великан.

– Мне нравятся люди, которым нечего сказать, – кивнул Хранитель.

– Значит, тебе повезло, – не слишком дружелюбно бросил ему Карса. – С такими врагами, как я, ты бы точно не справился.

Ба'йенрок долил себе настоя.

– В свое время у меня были враги страшнее тебя, теблор. Более свирепые и жестокие, чем ты. Да и телом крупнее. Сейчас все они мертвы.

– Годы побеждают каждого из нас, – тоном мудреца провозгласил Ном.

– Ты прав, даруджиец, – кивнул Хранитель. – Жаль, что мои враги этого не понимали... Вы ведь и есть наверняка хотите, правда? Но имейте в виду, что я потребую плату за угощение. Вы оба поможете мне разобрать крышу. Работы там – на день. От силы на два.

Карса огляделся по сторонам.

– Я не стану на тебя работать. Выкапывать кости и потом склеивать их твоей похлебкой? Я не трачу времени на бесполезные дела.

Хозяин башни аж застыл от изумления.

– На бесполезные дела?! – шепотом повторил он.

– Не сердись, господин. Нужно знать теблоров, – суетливо заговорил Торвальд Ном. – Увы, уклад жизни не наделил их житейской мудростью. К тому же искусство дипломатии им неведомо, а их прямота... э-э-э... в других местах она зачастую воспринимается как грубость.

– Хватит болтать, – осадил его Карса. – Пусть этот человек занимается пустяками, если хочет. Меня это совершенно не интересует. Но когда я проголодаюсь, то просто возьму его еду, и он мне не помешает.

Карса предполагал, что такие слова не понравятся Хранителю. Рука теблора уже тянулась к мечу, но хозяин башни оказался проворнее. Его кулак, будто камень, вылетевший из пращи, ударил великана в правый бок. Хрустнули сломанные ребра. Легкие воителя сморщились, лишившись воздуха. Карса зашатался. Окружающий мир потонул в темноте.

Никогда еще ему не наносили такого удара. Даже Байрот Гилд со своей медвежьей мощью не сумел бы сделать то, что ухитрился сотворить этот напанец.

Карса взглянул на Ба'йенрока с неподдельным изумлением, даже с восхищением. Но уже в следующее мгновение рухнул на пол, потеряв сознание.

Когда он очнулся, из раскрытой двери башни лился солнечный свет. Карса по-прежнему лежал на острых каменных обломках. Пахло пылью, которая беспрестанно сыпалась сверху. Юноша сел. Нестерпимо болели ребра, и он стиснул зубы, чтобы не застонать. Где-то под потолком слышались голоса.

Убедившись, что кровавый меч до сих пор при нем, Карса несколько успокоился. Держась за окаменевшую лапу скелета, теблор встал. Ном и Хранитель стояли на верхних балках и разбирали потолок.

– Эй, Карса! – окликнул его даруджиец. – Я бы позвал тебя сюда, да боюсь, что помост не выдержит твоего веса. Видишь? Мы уже кое-что успели сделать.

– Помост вполне выдержит вес твоего друга, – возразил Хранитель. – Я затаскивал на него кости скелета, а они будут потяжелее, чем всего один теблор. Поднимайся сюда, Карса. Мы сейчас примемся за стены.

Юноша осторожно дотронулся до покалеченных ребер. Каждый вдох отзывался болью. Теблор сомневался, что вообще сумеет вскарабкаться наверх, не говоря уже о том, чтобы работать. Но выказать слабость перед этим мускулистым напанцем? Боль можно стерпеть, а вот малодушие позорно. Морщась, воитель ухватился руками за ближайшую балку.

Он лез медленно, обливаясь потом. Ном и Хранитель молча следили за ним. Когда Карса наконец выбрался на широкую верхнюю балку, вся его спина была блестящей и липкой.

– Худ меня побери, – прошептал напанец. – Удивляюсь, как ты вообще выдержал мой удар. Я знаю, что сломал тебе ребра. – Ба'йенрок помахал перевязанной рукой. – Как видишь, и у меня не обошлось без увечья. Во всем виноват мой характер: всякий раз одно и то же. Так и не научился спокойно сносить оскорбления. Ладно, раз уж ты добрался сюда, посиди и отдохни. Мы с Номом одни управимся.

Карса встал.

– Если ты слышал о существовании теблоров, то должен знать и то, что у нас есть разные племена. Так вот, я – из клана уридов, самого сильного и могущественного. Ты думал, я несколько дней буду оправляться после твоего кулака?

Потолок состоял из цельной плиты известняка, немного выступавшей за пределы стен. Чтобы ее убрать, требовалось пройти зубилом по швам, заполненным окаменевшим варевом Хранителя. После этого достаточно наклонить плиту, и тогда она под действием собственной тяжести полетит вниз. Но Ба'йенрок щедро промазал швы своей смесью. Карса понял: ему не хватит сил разбивать все это зубилом. Тогда он приналег плечом на край плиты и толкнул ее.

Если бы Ном и Хранитель не поймали теблора за оружейные ремни, он рухнул бы вниз вместе с куском стены. Снизу донесся оглушительный грохот. Башня содрогнулась. На мгновение Карса повис над провалом, грозя утащить с собой и Ному с хозяином. Но Ба'йенрок ногой обхватил крепкую жердь, а руками впился в ремень воителя. Затем он осторожно втянул теблора обратно на балку.

У Карсы болело все тело. Боль ударяла в виски, буквально раскалывая голову. Ему было не до проявлений гордости. Только бы не потерять сознание.

Ном заметил, что все еще держит в руках оружейный ремень Карсы. Даруджиец разжал пальцы и шумно плюхнулся на балку.

– Видите, как все легко и просто? – засмеялся Хранитель. – Вы оба честно заработали завтрак.

– Когда рассвело, я сходил на берег, – сообщил Карсе даруджиец. – Любопытство заело: как там Сильгар с Дамиском. Они ушли. Понятное дело, рабовладелец и не собирался продолжать путь в нашем обществе. Он боялся за свою шкуру, и, думаю, не напрасно. Я двинулся по их следам и выбрался на дорогу. Оба отправились в западном направлении. Скорее всего, Сильгар знал, куда нас вынесло, но помалкивал. Пятнадцать дней до Эрлитана: это крупный портовый город. Если бы они пошли на восток – в той стороне до ближайшего города нужно добираться месяц.

– У меня и без твоей болтовни голова болит, – буркнул Карса.

– Согласен, твой друг весьма разговорчив, – кивнул Хранитель. – Зато теперь я знаю гораздо больше о вашем путешествии. Не волнуйся, теблор: я поверил лишь половине рассказанного. Сильно сомневаюсь, что ты и впрямь убил акулу. Тут водятся лишь очень крупные акулы, которые и дхэнраби-то не по зубам. А мелких акул они уже давно съели. Я как-то видел одну, ее выбросило на берег. Так вот, она была вдвое длиннее тебя, теблор. Думаешь, я поверю, что ты уколошил ее в воде, да еще одним ударом? И чем? Деревянным мечом! Ну а про чудовище, которое заглатывает человека целиком, я лучше помолчу.

– Нам все равно, как ты отнесешься к этим рассказам, – усмехнулся Ном. – Пожалуйста, можешь считать, что я приврал. Только все это было на самом деле: и акула, и чудовище, и затопленный мир. И корабль с обезглавленными гребцами тисте анди тоже!

– Знаешь, Ном, в затопленный мир и удивительный корабль я еще поверю. Но акула и чудовище? Лучше не серди меня, иначе вы останетесь без завтрака... Что мы тут засиделись? Пора спускаться и готовить еду. Ты уж прости, теблор: я буду придерживать тебя сзади. А то вдруг заснешь на полпути?

Хранитель сварил им похлебку из каких-то клубней, куда добавил ломти копченой камбалы, просто невероятно соленой. После второй миски Карсу одолела жажда. Ба'йенрок показал им, где находится источник. Друзья отправились туда и вволю напились студеной сладковатой воды. Затем даруджиец умыл лицо и лег, привалившись спиной к пальме.

– Я хочу подумать, – сообщил он Карсе.

– Давно пора. Думать полезно, да и я маленько посижу в тишине. А то прямо хоть в море прыгай от твоей трескотни. Ну что за напасть!

– Это у нас семейное. Отец мой был еще более разговорчивым, чем я. Самое забавное, что не все Номы любят болтать. Попадают и такие, что из них под пыткой слова не вытащишь. Есть у меня двоюродный брат. Наемный убийца, между прочим...

– Ты, кажется, собрался думать.

– Верно. И знаешь, что мне пришло в голову? Нам нужно податься в Эрлитан.

– Зачем? Помнишь города, через которые нас везли? Ну и что в них хорошего? Вонь, шум. Низинники снуют туда-сюда, как мыши на сеновале.

– Я не приглашаю тебя поселиться в Эрлитане. Пойми, Карса, это порт. Малазанский порт. И корабли оттуда плывут на Генабакис. Друг мой, разве нам не пора вернуться домой? Нечем заплатить капитану – тоже не беда. Наймемся на какое-нибудь судно матросами. Достаточно я уже пошатался по свету, теперь тянет обратно на родину. Я стал мудрее. Почти полностью изменился. Думаю, и твое племя обрадуется, увидев тебя. Ты многое узнал. Сородичам нужны твои знания. Ты же не хочешь, чтобы уридов постигла участь сунидских рабов?

Карса ответил ему не сразу.

– Я обязательно вернусь к своему народу. Но не сейчас. Уригал по-прежнему направляет мои шаги. Я ощущаю его присутствие. Пока тайны остаются тайнами, они сохраняют силу. Это не мои слова. Так говорил Байрот Гилд. Тогда я отмахивался от его болтовни, но теперь многое изменилось. Я сам стал другим. В моей душе пустило корни недоверие. Когда я мысленно вижу каменный лик Уригала, когда чувствую его волю и то, как она воюет с моей собственной, я понимаю, насколько слаб. Власть Уригала надо мной сокрыта в тайнах, которые бог не желает мне раскрывать. Я прекратил войну у себя в душе. Уригал ведет меня, а я следую за ним, ибо он ведет меня к истине.

Прищурив глаза, Ном глядел на теблора.

– А вдруг тебя разочарует эта истина?

– И такое может быть, Торвальд Ном.

Даруджиец встал и отряхнул песок со своей ветхой, рваной одежды.

– Знаешь, что сказал мне Хранитель? Он считает, что находиться рядом с тобой небезопасно. Ему показалось, будто ты волочишь за собой тысячи невидимых цепей и все, что на их противоположных концах, пропитано ядом.

Карса похолодел и изменился в лице. Это не укрылось от глаз Торвальда.

– погоди злиться! – замахал он руками. – Мало ли кому что почудится? Ба'йенрок – не твой и не мой бог, и мы не обязаны внимать каждому его слову. Я и сам знаю, что рядом с тобой нужно держать ухо востро. Ты обладаешь удивительной способностью притягивать к себе врагов. В этом я убеждался не раз. Но все равно не советую тебе пытаться расправиться с Хранителем. Правда есть правда: он сильнее тебя. Ты еще не до конца вошел в свою прежнюю силу. Да и поломанные ребра тоже со счетов не сбросишь.

– Довольно слов, Торвальд Ном. Я не собираюсь устраивать новый поединок с Хранителем. Но меня тревожит то, что он тебе рассказал. Я уже видел эти цепи. В своих снах. Теперь ты понимаешь, почему мне нужно докопаться до истины?

– Понимаю, – со вздохом ответил даруджиец. – И все равно я предлагаю тебе отправиться в Эрлитан. Нам нужна одежда и...

– Хранитель сказал тебе правду, Торвальд Ном. Рядом со мной и впрямь находиться опасно. И чем дальше, тем опаснее. Хорошо, я отправлюсь вместе с тобой в Эрлитан. Там мы найдем корабль, и ты поплывешь домой. В Эрлитане наши пути разойдутся. Но я сохраняю память о тебе, ибо ты стал мне настоящим другом.

Даруджиец заулыбался.

– Значит, решено: идем в Эрлитан. А пока нужно вернуться в башню и поблагодарить Хранителя за гостеприимство.

Когда они вышли на тропу, ведущую к башне, низинник вдруг остановился.

– Знай, Карса Орлонг: я тоже сохраняю память о нашей с тобой дружбе. И постараюсь молчать о ней, поскольку земляки мне все равно не поверят.

– Почему? – удивился Карса.

– У меня никогда не получалось с кем-нибудь подружиться. Были просто знакомые. Были те, кто набивались ко мне в приятели, но о таких я не говорю. Думаю, мой незакрывающийся рот...

– Отпугивал возможных друзей, – закончил за него Карса. – Мне это понятно.

– Мне тоже. Вот и ты торопишься запихнуть меня на первый корабль. И все по той же причине.

– И по этой тоже, – не стал спорить великан.

– Наверное, ты прав. Какая тебе польза в моих словах?

Тропа сделала поворот, открыв им кособокое строение Хранителя.

– Вообще-то, польза от твоих слов, низинник, была. Ты даже и не подозревал какая.

– Только не надо шутить, Карса, – с грустью произнес Торвальд Ном.

– Я не шучу. На корабле, когда я висел в цепях возле мачты, только твои слова и удерживали меня в этом мире. Без тебя и твоей бесконечной болтовни я бы рехнулся. Играть в безумие опасно; сам не заметишь, как по-настоящему лишишься рассудка. Я был прирожденным теблорским воителем. Полководцем, по-вашему. Другие воины нуждались во мне, но сам я не нуждался ни в ком. Я вел, за мною шли. Но эти люди не были мне союзниками. Я считал, что они сами виноваты, раз не родились воителями. Теперь же понимаю: я просто-напросто не позволял им стать моими союзниками. Я лишь недавно понял, насколько велика разница между подчиненным и соратником. Когда-то я равнодушно относился к гибели других, не испытывая горечи потерь. Я считал: каждый воин знает, что может погибнуть, так зачем же сокрушаться... Сейчас я думаю по-другому. Я потерял Байрота Гилда и Делюма Торда, поскольку больше беспокоился о своей славе, чем об их участи. Без всяких причин я разорил селение ратидов и убил воинов, которые тоже могли бы стать моими союзниками. Стоит мне подумать о родине, и я ощущаю незажившие раны. Их еще предстоит исцелять и исцелять... Скажу тебе больше. Раньше я радовался только за себя. Своим победам, собственным трофеям. Но когда я услышал, как тебя потянуло домой, к своим, я впервые порадовался за другого человека.

Хранитель поджидал их, сидя возле двери на колченогой скамейке. На земле рядом с ним лежал большой заплечный мешок, к которому хозяин башни прислонил пару закупоренных сосудов, сделанных из тыкв. На их стенках блестели капельки влаги. В здоровой руке Ба'йенрок держал туго набитый мешочек, который он бросил подошедшему Ному.

Даруджиец ловко поймал мешочек. Внутри что-то зазвенело.

– Это... деньги?

– Да. Преимущественно серебряные джакаты, – ответил Хранитель. – Есть и местные монеты, но из тех, что высоко ценятся. Будьте осторожны, когда станете расплачиваться. Говорят, нигде нет таких ловких воришек, как в Эрлитане.

– Хранитель... – начал Ном, но тот махнул рукой.

– Будет разбрасываться словами. Слушай, что я скажу. Когда человек собирается инсценировать собственную смерть, он должен все хорошенько продумать наперед. Жить безымянным не так-то дешево, как это может показаться. За день до моей «трагической кончины» – а да будет вам известно, что для всех я утонул... – так вот, за день до этого я вычистил половину городской казны Арэна. Только не пытайтесь меня убить, чтобы завладеть богатством. Бесполезная затея. Лучше поблагодарите за щедрость и отправляйтесь дальше.

– Когда-нибудь я вернусь и отдам тебе долг, – пообещал Карса.

– Ты говоришь о монетах или о сломанных ребрах? – уточнил Ба'йенрок.

Теблор только улыбнулся в ответ.

Хранитель засмеялся, а потом встал и ушел в башню. Вскоре Карса и Ном услышали, как он поднимается по своим балкам наверх.

Даруджиец надел заплечный мешок. Одну из тыкв он подал Карсе, другую взял сам.

Путешествие в Эрлитан началось.

Глава четвертая

Беседуя после известных событий с высшим магом Тайскренном, императрица Ласин осведомилась: «Значит, ни одного тела утонувших напанцев так и не нашли?»

Абелард. Жизнеописание императрицы Ласин

Все селения, встретившиеся им по пути, располагались с внутренней стороны дороги. Казалось, жители отгораживаются ею от моря, не ожидая от него ничего, кроме опасностей. Унылого вида глинобитные хижины, хлипкие загончики для коз, равнодушные собаки и такие же равнодушные темнокожие люди. Вся их одежда состояла из большого куска выбеленной ткани, в который они заворачивались с головы до пят. Стоя или сидя на пороге своих хижин, местные молча провожали путников взглядом, не делая попыток окликнуть чужаков и заговорить с ними.

На четвертый день, в пятой уже по счету деревушке, Карсе и Торвальду Ному встретилась повозка торговца. Она стояла на крохотной базарной площади. Вокруг не было никого. Негоциант обрадовался неожиданным покупателям и стал предлагать им все, что у него имелось. Ном за пару серебряных монет купил старинную кривую саблю (как потом оказалось – с излишне тяжелым клинком). У торговца были кипы материи, однако готовой одежды – даже старой и плохонькой – он не держал.

Вскоре даруджиец убедился, что зря потратил деньги: после нескольких взмахов и выпадов у сабли отломился эфес. Облегчив душу ругательствами, Ном поспешил уверить себя и Карсу, что это дело поправимое. Нужно лишь найти умелого резчика по дереву, и тот быстро изготовит новую рукоятку.

Солнце палило немилосердно. Дорога вынырнула из леса, и слева опять появилось бирюзовое Отатараловое море с пыльно-желтыми прибрежными дюнами.

– Клянусь, что этот паршивый торгаш знает малазанский язык, – никак не мог успокоиться Ном. – По глазам было видно.

– Ничего удивительного, – пожал плечами Карса. – Тут не любят малазанцев. Помнишь, солдаты говорили, что в Семиграде якобы назревает бунт против их владычества? Думаешь, правда?

– Кто же разберет этих семиградцев! – вздохнул даруджиец.

– А я вот не понимаю малазанцев, – признался Карса. – К чему завоевывать чужие земли? Так и набеги совершать будет некуда.

– Ты рассуждаешь как теблор. А малазанцы – другие, их не интересуют набеги. Им нужны власть и управление. Есть обжоры, которым никогда не насытиться. Таковы и малазанцы со своей вечной тягой покорять все новые и новые земли. Разумеется, они напридумывали кучу убедительных оправданий своим захватническим устремлениям: дескать, другим народам это только во благо.

– Можно подумать, без малазанцев в Семиграде плохо жилось, – усмехнулся Карса.

– Представь себе, дружище, ты почти угадал. В этом-то и сила малазанцев, что их не занимают рабы и трофеи. Первым делом они устанавливают на покоренной земле порядок.

До малазанского завоевания Семиградье было одним большим крысятником, его раздирали нескончаемые распри. Племена кочевников враждовали между собой. В каждом городе был свой правитель с кучкой алчных приближенных и армией головорезов. Когда ему становилось скучно, он шел войной на соседний город. Забитый, вечно голодный народ вообще не смел поднять головы: еще, не ровен час, попадешь под чью-нибудь саблю. И вот пришли малазанцы. Они мигом перевешали все зажавшееся ворье и прекратили набеги кочевников на города. Кстати, помимо правителей, еще одним племенем кровососов были жрецы. Малазанцы под угрозой смертной казни запретили человеческие жертвоприношения. А местные торговцы? С приходом малазанцев они стали только богатеть. Главные дороги охраняются... Конечно, такие порядки нравятся далеко не всем. Прежние владыки затаились, но не смирились. Да и жрецы подливают масла в огонь. Вот тебе и повод для мятежа. Основная беда малазанцев в том, что они не любят заглядывать вглубь.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, – подумав, ответил ему Карса. – Корни очень важны. Торвальд Ном заулыбался.

– Ты начинаешь постигать мудрость низинников!

– Тут и особой мудрости не надо. Тот, кто собрался приручить собаку, должен знать ее повадки. Хочешь, чтобы конь тебе верно служил, – наблюдай за ним, пока еще жеребенком бегает.

– В который раз изумляюсь рассудительности теблоров. Кто-то справедливо заметил, что малазанцам вечно некогда. Некогда вникать, почему другие народы думают и поступают по-другому. Семиградцы умеют прятать свою ненависть. А она разъедает их изнутри. Ненависть – самый неприхотливый сорняк. Растет на любой почве и сам себя питает.

– А вместо воды – слова, – добавил Карса.

– Это ты верно подметил. У слов есть своя магия. Допустим, ты до чего-то додумался. Рассказал об этом одному, другому, десятому, сотому. Вскоре ты услышишь свою мысль из уст других. Кто-то поверит в ее правоту и начнет отстаивать. Кто-то воспротивится. Ты и не заметишь, как словесная перепалка перерастет в стычку, а если их станет много – то и в войну. И тогда уже бесполезно убеждать окружающих, что это была всего-навсего мысль, пришедшая тебе в голову. Тебе придется сражаться не на жизнь, а на смерть. Вражда может растянуться на десятки лет, так что в нее окажутся вовлечены твои дети и даже внуки.

– Скажи, Торвальд Ном, в Даруджистане все такие, как ты?

– В общем-то, да. Заядлые спорщики. Мы обожаем спорить по любому поводу. Бывает, что и бьем друг друга, но только словами. Мы любим участвовать в словесных поединках не меньше, чем ты любишь отсекай головы и собирать в качестве трофеев уши и языки. По какой улице ни пойдешь, в какую часть города ни забредешь – везде встретишь десяток разных мнений. Даже на опасность завоевания Даруджистана малазанцами каждый смотрит по-своему.

– А ты сам-то что думаешь по этому поводу? – спросил Карса.

– Если малазанцы и завоюют Даруджистан, они окажутся в положении акулы, которая подавилась Борругом. Город застрянет у империи поперек горла.

– Та акула сперва поперхнулась, но потом все-таки проглотила Борруга.

– Только потому, что он был мертв. А Даруджистан живой.

Впереди показалось еще одно селение. В отличие от всех прежних, оно было обнесено невысокой каменной стеной, за которой виднелись три довольно больших строения. Из хлева, что стоял рядом, доносилось беспрестанное меканье коз, разморенных жарой.

– Не понимаю, зачем днем держать коз в хлеву, – удивился Ном.

– Хотя бы затем, чтобы перерезать им глотки.

– Сразу всем?

Карса принял.

– Я чую лошадей.

– Что-то я не вижу ни одной.

Несколько сузившись, дорога миновала канаву, прошла через арку покосившихся выщербленных ворот и превратилась в главную улицу селения. Улица была абсолютно пуста, но путешественников это не удивило: обычно при виде теблора местные жители торопились убраться прочь. Здесь же как будто знали о появлении Карсы и заранее плотно закрыли двери и ставни на окнах.

Великан выхватил меч.

– Мы попали в засаду, – объявил он.

– Кажется, так и есть, – вздохнул Торвальд Ном.

Даруджиец порывлся в заплочном мешке и разыскал там кожаный ремень, который намотал на лезвие сабли вместо обломанной рукоятки. Получилось, конечно, не ахти как, но ведь голыми руками клинок держать не будешь.

Из-за больших домов показались всадники. Дюжина, две, три. Все были одеты в странную просторную одежду темно-синего цвета. Лица незнакомцев скрывали повязки. Стрелы коротких луков были направлены на Карсу и Торвальда.

Еще один отряд всадников, вооруженных луками и копьями, въехал со стороны арки.

– Эти луки сильно бьют? – хмурясь, спросил воитель.

– Кольчугу пробивают. А уж наши лохмотья – тем более.

Год назад Карса все равно бросился бы на врагов. Теперь же он лишь молча убрал меч.

Всадники, прибывшие со стороны арки, спешили. Помимо оружия, у них в руках были цепи и кандалы.

– Худ меня побери! – пробормотал Ном. – Неужели снова?

Карса лишь пожал плечами.

Друзья не стали сопротивляться и позволили заковать себя. На мощных запястьях и лодыжках теблора кандалы едва защелкнулись. Кожа вокруг вспухла, а из-под железных обручей закапала кровь.

– Найдите ему другие, – не выдержал Ном, обратившись к незнакомцам на малазанском языке. – На что он вам нужен без рук и ног?

– Меня это не волнует, – слышался знакомый голос.

Из дверей ближайшего дома вышли Сильгар с Дамиском.

– Да, Карса Орлонг, теперь ты останешься без рук и без ног, и все твои дурацкие угрозы прекратятся. Конечно, работать ты уже не сумеешь, но я примирюсь с убытками.

– Достойная плата за спасение ваших никчемных жизней! – не выдержал даруджиец.

– Да, Ном. Достойная и справедливая плата за все. В том числе за потерю всех моих преданных слуг и за мой арест. Этим мои обиды не исчерпываются, но я не стану злоупотреблять терпением наших дорогих друзей-араков. Эти храбрые воины находятся далеко от родных мест. Здесь их не больно-то жалуют, а потому аракам не терпится поскорее убраться отсюда.

Карса уже не чувствовал ни рук, ни ног. Когда кочевник подтолкнул его, требуя идти, теблор споткнулся и упал. Его огрели кнутом по затылку. Карсу захлестнула прежняя, неистовая ярость. Дернувшись, он вырвал цепь у арака и, как мог, ударил того по лицу. Арак завопил от боли.

К воителю подскочили другие кочевники и принялись хлестать его плетками из жесткого конского волоса, сплетенного в косичку. Вскоре юноша потерял сознание.

Очнулся он уже почти в сумерки. Карса лежал на волокушах, которые сейчас отвязывали от упряжи. Молодой воин усмехнулся, подумав, каково пришлось длинноногим поджарым лошадям кочевников. Его лицо превратилось в один сплошной синяк, глаза заплыли так, что он с трудом мог их приоткрыть. Прикушенный язык распух. Но больше всего Карсу сейчас тревожили руки и ноги. Пальцы стали синими, ногти почернели. В прежних кандалах он хотя бы чувствовал боль. В этих же не ощущал вообще ничего.

Кочевники расположились на привал недалеко от дороги. Юноша приподнял голову и огляделся. Над оконечностью западной кромки горизонта слабо светилось желтоватое зарево. Вероятно, там находился город.

Топливом для костров аракам служили лепешки сухого конского навоза, горевшие бездымно. Повернув голову в другую сторону, Карса увидел рабовладельца и Дамиска. Они сидели рядом с главарем кочевников. Над очагом, что находился ближе к волокушам, был подвешен котел. Оттуда пахло мясом и овощами.

Недалеке от костра, согнувшись, пристроился Ном. Похоже, он был чем-то занят.

Карса еще раз огляделся. Кочевники словно забыли о существовании пленников. Сомкнув зубы, теблор негромко зашипел. Ном сразу же вскинул голову.

– Не знаю, как ты, – прошептал даруджиец, – а я так просто изнываю от жары. Жду не дожусь, когда скину с себя этот наряд. Думаю, ты тоже. Скоро я тебе помогу.

Послышался треск разрываемой одежды.

– Наконец-то, – пробормотал Ном, сбрасывая лохмотья.

Избавившись от одежды, он незаметно подобрался к Карсе. И шепотом продолжил:

– Не пытайся мне отвечать, дружище. Это просто чудо, что ты еще дышишь после той бойни, которую они учинили. А сейчас мне понадобится твоя одежда.

Даруджиец обвел глазами кочевников. Все были заняты своими делами. Тогда Ном нагнулся и принялся стаскивать с Карсы его жалкое одеяние.

– Стоянку они устроили в ложбине. Видно, неспроста. Когда кочевники не чувствуют опасности, они выбирают высокие места, где меньше мошкары. А эти, похоже, все время ждут нападения. Говорят вполголоса... Тс-с, молчи, не надо ничего отвечать. Должен тебе заметить, что Сильгар – редкостный дурень. Помнишь, как он бахвалился? Да понимай кочевники, о чем он толкует, они бы мигом с него шкуру спустили. Ничего, Сильгар дорого заплатит за свою глупость. Возможно, и мне тоже это будет стоить жизни, но я хотя бы призраком явлюсь сюда и погляжу... Ну вот, готово. Перестань дрожать, этим ты мне не поможешь.

Взяв блузу Карсы, Ном вернулся туда, где сидел. Там он принялся рвать траву, пока не набралось две больших охапки. Связав оба конца блузы, даруджиец набил получившийся мешок травой. Затем набил свой, который приготовил еще раньше. Подмигнув Карсе, он подполз с обоими мешками к ближайшему костру и притиснул их к пламени.

Вначале вспыхнул первый мешок. А вслед за ним и второй выбросил в темное небо огненные змеи искр.

Араки с криками бросились к огню. Они скребли каменистую землю, чтобы засыпать взбесившийся костер, но земли-то как раз здесь и не было. Только камешки и куски засохшей глины. Кто-то догадался стянуть с лошадей попоны и набросить их на ревущее пламя.

Кочевников охватила паника. Они спешно увязывали свои пожитки и седлали лошадей. О двоих рабах араки начисто забыли. А в воздухе звенело только одно слово, повторяемое снова и снова:

– Гралы!

Когда араки готовились вскочить на коней, откуда-то появился взбешенный Сильгар.

– За свою выходку, Торвальд Ном, ты распростишься с жизнью!

– А тебе не видать Эрлитана как своих ушей, – с усмешкой ответил ему даруджиец.

К Ному подбежали трое кочевников. В отсветах пламени так и не потушенного костра блестели зазубренные кривые лезвия их ножей.

– С удовольствием посмотрю, как сейчас полоснут по твоей поганой глотке, даруджиец!

– Ох и глуп же ты, рабовладелец. Неужели не понял, что гралы шли за вами по следу? Лично я до сегодняшнего дня вообще не слыхал о таком племени. Зато твои дружки-араки сразу ушки наострили. Видел, как они дружно мочились на свои костры? Как ты думаешь,

зачем? Даже я, даруджиец, и то знаю. Кочевники не рассчитывают дожить до утра. А по их верованиям погибнуть, не облегчившись, – страшный грех. Если не веришь – спроси сам.

Первый арак схватил Ному за волосы, запрокинул ему голову и взмахнул ножом.

Гралы выскакивали отовсюду, словно бы темнота выталкивала их в ложбину. Послышались первые крики умирающих. Арак быстро полоснул Ному по горлу. На серую глину хлынула кровь. Бросив нож, кочевник побежал к своей лошади. Он успел сделать не более трех шагов, как вдруг что-то свистящее подлетело к нему, отсекло голову и полетело дальше. Двое его соплеменников уже валялись рядом обезглавленными.

Какой-то грал встал на пути убежавшего Сильгара. Рабовладелец вскинул руки. Магическая волна сбила нападавшего с ног, заставив корчиться в судорогах. Еще через мгновение его тело с треском распалось.

Воздух наполнился улюлюканьем гралов. Леденящие душу звуки неслись отовсюду. Перепуганные лошади отчаянно ржали и металась туда-сюда.

Не обращая внимания на страшную бойню, что творилась вокруг, Карса глядел на Торвальда Ному. Удивительно, но даруджиец был еще жив. Ноги низинника вздрагивали, а обеими руками он зажимал горло.

Теблор думал, что Сильгар сбежал, однако, как выяснилось, ошибался. Вскоре рабовладелец снова вынырнул из темноты. Лицо и лоб его блестели от пота. Вслед за ним появился и Дамиск Серый Пес. Стражник стал быстро перерезать веревки Карсы.

– Думал, мы про тебя забыли? – с издевкой спросил Дамиск. – Нет. Сейчас мы уберемся отсюда через магический портал. Уж больно жалко отдавать тебя этим глупым головорезам. Ты еще пригодишься хозяину. Таких, как ты, можно мучить очень долго. Ты станешь любимой игрушкой Сильгара.

– Закрой рот! – одернул его рабовладелец. – Араки уже почти все перебиты. Поторапливайся, если сам не хочешь превратиться в игрушку для гралов!

Дамиск обрезал последнюю веревку.

Карса громко засмеялся.

– Давай, Серый Пес, волоки меня на себе. Бежать я не могу.

Над ним, ругаясь сквозь зубы, навис Сильгар. Мелькнула синяя вспышка, и все трое плюхнулись в теплую вонючую воду.

Цепи потащили Карсу ко дну. Вокруг стало совсем темно. Потом кто-то резко дернул за одну из цепей. Теблора вытянули на поверхность, и в это мгновение снова вспыхнул странный сине-голубой свет.

Его голова, а потом и спина ударились о булыжники. Карса перекатился на бок. Неподалеку откашливались Сильгар и Дамиск. С одной стороны улицы темнели стены каких-то высоких строений, а по другую тянулся причал с застывшими на воде кораблями. Улица была пуста.

Сильгар выплюнул последнюю тину, набившуюся ему в рот.

– Эй, Дамиск, живо снимай с теблора кандалы. У него нет клейма. По меркам малазанцев он не считается рабом. Нас могут схватить. Ничего, добыча никуда от нас не денется. Мы просто бросим его здесь, а сами спрячемся и посмотрим, что будет дальше.

Дамиск подполз к Карсе, достал из кармана ключи и отомкнул сначала ручные, а затем и ножные кандалы. В почти омертвевшие конечности хлынула кровь. Великан застонал.

Сильгар щелкнул пальцами, и Карсу окутало чем-то вроде покрывала. Однако крики теблора прорвали тонкий магический покров. Они неслись по всей улице, проникая в окна домов и каюты кораблей.

– Что там у вас? – послышался зычный голос какого-то малазанца.

Следом раздался лязг обнажаемых мечей. Из прохода между домами выходили малазанские караульные.

– Да вот, беглого раба поймали, – спешно ответил Сильгар. – Очень хорошо, что нам не надо тащить его к властям.

– Беглого раба? Сейчас взглянем на его клеймо.

Это были последние слова, которые слышал Карса. Боль в руках и ногах лишила его сознания.

Над ним стояли какие-то люди и говорили между собой по-малазански.

– ...Глазам своим не верю. Потрясающая способность тела к самоисцелению. Видел следы от кандалов? Они обескровили ему кисти рук и ступни. Да окажись на его месте кто-то другой, участь была бы печальна – калека на всю оставшуюся жизнь. Мне бы пришлось укоротить ему и руки, и ноги.

– Интересно, все фенны такие живучие? – спросил другой голос.

– Не знаю. Я даже не уверен, фенн ли он.

– А кто же еще? Смотри, какой великан: вдвое выше нас.

– Мне сложно сказать, сержант. Пока меня не послали сюда, я некоторое время торчал в Ли-Хене. Жуткая дыра: полдюжины кривых улочек, столько же таверн, где рассказывают всякие небылицы. В том числе и про феннов. Живых великанов уже десятки лет никто не видел. Этот – первый. Помнишь, в каком виде вы притащили его сюда? Мало того, что какой-то живодер заковал беднягу в слишком тесные кандалы. Над ним еще и измывались. Били по лицу. Несколько ребер сломали. Похоже, что орудовали кулаком. Не хотел бы я встретиться с тем, у кого такие кулаки. Но парень удивительно живуч. Гляди, сержант. Следов побоев на лице уже почти не осталось. Думаю, что и ребра скоро срастутся.

Карса не торопился открывать глаза и слушал, что малазанцы скажут дальше.

– Значит, можно не опасаться, что он умрет? – уточнил тот, кого называли сержантом.

– Ага.

– Что ж, спасибо тебе, лекарь. Можешь возвращаться к себе.

Раздался стук сапог, затем хлопнула тяжелая, окованная железом дверь. Теблор по-прежнему лежал зажмурившись. Рядом кто-то громко засопел.

Снаружи долетали приглушенные крики. Каменные стены исказили звуки, и все же Карсе показалось, что он узнал голос Сильгара. Воитель открыл глаза. Взгляд его уперся в закопченный потолок, слишком низкий, чтобы можно было выпрямиться во весь рост. Он лежал на полу: засаленном, покрытом такой же грязной соломой. Окон в помещении не было; света, лившегося сквозь решетки двери, едва хватало, чтобы разогнать сумрак.

Лицо отчаянно болело. Что-то жгло ему лоб, щеки и нижнюю челюсть.

Карса сел.

В углу скрючился какой-то мужчина. Заметив, что его сосед проснулся, он сказал несколько слов на незнакомом теблору языке.

У воителя ныли кисти рук и ступни. Во рту все пересохло. Карсе казалось, что вместо слюны он глотает песок.

– Если ты фенн, то должен меня понять, – произнес незнакомец по-малазански.

– Я тебя понимаю, но я не фенн, – ответил ему Карса.

– Слышал, твоему хозяину не очень-то нравится, что его заковали в кандалы.

– Значит, Сильгара тоже схватили?

– Разумеется. Малазанцы любят арестовывать всех, кто кажется им подозрительным. Он уверял, что якобы ты – его раб и сбежал раньше, чем тебя успели заклеить. А по малазанским законам, раз клейма нет, то никакой ты не раб. Зато твой хозяин – преступник.

– Так оно и есть. И когда малазанцы меня освободят?

– Вряд ли они тебя освободят, – вздохнул сосед.

– Почему? – удивился Карса.

– Твой хозяин утверждает, что один раз ты уже был схвачен малазанцами на Генабакисе и отправлен на отатараловые рудники. Однако по пути туда ты якобы наслал проклятье на корабль. Поднялась страшная буря: судно разнесло в щепки, и почти все погибли. Не скажу, чтобы местные власти особо поверили его рассказам. Но надо знать малазанцев: если однажды их закон признал тебя виновным, от наказания уже не отвертеться. Поэтому, приятель, тебя ждут отатараловые рудники. Как, впрочем, и меня самого.

Карса встал. Ему пришлось сильно пригнуться. Приноровившись к высоте помещения, он сделал несколько шагов и остановился возле двери.

– Прикидываешь, не высадить ли дверь? – спросил сосед. – Пожалуй, это тебе по силам. Только дальше-то что? Ты не сделаешь и трех шагов, как тебя схватят и водворят обратно, да еще и на цепь посадят. У малазанцев здесь что-то вроде крепости, и мы с тобой находимся в самой ее середине. Нас так и так выведут наружу, и мы примкнем к другим узникам. Утром всех погонят на пристань и затолкают в трюм малазанского корабля.

– И давно я тут валяюсь?

– погоди, сейчас спосчитаю... Так, тебя притащили ночью. Прошел день, вторая ночь. Сейчас полдень.

– А Сильгара все это время держали в колодках?

– Ну да, почти.

– Рад слышать, – буркнул Карса. – Его стражника тоже схватили?

– Конечно.

– А тебя самого за что сюда бросили? – поинтересовался теблор.

– За то, что водился с опасными для малазанцев людьми. Хотя я никого не грабил и не убивал. Я ни в чем не виноват.

– А доказать можешь?

– Что доказать?

– Свою невиновность.

– Если бы мог, я бы тут не сидел. Малазанцев мои доводы не убедили.

Карса повернулся к соседу:

– Ты, случайно, не из Даруджистана?

– Нет. А почему ты вдруг спросил про Даруджистан?

Великан пожал плечами. Ему вспомнилась гибель Торвальда Номы. Пока это были лишь отстраненные воспоминания, которым он не позволил наполниться горечью утраты. Не сейчас. Сейчас нужно бороться за свою свободу.

Косяк двери тоже был железным и держался в стене на толстых скобах. Взявшись за прутья, Карса тряхнул дверь. Из-под скоб посыпалась каменная пыль.

– Вижу, ты не обращаешь внимания на советы, – сказал ему сосед.

– А я вижу, что эти малазанцы слишком беспечные.

– Я бы назвал их излишне самоуверенными: что есть, то есть. Но в уме им не откажешь. Ты – не первый великан, с которым им приходится справляться. Они повоевали и с феннами, и с треллями, и с баргастами. Беспечность – это их обманный маневр. Малазанцы сразу распознали, что твой Сильгар – маг. Нацепили ему отатараловый обруч. И все, больше никакого колдовства.

– Что это за слово, которое ты повторяешь на разные лады, – «отатараловый»?

– Отатарал – это особая руда, отвращающая магию. Из нее выплавляют металл. Редкий чародей устоит против отатаралового меча.

– И эту руду добывают под землей?

– Да. Она чем-то похожа одновременно и на песок, и на ржавчину. Особенно цветом.

– У нас есть красные скалы. Оттуда мы соскребаем порошок и делаем кровавое масло. По цвету оно тоже похоже на ржавчину.

– А для чего вам это масло?

– Мы натираем им лезвия мечей и боевое одеяние. А если проглотить несколько капель кровавого масла, то воина вообще никто не остановит.

Товарищ по несчастью внимательно посмотрел на Карсу.

– И что же, когда вы натрете мечи кровавым маслом, магия на вас не действует?

– Не знаю, как это происходит. Но все, кто пытался нападать на меня, применяя магию, очень удивлялись. Правда, недолго, потому что я их тут же убивал.

– Чудеса, да и только! – воскликнул сосед. – До сих пор и малазанцы, и мы были уверены, что отатараловая руда встречается лишь в одном месте – на большом острове к востоку отсюда. Малазанцы зорко следят, чтобы вся добываемая руда попадала исключительно в их руки. Когда завоевание Семиградья только-только начиналось, имперские маги еще не знали про отатарал и гибли десятками. Кабы не помощь т'лан имассов, они бы ни за что нас не одолели... Хочу дать тебе еще один совет: ни в коем случае не проболтайся малазанцам про кровавое масло. Если они узнают о существовании других источников отатараловой руды, то мигом соберут громадную армию и отправят ее в твои родные места. Вашей привычной жизни придет конец. И вашему народу, скорее всего, – тоже.

– У теблоров много врагов, – пожал плечами Карса. – Нам не привыкать.

– У теблоров? Так вот как вы себя называете! – Его собеседник привалился к стене и негромко засмеялся.

– Что смешного я сказал? – насторожился воитель.

Сосед не успел ответить. Хлопнула входная дверь, и в коридоре появился взвод солдат. Трое держали в руках мечи. За ними шли еще четверо с тяжелыми заряженными арбалетами.

– Осторожнее, ребята! – крикнул один солдат, увидев Карсу. – Наш великан проснулся и встал на ножки. Эй, фенн, ты меня слышишь? Отойди от двери. Предупреждаю: чтобы никаких глупостей. Нам плевать, доберешься ты до рудников или сдохнешь здесь. Узников там хватает, и плакать по тебе никто не будет. Понял?

Карса оскалил зубы, но промолчал.

– А ты, в углу, тоже давай поднимайся. Пора на солнышко.

Узник неторопливо встал. Худощавый, темнокожий, с пронзительно-голубыми глазами.

– Я требую надлежащего расследования. Имперский закон дает мне на это право.

Малазанец громко расхохотался.

– И не надоело еще невинного из себя корчить? Тебя опознали, и нам теперь точно известно, что ты за птица. И твой кружок «любителей мудрости» – вовсе не сборище безобидных чудаков, а самое настоящее тайное общество. И знаешь, кто вас выдал? Один из ваших же собратьев. Молчишь? Так-то оно лучше. Твоей болтовни мы уже вдоволь наслушались. Давай, выходи. Упертый и Лужица, держите этого фенна под прицелом. Мне что-то очень не нравится его улыбка. Особенно сейчас.

– Ну чего ты смущаешь нашего богатыря? – засмеялся другой малазанец. – Он ведь еще не знает, как ему личико разукрасили. Просто картинка. Наколка хорошо потрудились. Пожалуй, это лучшая его работа.

– А много ли татуированных беглых узников ты вообще видел, Упертый?

– Всего лишь одного. Вот его.

Они разрисовали ему лицо! Теперь понятно, откуда взялся странный зуд на лбу и щеках. Карса провел пальцами по свежим шрамам, но это не помогло. Дорого бы он сейчас дал, чтобы посмотреть в лохань с водой.

– Теперь твое лицо состоит как будто из черепков, – сказал Карсе сокамерник, проходя мимо него. – Сплошные обломки.

Двое малазанцев увели голубоглазого узника. Остальные, беспокойно косясь на Карсу, ожидали, когда их товарищи вернутся. У арбалетчика, который привалился к стене, на лбу

было несколько беловатых пятен, напоминающих лужицы. Видно, из-за них он и заработал свое прозвище.

– А я думаю, Наколка перестарался, – лениво шевеля губами, произнес Лужица. – Надо было сделать поменьше. Этот фенн и без картинки выглядел жутковато, а теперь и вовсе страшнолюдина.

– Эх ты, новобранец с трясущимися поджилками! – усмехнулся его словам другой арбалетчик. – Небось помотаешься по семиградским пустошам, еще и не такое увидишь. Сколько их перло на нас с устрашающими рожами! Баргасты, семаки, хундрилы. Неслись нам навстречу, истошно вопили. А малазанский легион молча делал свое дело, надолго отбивая у них охоту высовываться из пустынь.

– Так почему же теперь мы сами не кажем носа из города?

– Да потому, что наместнику страшно. Он, видите ли, спать не может, если под окнами половина гарнизона не толчется. Офицеры из благородных – они все такие.

– Скоро нам пришлют подкрепление. Тогда, наверное, картина изменится, – предположил Лужица. – Ведь для Ашокского полка эти места родные.

– Вот и плохо, что родные. Если вспыхнет бунт, кто поручится, что они не переметнутся на сторону мятежников? А тут еще эти «красные клинки». Не могут по улице проехать, чтобы кого-нибудь не потоптать.

Оба солдата, которые увели голубоглазого узника, вернулись.

– Ну, фенн, теперь твой черед. Не доставляй нам хлопот, тогда и самому будет легче... Иди... Медленно... Держись на шаг впереди. Поверь мне, рудники – еще не самое плохое место. Все понял? А теперь иди.

Карса не сопротивлялся.

Они вышли наружу. Светило солнце. Дом, где его держали, и впрямь находился посередине крепости, окруженной высокими толстыми стенами. Вдоль трех из них стояли другие здания – построенные основательно и способные выдержать нападение. Возле четвертой Карса увидел вереницу узников, скованных общей цепью, которая через равные промежутки крепилась к стене. Возле ворот с башенками было устроено несколько загоронок. Почти все они пустовали, за исключением двух, где содержались Сильгар и Дамиск. На правой ноге рабовладельца поблескивал медный обруч.

Вид у обоих был плачевный, и Карса ограничился лишь тем, что свирепо поглядел в их сторону. Пока шли к веренице узников, он спросил Упертого:

– Что будет с Сильгаром?

Солдат удивленно мотнул головой, затем пожал плечами.

– Наше начальство пока еще не решило. Этот тип хвастался, что на Генабакисе был богачом.

– Хочет откупиться? – усмехнулся Карса.

– Если преступление тяжкое – от имперского закона не откупишься. Но Сильгар – не уличный бродяга, с которого нечего взять. Если он действительно богат, то сможет купить себе некоторые послабления. Одно знаю: желающих подоить его будет достаточно.

– Хватит уже языком трепать, – одернул Упертого другой солдат.

Карсу снова заковали в кандалы. Они плотно облегали запястья и лодыжки, однако боли не вызывали. Голубоглазый узник оказался его соседом и здесь, в веренице арестантов.

Убедившись, что кандалы надлежащим образом закреплены, малазанские солдаты ушли.

Никакого навеса, защищавшего от солнца, узникам не полагалось. Для утоления жажды служили ведра с водой, которые тоже были расставлены через равные промежутки. Какое-то время Карса оставался на ногах, затем последовал примеру остальных и сел, привалившись спиной к стене. Люди сидели, закрыв глаза, и лишь изредка перебрасывались словами.

День тянулся еле-еле. Ближе к вечеру солнце ушло, и Карса вздохнул с облегчением. Но передышка была недолгой: на смену обжигающим солнечным лучам явились маленькие, отчаянно кусающиеся мухи.

Когда уже почти стемнело, голубоглазый узник вдруг прошептал:

– Послушай, великан, я хочу тебе кое-что предложить.

Карса вопросительно взглянул на него.

– Отатараловые рудники – это особый мир. Там все продается и покупается. Кто посмышленнее, устраивается получше. Хуже всего тому, кто сам по себе и за кого некому заступиться. Вот я и предлагаю: давай держаться вместе.

Теблор подумал, затем кивнул:

– Согласен. Но учти: если вздумаешь предать меня, убью на месте.

– Ну и правильно. Другого ответа на предательство и быть не может.

– Я тебе все сказал.

– Я тоже.

Карса хотел было спросить имя голубоглазого, но не стал. Успеется. Он был даже рад тишине, помогавшей собраться с мыслями. Выходило, что Уригалу зачем-то нужно, чтобы Карса попал на отатараловые рудники. В таком случае почему бог не помог малазанскому кораблю благополучно доплыть до тех мест?

«Ты ведешь меня кружным путем, Уригал. И на этом пути слишком много крови. Я устал от крови».

Наступила ночь. Появились двое солдат с фонарями. Малазанцы обошли всех узников, проверили надежность кандалов и вернулись восвояси. У ворот стояло несколько караульных. Еще по одному ходило взад-вперед по узким проходам вдоль стен. Возле дверей дома, где жили солдаты, тоже стояли часовые.

Карса прислонил голову к стене и закрыл глаза.

Он не знал, сколько проспал. Наверное, не слишком долго. Небо затянули облака. Кое-где в домах еще светились окна. Карсе вдруг подумалось, что он проснулся не сам. Похоже, кто-то его разбудил. Теблор попытался встать, однако чья-то рука остановила его. Карса взглянул на голубоглазого соседа. Тот спал. Неведомая рука надавила теблору на плечо и исчезла.

Юноша протер глаза, потом еще раз... Караульных у ворот не было. Никто не ходил вдоль стен и не стоял у дверей зданий. Вообще никого.

Вдоль стены ближайшего здания, стараясь не попадать в пятна света, отбрасываемые дымными факелами, крались двое. Один двигался плавно, а другой, шедший впереди, то и дело поправлял сползавший капюшон. Оба направлялись прямо к Карсе.

Первый остановился в нескольких шагах от стены. Второй встал чуть поодаль. Затем первый обеими руками откинул капюшон своего плаща, и...

«Да это же Торвальд Ном!»

Горло даруджийца было плотно замотано окровавленными тряпками. Бледное лицо покрывали крупные капли пота. Он улыбался.

– Пора тебе, дружище, покинуть это негостеприимное местечко, – прошептал Ном, доставая какой-то предмет, похожий на ключ, которым отпирают кандалы.

– Кто это с тобой? – спросил Карса.

– Один из гралов. Долго рассказывать. У меня с ними... скажем так, нашлись кое-какие общие интересы. Добавлю, что фамилию Ном уважают даже в таких далеких местах, как Эрли-тан. И хотя ниточка, связывающая меня с этими кочевниками, весьма тонкая, главное, что она есть... Довольно слов, иначе мы разбудим твоего соседа.

– Уже разбудили, – пробормотал голубоглазый.

Грал, явившийся вместе с Номом, подскочил к узнику и вдруг замер, видя, как тот начал выделывать руками какие-то странные движения.

– Их знаменитый «язык рук», – пояснил Ном.

– Мы договорились, – сообщил узник. – Я иду с вами.

– А если бы не договорились, ты бы заорал во все горло? – спросил Карса.

Его товарищ по несчастью промолчал.

– Ладно, значит, так тому и быть, – заключил даруджиец. – Удивительно, что больше никто не проснулся.

– Ничего удивительного, – ответил ему голубоглазый, медленно поднимаясь на ноги. – Они все мертвы. Никто не любит преступников. Гралы их просто ненавидят.

Из темноты вынырнул еще один кочевник. Его кривая сабля была вся в крови. Голубоглазый переговорил с ним на «языке рук», после чего грал опустил оружие.

Торвальд Ном поочередно отпер замки всех кандалов великана.

– Похоже, ты такой же живучий, как и теблоры, – заметил ему Карса.

– Мне просто повезло. Этот идиот-арак торопился, и его ножичек резанул малость не там, где надо. И все же, если бы не гралы, я бы истек кровью.

– Почему они тебя спасли?

– Гралы обожают брать людей в плен и потом требовать выкуп. Если оказывается, что за пленного взять нечего, его просто убивают. К счастью, у меня с гралами нашлись взаимные интересы.

Карса растирал онемевшие запястья.

– Какие еще интересы?

– Слишком много слов, как ты любишь повторять. Скажем так: семейство Ном помогает одним заплатить выкуп, а другим – его получить.

Вскоре они уже шли к воротам, старательно обходя полосы света. Возле ворот чернели трупы убитых караульных. Земля медленно впитывала лужи крови.

Из темноты вынырнуло еще трое гралов. Слегка приоткрыв ворота, все вышли за пределы малазанской крепости. Грал, который двигался впереди, свернул в темный переулок. Дойдя почти до его конца, он остановился.

– Куда ты теперь отправишься, дружище? – спросил Ном, касаясь руки Карсы. – Мне придется повременить с возвращением на Генабакис. Нашлись тут кое-какие дела. Увы, гралы не смогут взять тебя с собой. Ты слишком заметен.

– Он пойдет со мной, – объявил голубоглазый. – Я знаю безопасное место.

Ном вопросительно посмотрел на Карсу. Теблор лишь пожал плечами.

– Мне в этом городе не спрятаться. Да и тебя подвергать опасности лишний раз не хочу...

Ну а если этот человек мне соврал, я его попросту убью.

– Долго ли еще до смены караула? – спросил голубоглазый.

– Не меньше часа. Так что времени вам хватит.

Однако Ном ошибся. Со стороны малазанской крепости донеслись тревожные крики.

Гралы растворились в темноте.

– Торвальд Ном, спасибо тебе за помощь, – поблагодарил Карса низинника.

Порывшись в куче мусора, тот извлек оттуда... кровавый меч теблора.

– Держи, дружище. – Он бросил оружие Карсе. – Надеюсь через пару лет увидеться с тобой в Даруджистане. – И, махнув рукой, даруджиец тоже исчез.

Только сейчас воитель заметил в руках голубоглазого меч, который тот позаимствовал у кого-то из убитых солдат.

– Идем со мной, – сказал бывший узник Карсе. – Я помогу тебе выбраться из города. Есть такие пути, о которых малазанцы даже не догадываются.

Карсе не оставалось ничего иного, кроме как последовать за голубоглазым.

Они странствовали по нижней части города, покрытой паутиной кривых закоулков. Некоторые были настолько узкими, что Карса едва не задевал плечами стены. Он рассчитывал, что

новый товарищ приведет его в гавань или к городской стене, за которой начиналась пустыня. Однако вместо этого они оказались в самом центре Эрлитана и стали подниматься на высокий холм. Наверное, когда-то здесь тоже жили люди, но что-то разрушило их дома. Голубоглазый неумоимо шагал между обломками.

Возле полуразрушенной башни он остановился, нагнулся и ступил в чернеющий дверной проем, где уже давно не было никаких дверей. Карса шагнул следом и очутился в помещении с низким потолком и бугорчатым полом. Он не сразу разглядел второй проем.

Подойдя туда, голубоглазый остановился и негромко позвал:

– Мебра!

Послышался шорох.

– Это ты? Да благословит тебя Дриджна. Я слышал, тебя схватили... Понимаю, кто-то устроил побег. Внизу малазанцы подняли тревогу. Наверное, тебя ищут...

– Хватит болтать, – пресек его словесный поток голубоглазый. – В подземелье еще осталась пища?

– Конечно. И твоя ниша в целости и сохранности.

– Прекрасно. А теперь дай нам пройти. Я не один.

За проемом оказалась каменная лестница, ведущая вниз, где было еще темнее. Проходя мимо человека по имени Мебра, Карса уловил его напряженное, судорожное дыхание. Должно быть, голубоглазый тоже это почувствовал.

– Мебра, ты никому не должен рассказывать, что видел нас. Даже своим соратникам. Понял?

– Понял.

Спуск продолжался так долго, что Карса уже подумал, что они так никогда и не достигнут нижнего конца лестницы.

– Уже скоро, – сказал голубоглазый, угадав его мысли.

Влажный воздух пах солью. Камни под ногами тоже были мокрыми и скользкими. Тусклый фонарь, висящий на стене, освещал лишь ближайшее пространство. В известняке стен были выдолблены углубления, и в каждом лежали кожаные мешки.

Провожатый Карсы подошел к одной из ниш. Бросив малазанский меч, он вытащил из нее какие-то странные предметы, предназначения которых теблор не знал.

– Возьми оттуда мешок с едой, – велел Карсе голубоглазый, кивнув на соседнее углубление. – Еще выбери себе пару телаб. Это одежда такая, вроде плаща, – пояснил он. – Бери попросторнее. Не забудь оружейный пояс и ремни.

– А фонарь нужен? – уточнил воитель.

– Нет. Подземный ход длинный, но без развилок. Не заблудимся.

Карса примолк. Опять новый поворот в его жизни, и снова она разворачивается совсем не так, как ему представлялось. Вдобавок Семиградье было еще более странным местом, чем города низинников, через которые его везли в кандалах. До чего же густо населен мир этих детей. И как же они ненавидят друг друга. Это не слишком удивляло Карсу; теблорские племена тоже враждовали между собой. Но вражда среди теблоров все-таки была другой. Будучи уридом, Карса, несмотря ни на что, ощущал свою принадлежность к народу теблоров. А многие низинники, похоже, верили только самим себе, не желали признавать никаких обязательств перед сородичами и вообще настолько увлеклись своими распрями, что напрочь забыли о том, что всех их объединяет.

Карса вдруг понял: он нащупал слабое место низинников и при случае сможет нанести по нему удар.

Голубоглазый шагал быстро и неумоимо. Хотя малазанский лекарь и помог Карсе, сил у теблора было меньше, чем прежде. Постепенно расстояние между ним и спутником стало увеличиваться, и вскоре теблор обнаружил, что идет один. Правая рука по-прежнему ощу-

щала стену, а единственными звуками были его собственные шаги. Из воздуха исчезла сырость. Теперь он пах пылью.

Неожиданно стена оборвалась. Карса едва не споткнулся, не ощутив справа ставшего уже привычным известняка.

– А ты молодец, – донесся слева голос голубоглазого. – После всего, что с тобой приключилось... Ты уж прости, я не мог идти медленнее. Подними голову.

Теблор выпрямился. Вместо низкого потолка над головой сверкали звезды.

– Где мы? – спросил юноша.

– В овраге. Он тоже достаточно длинный. Рассвет наступит раньше, чем мы из него выберемся. А затем нас ждут пять-шесть дней пути по Пан'потсун-одану. Это пустыня такая. Не сомневаюсь, что малазанцы отправят вслед за нами погоню, поэтому нам нужно быть очень осторожными. Сейчас мы немного отдохнем. Выпей воды. Вода в пустыне – самое важное и ценное. Солнце – враг пострашнее малазанцев и любых кочевников. Но мы будем передвигаться от источника к источнику, так что жажда нам не грозит.

– Ты знаешь здешние места, а я – нет, – ответил ему Карса. – Но больше никто не захватит меня в плен.

– Мне по душе твоя гордость, великан.

– Ты меня не понял.

– Думаю, что понял, – засмеялся голубоглазый. – Я не навязываюсь тебе в спутники. Когда доберемся до конца оврага, ты волен идти, куда пожелаешь. Но ты не знаешь не только здешних мест. Ты не знаешь местных особенностей. Поверь мне: опасность быть пойманным малазанцами – далеко не самая страшная. Идем со мной, и ты научишься выживать в семиградских пустынях. Но я, разумеется, только предлагаю. Выбор за тобой... А теперь пошли.

Как и предрекал голубоглазый, рассвет наступил раньше, чем они достигли конца оврага. Карса был бы не прочь выбраться наверх и погреться на утреннем солнце, но его спутник сказал, что это небезопасно. Путь по сумрачному дну оврага продолжался.

Место, которое голубоглазый называл Пан'потсун-оданом, не было песчаной пустыней. Под ногами хрустела растрескавшаяся глина. Среди кактусов и колючих кустарников торчали выветренные обломки скал. Солнце успело нагреть воздух. Вокруг не было никаких признаков человеческого жилья. Впрочем, зверей Карса тоже не видел. Лишь однажды над их головами пронеслись птицы.

Голубоглазый вел Карсу на юго-запад, тщательно огибая холмы. Оба шли молча, чтобы не тратить зря силы. Да и жара не слишком располагала к разговорам.

Солнце уже клонилось к закату, когда голубоглазый вдруг остановился и замер. Выругавшись на своем языке, он бросил Карсе:

– Всадники!

Великан огляделся по сторонам. Вокруг было все так же пусто.

– Я их ногами чую, – пояснил его спутник. – Земля передает цокот копыт... Значит, Мебра переметнулся на другую сторону. Что ж, однажды я расквитаюсь с ним за предательство.

Теперь и мозолистые подошвы босых ног Карсы ощутили приближение всадников. Пока те были еще далеко.

– Если ты подозревал этого Мебру в вероломстве, то почему не убил его? – удивился Карса.

– Если бы я убивал всех, кого подозреваю, вокруг меня почти никого не осталось бы. Мне нужно было удостовериться. Теперь я знаю наверняка.

– Может, он просто случайно кому-то проболтался? – предположил теблор.

– Болтун ничем не лучше предателя. Вся разница лишь в том, что первый делает это по глупости, а второй – по злему умыслу... Надо срочно искать укрытие. Здесь малазанцы сразу нас заметят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.